

СОЧИНЕНІЯ

НИКОЛАЯ ГОГОЛЯ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1842.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по напечатанiи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, Iюня 5 дня 1842 года.

Ценсоръ А. Никитенко.

ВЪ ТИПОГРАФIИ А. БОРОДИНА И К°.

Предпринимая изданіе сочиненій моихъ, выходившихъ доселѣ отдѣльно и разбросанныхъ частію въ повременныхъ изданіяхъ, я пересмотрѣлъ ихъ вновь: много незрѣлаго, много необдуманнаго, много дѣтски-несовершеннаго! Что было можно исправить, то исправлено, чего нельзя, то осталось неисправленнымъ, такъ какъ было. Всю первую часть слѣдовало бы исключить вовсе: это первоначальные ученическіе опыты, недостойные строгаго вниманія читателя; но при нихъ чувствовались первыя сладкія минуты молода-

*

го вдохновенія, и мнѣ стало жалко исключить ихъ, какъ жалко исторгнуть изъ памяти первыя игры невозвратной юности. Снисходительный читатель можетъ пропустить весь первый томъ и начать чтеніе со втораго.

Ж. Г.

ВЕЧЕРА

НА ХУТОРѢ БЛИЗЪ ДИКАНЬКИ.

═

ПОВѢСТИ,

ИЗДАННЫЯ

ПАСИЧНИКОМЪ РУДЫМЪ ПАНЬКОМЪ.

═

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

═

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Это что за невидаль: Вечера на хуторѣ близъ Диканьки? Что это за вечера? И швырнулъ въ свѣтъ какой-то пасичникъ! Слава Богу! еще мало ободрали гусей на перья и извели тряпья на бумагу! еще мало народу; всякаго званія и сброду, вымарало пальцы въ чернилахъ! Дернула же охота и пасичника потащиться вслѣдъ за другими! Право, печатной бумаги развелось столько, что не придумаешь скоро, что̀ бы такое завернуть въ нее».

Слышало, слышало вѣщее мое всѣ эти рѣчи еще за мѣсяцъ! то есть, я говорю, что нашему брату, хуторянину, высунуть носъ изъ своего захолустья въ большой свѣтъ — батюшки мои! — это все равно, какъ случается, иногда зайдешь въ покои великаго пана: всѣ обступятъ тебя и пойдутъ дурачить; еще бы ничего, пусть уже высшее лакейство, нѣтъ, какой-

нибудь оборванный мальчишка, посмотрѣть — дрянь, который копается на заднемъ дворѣ, и тотъ пристанетъ; и начнутъ со всѣхъ сторонъ притопывать ногами: «куда, куда, зачѣмъ? пошолъ, мужикъ, пошолъ!...» Я вамъ скажу... Да что говорить! Мнѣ легче два раза въ годъ съѣздить въ Миргородъ, въ которомъ, вотъ уже пять лѣтъ, какъ не видалъ меня ни подсудокъ изъ земскаго суда, ни почтенный іерей, чѣмъ показаться въ этотъ великій свѣтъ; а показался — плачь, не плачь, давай отвѣтъ.

У насъ, мои любезные читатели, не во гнѣвъ будь сказано (вы, можетъ-быть, и разсердитесь, что пасичникъ говоритъ вамъ запросто, какъ-будто какому-нибудь свату своему, или куму), у насъ, на хуторахъ, водится издавна: какъ-только окончатся работы въ полѣ, мужикъ залѣзетъ отдыхать на всю зиму на печь, и нашъ братъ припрячетъ своихъ пчелъ въ темный погребъ, когда ни журавлей на небѣ, ни грушъ на деревѣ не увидите болѣе, тогда, только вечеръ, уже навѣрно гдѣ-нибудь въ концѣ улицы брежжетъ огонекъ, смѣхъ и пѣсни

слышатся издалече, бренчитъ балалайка, а подчасъ и скрыпка, говоръ, шумъ... это у насъ *вечерницы!* Онѣ, изволите видѣть, онѣ похожи на ваши балы; только нельзя сказать, чтобы совсѣмъ. На балы если вы ѣдете, то именно для того, чтобы повертѣть ногами и позѣвать въ руку; а у насъ, соберется въ одну хату толпа дѣвушекъ совсѣмъ не для бала, съ веретеномъ, съ гребнями; и сначала будто и дѣломъ займутся: веретена шумятъ, льются пѣсни, и каждая не подыметъ и глазъ въ сторону; но только нагрянутъ въ хату парубки съ скрыпачемъ — подымется крикъ, затѣется шаль, пойдутъ танцы и заведутся такія штуки, что и разсказать нельзя.

Но лучше всего, когда собьются всѣ въ тѣсную кучку и пустятся загадывать загадки, или просто, нести болтовню. Боже ты мой! чего только не разскажутъ! откуда старины не выкопаютъ! какихъ страховъ не нанесутъ! Но нигдѣ, можетъ-быть, не было разсказываемо столько диковинъ, какъ на вечерахъ у пасичника Рудаго Панька. За что̀ меня міряне про-

звали Рудымъ Панькомъ—ейбогу не умѣю сказать. И волосы, кажется, у меня теперь болѣе сѣдые, чѣмъ рыжіе. Но у насъ, не извольте гнѣваться, такой обычай: какъ дадутъ кому люди какое прозвище, то и во вѣки вѣковъ останется оно. Бывало, соберутся, наканунѣ праздничнаго дня, добрые люди, въ-гости, въ пасичникову лачужку, усядутся за столъ, — и тогда прошу только слушать. И то сказать, что люди были вовсе не простаго десятка, не какіе-нибудь мужики хуторянскіе; да, можетъ, иному и повыше пасичника, сдѣлали бы честь посѣщеніемъ. Вотъ напримѣръ, знаете ли вы дьяка диканьской церкви, Ѳому Григорьевича? Эхъ голова! что за-исторіи умѣлъ онъ отпускать! Двѣ изъ нихъ найдете въ этой книжкѣ. Онъ никогда не носилъ пестрядеваго халата, какой встрѣтите вы на многихъ деревенскихъ дьячкахъ; но заходите къ нему и въ будни, онъ васъ всегда приметъ въ балахонѣ изъ тонкаго сукна, цвѣта застуженаго картофельнаго киселя, за которое платилъ онъ въ Полтавѣ, чуть не по шести рублей за аршинъ.

Отъ сапогъ его, у насъ никто не скажетъ на цѣломъ хуторѣ, чтобы слышенъ былъ запахъ дегтя; но всякому извѣстно, что онъ чистилъ ихъ самымъ лучшимъ смальцемъ, какого, думаю, съ радостью иной мужикъ положилъ бы себѣ въ кашу. Никто не скажетъ также, чтобы онъ когда-либо утиралъ носъ полою своего балахона, какъ то̀ дѣлаютъ иные люди его званія; но вынималъ изъ-за пазухи опрятно сложенный, бѣлый платокъ, вышитый по всѣмъ краямъ красными нитками, и исправивши что̀ слѣдуетъ, складывалъ его снова, по обыкновенію въ двѣнадцатую долю, и пряталъ за пазуху. А одинъ изъ гостей... ну, тотъ уже былъ такой паничъ, что хоть сейчасъ нарядить въ засѣдатели, или подкоморіи. Бывало, поставитъ передъ собою палецъ, и глядя на конецъ его, пойдетъ разсказывать — вычурно, да хитро, какъ въ печатныхъ книжкахъ! Иной разъ слушаешь, слушаешь, да и раздумье нападетъ. Ничего, хоть убей, не понимаешь. Откуда онъ словъ понабрался такихъ? Ѳома Григорьевичъ разъ ему на счетъ этого славную сплелъ присказку: онъ

разсказалъ ему, какъ одинъ школьникъ, учившійся у какого-то дьяка грамотѣ, пріѣхалъ къ отцу, и сталъ такимъ латинщикомъ, что позабылъ даже нашъ языкъ православный; всѣ слова сворачиваетъ на усъ: лопата, у него лопатусъ; баба, бабусъ. Вотъ, случилось разъ, пошли они вмѣстѣ съ отцомъ въ поле. Латинщикъ увидѣлъ грабли и спрашиваетъ отца: «какъ это, батьку, по вашему называется?» да и наступилъ, разинувши ротъ, ногою на зубцы. Тотъ не успѣлъ собраться съ отвѣтомъ, какъ ручка, размахнувшись, поднялась и—хвать его по лбу. «Проклятыя грабли!» закричалъ школьникъ, ухватясь рукою за лобъ и подскочивши на аршинъ: «какъ же онѣ, чортъ бы спихнулъ съ мосту отца ихъ, больно бьются!» Такъ вотъ какъ! припомнилъ и имя, голубчикъ! — Такая присказка не по душѣ пришлась затѣйливому разскащику. Не говоря ни слова, всталъ онъ съ мѣста, разставилъ ноги свои посереди комнаты, нагнулъ голову немного впередъ, засунулъ руку въ задній карманъ гороховаго кафтана своего, вытащилъ круглую подъ лакомъ та-

бакерку, щелкнулъ пальцемъ по намалеванной рожѣ какого-то бусурманскаго генерала и захвативши не малую порцію табаку, растертаго съ золою и листьями любистка, поднесъ ее коромысломъ къ носу, и вытянулъ носомъ налету всю кучку, не дотронувшись даже до большаго пальца,—и все ни слова; да какъ полѣзъ въ другой карманъ и вынулъ синій въ клѣткахъ бумажный платокъ, тогда-только проворчалъ про-себя, чуть ли еще не поговорку: «*не мечите бисеръ предъ свиньями...*» Быть же теперь ссорѣ, подумалъ я, замѣтивъ, что пальцы у Ѳомы Григорьевича такъ и складывались, дать дулю. Къ счастію, старуха моя догадалась поставить на столъ горячій книшъ съ масломъ; всѣ принялись за дѣло. Рука Ѳомы Григорьевича, вмѣсто того, чтобъ показать шишъ, протянулась къ книшу и, какъ всегда водится, начали прихваливать мастерицу-хозяйку. Еще былъ у насъ одинъ разскащикъ; но тотъ (нечего бы къ ночи и вспоминать о немъ) такія выкапывалъ страшныя исторіи, что волосы ходили по головѣ. Я нарочно и не помѣщалъ ихъ

сюда. Еще напугаешь добрыхъ людей такъ, что пасичника, прости Господи, какъ чорта всѣ станутъ бояться; пусть лучше какъ доживу, если дастъ Богъ, до новаго года и выпущу другую книжку, тогда можно будетъ постращать выходцами съ того свѣта и дивами, какія творились въ старину, въ православной сторонѣ нашей. Межъ ними, статься-можетъ, найдете побасенки самого пасичника, какія разсказывалъ онъ своимъ внукамъ. Лишь бы слушали, да читали, а у меня, пожалуй, лѣнь только проклятая рыться, наберется и на десять такихъ книжекъ.

Да, вотъ-было и позабылъ самое главное: какъ будете, господа, ѣхать ко мнѣ, то прямехонько берите путь по столбовой дорогѣ, на Диканьку. Я нарочно и выставилъ ее на первомъ листкѣ, чтобы скорѣе добрались до нашего хутора. Про Диканьку же, думаю, вы наслышались вдоволь. И то сказать, что тамъ домъ почище какого-нибудь пасичникова куреня. А про садъ и говорить нечего: въ Петербургѣ вашемъ, вѣрно, не сыщется такого. Прі-

ѣхавши же въ Диканьку, спросите только перваго попавшагося на-встрѣчу мальчишку, пасущаго въ запачканной рубашкѣ гусей: «а гдѣ живетъ пасичникъ Рудый Панько?» «А вотъ тамъ!» скажетъ онъ, указавши пальцемъ, и если хотите, доведетъ васъ до самаго хутора. Прошу однакожъ не слишкомъ закладывать назадъ руки и, какъ говорится, финтить, потому-что дороги по хуторамъ нашимъ не такъ гладки, какъ передъ вашими хоромами. Ѳома Григорьевичъ, третьяго году, пріѣзжая изъ Диканьки, понавѣдался-таки въ провалъ съ новою таратайкою своею и гнѣдою кобылою, несмотря на то, что самъ правилъ, и что сверхъ своихъ глазъ, надѣвалъ по-временамъ еще покупные.

За то уже, какъ пожалуете въ гости, то-дынь подамъ такихъ, какихъ вы отроду, можетъ-быть, не ѣли; а меду, и забожусь, лучшаго не сыщете на хуторахъ: представьте себѣ, что какъ внесешь сотъ—духъ пойдетъ по всей комнатѣ, вообразить нельзя, какой: чистъ, какъ слеза, или хрусталь дорогой, что бываетъ въ

серьгахъ. А какими пирогами накормитъ моя старуха! что за пироги, если бъ вы только знали: сахаръ, совершенный сахаръ! а масло, такъ вотъ и течетъ по губамъ, когда начнешь ѣсть. Подумаешь право: на что̀ не мастерицы эти бабы! Пили ли вы когда-либо, господа, грушевый квасъ съ терновыми ягодами, или варенуху съ изюмомъ и сливами? или, не случалось ли вамъ, подчасъ, ѣсть путрю съ молокомъ? Боже ты мой, какихъ на свѣтѣ нѣтъ кушаньевъ! Станешь ѣсть—объяденье, да и полно; сладость неописанная! Прошлаго года.... Однако жъ, что я въ-самомъ-дѣлѣ разболтался?... Пріѣзжайте только, пріѣзжайте поскорѣй; а накормимъ такъ, что будете разсказывать и встрѣчному и поперечному.

Пасичникъ Рудый Панько.

СОРОЧИНСКАЯ

ЯРМАРКА.

СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАРКА.

I.

Мнни нудно въ хати жить.
Ой вези жъ меня изъ дому,
Де богацько грому, грому,
Де гопцюютъ все дивкы.
Де гуляютъ парубки!
Изъ старой легенды.

Какъ упоителенъ, какъ роскошенъ лѣтній день въ Малороссіи! Какъ томительно-жарки тѣ часы, когда полдень блещетъ въ тишинѣ и зноѣ, и голубой, неизмѣримый океанъ, сладострастнымъ куполомъ нагнувшійся надъ землею, кажется, заснулъ, весь потонувши въ нѣгѣ, обнимая и сжимая прекрасную въ воздушныхъ объятіяхъ своихъ! На немъ ни облака. Въ полѣ ни рѣчи.

Все какъ-будто умерло; вверху только, въ небесной глубинѣ дрожитъ жаворонокъ, и серебряныя пѣсни летятъ по воздушнымъ ступенямъ на влюбленную землю, да изрѣдка крикъ чайки или звонкій голосъ перепела отдается въ степи. Лѣниво и безумно, будто гуляющіе безъ цѣли, стоятъ подоблачные дубы, и ослѣпительные удары солнечныхъ лучей зажигаютъ цѣлыя живописныя массы листьевъ, накидывая на другіе темную, какъ ночь, тѣнь, по которой только при сильномъ вѣтрѣ прыщетъ золото. Изумруды, топазы, яхонты эѳирныхъ насѣкомыхъ сыплются надъ пестрыми огородами, осѣняемыми статными подсолнечниками. Сѣрыя скирды сѣна и золотые снопы хлѣба станомъ располагаются въ полѣ и кочуютъ по его неизмѣримости. Нагнувшіяся отъ тяжести плодовъ широкія вѣтви черешенъ, сливъ, яблонь, грушъ; небо, его чистое зеркало — рѣка въ зеленыхъ, гордо поднятыхъ рамахъ... какъ полно сладострастія и нѣги малороссійское лѣто!

Такою роскошью блисталъ одинъ изъ дней жаркаго августа тысячу-восемь-сотъ... восемь-сотъ... да, лѣтъ тридцать будетъ назадъ тому, когда дорога, верстъ за десять до мѣстечка Сорочи-

нецъ, кипѣла народомъ, поспѣшавшимъ со всѣхъ окрестныхъ и дальнихъ хуторовъ на ярмарку. Съ утра еще тянулись нескончаемою вереницею чумаки съ солью и рыбою. Горы горшковъ, закутанныхъ въ сѣно, медленно двигались, кажется, скучая своимъ заключеніемъ и темнотою; мѣстами только какая-нибудь расписанная ярко миска, или макитра хвастливо выказывалась изъ высоко-взгроможденнаго на возу плетня, и привлекала умиленные взгляды поклонниковъ роскоши. Много прохожихъ поглядывало съ завистью на высокаго гончара, владѣльца сихъ драгоцѣнностей, который медленными шагами шелъ за своимъ товаромъ, заботливо окутывая глиняныхъ своихъ щеголей и кокетокъ ненавистнымъ для нихъ сѣномъ.

Одиноко всторонѣ тащился истомленными волами возъ, наваленный мѣшками, пенькою, полотномъ и разною домашнею поклажею, за которымъ брелъ, въ чистой полотняной рубашкѣ и запачканныхъ полотняныхъ шароварахъ, его хозяинъ. Лѣнивою рукой обтиралъ онъ катившійся градомъ потъ со смуглаго лица и даже капавшій съ длинныхъ усовъ, напудренныхъ тѣмъ неумолимымъ парикмахеромъ, который безъ

зову является и къ красавицѣ, и къ уроду, и насильно пудритъ нѣсколько тысячъ уже лѣтъ весь родъ человѣческій. Рядомъ съ нимъ шла привязанная къ возу кобыла, смиренный видъ которой обличалъ преклонныя лѣта ея. Много встрѣчныхъ, и особливо молодыхъ парубковъ, брались за шапку, поровнявшись съ нашимъ мужикомъ. Однако жъ не сѣдые усы и не важная поступь его заставляли это дѣлать; стоило только поднять глаза немного вверхъ, чтобъ увидѣть причину такой почтительности: на возу сидѣла хорошенькая дочка съ круглымъ личикомъ, съ черными бровями, ровными дугами, поднявшимися надъ свѣтлыми карими глазами, съ безпечно-улыбавшимися розовыми губками, съ повязанными на головѣ красными и синими лентами, которыя, вмѣстѣ съ длинными косами и пучкомъ полевыхъ цвѣтовъ, богатою короною покоились на ея очаровательной головкѣ. Все, казалось, занимало ее; все было ей чудно, ново.... и хорошенькіе глазки безпрестанно бѣгали съ одного предмета на другой. Какъ не разсѣяться! въ первый разъ на ярмаркѣ! Дѣвушка въ осьмнадцать лѣтъ въ первый разъ на ярмаркѣ!... Но ни одинъ изъ прохожихъ и проѣз-

жихъ не зналъ, чего ей стоило упросить отца взять съ собою, который и душею радъ бы былъ это сдѣлать прежде, еслибы не злая мачиха, выучившаяся держать его въ рукахъ такъ же ловко, какъ онъ возжи своей старой кобылы, тащившейся, за долгое служеніе, теперь на продажу. Неугомонная супруга... но мы и позабыли, что и она тутъ же сидѣла на высотѣ воза въ нарядной шерстяной, засаленной кофтѣ, по которой, будто по горностаевому мѣху, нашиты были хвостики краснаго только цвѣта, въ богатой плахтѣ, пестрѣвшей какъ шахматная доска, и въ ситцевомъ цвѣтномъ очипкѣ, придававшемъ какую-то особенную важность ея красному, полному лицу, по которому проскальзывало что-то столь непріятное, столь дикое, что каждый тотчасъ спѣшилъ перенести встревоженный взглядъ свой на веселенькое личико дочки.

Глазамъ нашихъ путешественниковъ началъ уже открываться Псёлъ; издали уже вѣяло прохладою, которая казалась ощутительнѣе послѣ томительнаго, разрушающаго жара. Сквозь темно и свѣтло-зеленые листья небрежно раскиданныхъ по лугу осокоровъ, березъ и тополей, за-

сверкали огненныя, одѣтыя холодомъ искры, и рѣка-красавица блистательно обнажила серебряную грудь свою, на которую роскошно падали зеленыя кудри деревъ. Своенравная, какъ она въ тѣ упоительные часы, когда вѣрное зеркало такъ завидно заключаетъ въ себѣ ея полное гордости и ослѣпительнаго блеска чело, лилейныя плечи и мраморную шею, осѣненную темною, упавшею съ русой головы волною, когда съ презрѣніемъ кидаетъ однѣ украшенія, чтобы замѣнить ихъ другими, и капризамъ ея конца нѣтъ— она почти каждый годъ перемѣняетъ свои окрестности, выбираетъ себѣ новый путь и окружаетъ себя новыми, разнообразными ландшафтами. Ряды мельницъ подымали на тяжелыя колеса свои широкія волны и мощно кидали ихъ, разбивая въ брызги, обсыпая пылью и обдавая шумомъ окрестность. Возъ съ знакомыми намъ пассажирами въѣхалъ въ это время на мостъ, и рѣка во всей красотѣ и величіи, какъ цѣльное стекло, раскинулась передъ ними. Небо, зеленые и синіе лѣса, люди, возы съ горшками, мельницы, все опрокинулось, стояло и ходило вверхъ ногами, не падая въ голубую, прекрасную бездну. Красавица наша задумалась, глядя на роскошь

вида, и позабыла даже лущить свой подсолнечникъ, которымъ исправно занималась во все продолженіе пути, какъ вдругъ слова: «ай да дѣвушка!» поразили слухъ ея. Оглянувшись, увидѣла она толпу стоявшихъ на мосту парубковъ, изъ которыхъ одинъ, одѣтый пощеголеватѣе прочихъ, въ бѣлой свиткѣ и въ сѣрой шапкѣ решетиловскихъ смушекъ, подпершись въ бока, молодецки поглядывалъ на проѣзжающихъ. Красавица не могла не замѣтить его загорѣвшаго, но исполненнаго пріятности лица и огненныхъ очей, казалось, стремившихся видѣть ее насквозь, и потупила глаза при мысли, что, можетъ-быть, ему принадлежало произнесенное слово. «Славная дѣвушка!» продолжалъ парубокъ въ бѣлой свиткѣ, не сводя съ нея глазъ. «Я бы отдалъ все свое хозяйство, чтобы поцѣловать ее. А вотъ впереди и дьяволъ сидитъ!» Хохотъ поднялся со всѣхъ сторонъ; но разряженной сожительницѣ медленно выступавшаго супруга не слишкомъ показалось такое привѣтствіе: красныя щеки ея превратились въ огненныя, и трескъ отборныхъ словъ посыпался дождемъ на голову разгульнаго парубка:

«Чтобъ ты подавился, негодный бурлакъ!

Чтобъ твоего отца горшкомъ въ голову стукнуло! Чтобъ онъ поскользнулся на льду, антихристъ проклятый! Чтобъ ему на томъ свѣтѣ чортъ бороду обжегъ!»

«Вишь, какъ ругается!» сказалъ парубокъ, вытаращивъ на нее глаза, какъ будто озадаченный такимъ сильнымъ залпомъ неожиданныхъ привѣтствій: «и языкъ у нея, у столѣтней вѣдьмы, не заболитъ выговорить эти слова».

«Столѣтней!» подхватила пожилая красавица. «Нечестивецъ! поди, умойся напередъ! Сорванецъ негодный! Я не видала твоей матери, но знаю, что дрянь! и отецъ дрянь! и тетка дрянь! Столѣтней! что у него молоко еще на губахъ...» Тутъ возъ началъ спускаться съ мосту, и послѣднихъ словъ уже невозможно было разслушать; но парубокъ не хотѣлъ, кажется, кончить этимъ: не думая долго, схватилъ онъ комокъ грязи и швырнулъ вслѣдъ за нею. Ударъ былъ удачнѣе, нежели можно было предполагать: весь новый ситцевый очипокъ забрызганъ былъ грязью, и хохотъ разгульныхъ повѣсъ удвоился съ новою силой. Дородная щеголиха вскипѣла гнѣвомъ; но возъ отъѣхалъ въ это время довольно далеко, и месть ея обратилась на

безвинную падчерицу и медленнаго сожителя, который, привыкнувъ издавна къ подобнымъ явленіямъ, сохранялъ упорное молчаніе и хладнокровно принималъ мятежныя рѣчи разгнѣванной супруги. Однако жъ, не смотря на это, неутомимый языкъ ея трещалъ и болтался во рту до-тѣхъ-поръ, пока не пріѣхали они въ пригородье, къ старому знакомому и куму, казаку Цыбулѣ. Встрѣча съ кумовьями, давно невидавшимися, выгнала на время изъ головы это непріятное происшествіе, заставивъ нашихъ путешественниковъ поговорить объ ярмаркѣ и отдохнуть немного послѣ дальняго пути.

II.

Що Боже, ты мій Господе! чого нема на тій ярмарци! колеса, скло, деготь, тютюнъ, ремень, цыбуля, крамари всяки... такъ, що хоть бы въ кешени було рублівъ и съ тридцять, то и тогди бъ не закупивъ у сій ярмаркы.

Изъ малороссійской комедіи.

Вамъ вѣрно случалось слышать гдѣ-то валящійся, отдаленный водопадъ, когда встревоженная окрестность полна гула, и хаосъ чудныхъ, неясныхъ звуковъ вихремъ носится передъ вами. Не правда ли, не тѣ ли самыя чувства мгновенно обхватятъ васъ въ вихрѣ сельской ярмарки, когда весь народъ сростается въ одно огромное чудовище и шевелится всѣмъ своимъ туловищемъ

на площади и по тѣснымъ улицамъ, кричитъ, гогочетъ, гремитъ? Шумъ, брань, мычаніе, блеяніе, ревъ, все сливается въ одинъ нестройный говоръ. Волы, мѣшки, сѣно, цыганы, горшки, бабы, пряники, шапки — все ярко, пестро, нестройно, мечется кучами и снуется передъ глазами. Разноголосныя рѣчи потопляютъ другъ друга и ни одно слово не выхватится, не спасется отъ этого потопа; ни одинъ крикъ не выговорится ясно. Только хлопанье по рукамъ торгашей слышится со всѣхъ сторонъ ярмарки. Ломается возъ, звенитъ желѣзо, гремятъ сбрасываемыя на землю доски, и закружившаяся голова недоумѣваетъ, куда обратиться. Пріѣзжій мужикъ нашъ съ чернобровою дочкой давно уже толкался въ народѣ. Подходилъ къ одному возу, щупалъ другой, примѣнивался къ цѣнамъ; а между-тѣмъ, мысли его ворочались безостановочно около десяти мѣшковъ пшеницы и старой кобылы, привезенныхъ имъ на продажу. По лицу его дочки замѣтно было, что ей не слишкомъ пріятно тереться около возовъ съ мукою и пшеницею. Ей бы хотѣлось туда, гдѣ подъ полотняными ятками нарядно развѣшены красныя ленты, серьги, оловянные, мѣдные кресты и дука-

ты. Но и тутъ однако жъ она находила себѣ много предметовъ для наблюденія: ее смѣшило до крайности, какъ цыганъ и мужикъ били одинъ другаго по рукамъ, вскрикивая сами отъ боли; какъ пьяный жидъ давалъ бабѣ киселя; какъ поссорившіяся перекупки перекидывались бранью и раками; какъ москаль, поглаживая одною рукою свою козлиную бороду, другою... Но вотъ почувствовала она, кто-то дернулъ ее за шитый рукавъ сорочки. Оглянулась — и парубокъ въ бѣлой свиткѣ съ яркими очами стоялъ передъ нею. Жилки ея вздрогнули и сердце забилось такъ, какъ еще никогда, ни при какой радости, ни при какомъ горѣ: и чудно, и любо ей показалось, и сама не могла растолковать, что̀ дѣлалось съ нею. «Не бойся, серденько, не бойся!» говорилъ онъ ей въ-полголоса, взявши ея руку: «я ничего не скажу тебѣ худаго!»— Можетъ-быть, это и правда, что ты ничего не скажешь худаго — подумала про себя красавица: — только мнѣ чудно... вѣрно это лукавый! Сама, кажется, знаешь, что не годится такъ... а силы недостаетъ взять отъ него руку. — Мужикъ оглянулся и хотѣлъ что-то промолвить дочери, но в сторонѣ послышалось слово: пшеница. Это магическое слово за-

ставило его, въ ту же минуту, присоединиться къ двумъ, громко разговаривающимъ негоціантамъ, и приковавшагося къ нимъ вниманія уже ничто не въ состояніи было развлечь.

═

III.

Чи бачишь винъ якый парпыще?
На свити трохы есть такыхъ.
Сывуху такъ мовъ брагу хлыще!

Котляревскій. Энеида.

«Такъ ты думаешь, землякъ, что плохо пойдетъ наша пшеница?» говорилъ человѣкъ, съ виду похожій на заѣзжаго мѣщанина, обитателя какого-нибудь мѣстечка, въ пестрядевыхъ, запачканныхъ дегтемъ и засаленныхъ шароварахъ, другому въ синей, мѣстами уже съ заплатами, свиткѣ и съ огромною шишкою на лбу.

«Да думать нечего тутъ; я готовъ вскинуть

на себя петлю и болтаться на этомъ деревѣ, какъ колбаса предъ рождествомъ на хатѣ, если мы продадимъ хоть одну мѣрку».

«Кого ты, землякъ, морочишь? Привозу вѣдь, кромѣ нашего, нѣтъ вовсе» возразилъ человѣкъ въ пестрядевыхъ шароварахъ. — «Да, говорите себѣ, что хотите» думалъ про себя нашъ знакомецъ, не пропускавшій ни одного слова изъ разговора двухъ негоціантовъ: «а у меня десять мѣшковъ есть въ запасѣ».

«То-то и есть, что если гдѣ замѣшалась чертовщина, то ожидай столько проку, сколько отъ голоднаго москаля» значительно сказалъ человѣкъ съ шишкою на лбу.

«Какая чертовщина?» подхватилъ человѣкъ въ пестрядевыхъ шароварахъ.

«Слышалъ ли ты, что поговариваютъ въ народѣ?» продолжалъ съ шишкою на лбу, наводя на него искоса свои угрюмыя очи.

«Ну!»

«Ну, то-то ну! Засѣдатель, чтобъ ему не довелось обтирать губъ послѣ панской сливянки, отвелъ для ярмарки проклятое мѣсто, на которомъ, хоть тресни, ни зерна не спустишь. Видишь ли ты тотъ старый, развалившійся сарай,

что́ вонъ-вонъ стоитъ подъ горою?» (Тутъ любопытный отецъ нашей красавицы подвинулся еще ближе и весь превратился, казалось, во вниманіе). «Въ томъ сараѣ то и дѣло, что водятся чертовскія шашни; и ни одна ярмарка на этомъ мѣстѣ не проходила безъ бѣды. Вчера волостной писарь проходилъ поздно вечеромъ, только глядь— въ слуховое окно выставилось свиное рыло и хрюкнуло такъ, что у него морозъ подралъ по кожѣ; того и жди, что опять покажется *красная свитка!*»

«Что жъ это за *красная свитка*?»

Тутъ у нашего внимательнаго слушателя волосы поднялись дыбомъ; со страхомъ оборотился онъ назадъ и увидѣлъ, что дочка его и парубокъ спокойно стояли, обнявшись и напѣвая другъ другу какія-то любовныя сказки, позабывъ про всѣ находящіяся на свѣтѣ свитки. Это разогнало его страхъ и заставило обратиться къ прежней безпечности.

«Эге, ге, ге, землякъ! да ты мастеръ, какъ вижу, обниматься! Чортъ меня возьми, если я не на четвертый только день послѣ свадьбы выучился обнимать покойную свою Хвеську, да и

то спасибо куму: бывши *дружкою,* уже надоумилъ».

Парубокъ замѣтилъ тотъ же часъ, что отецъ его любезной не слишкомъ далекъ, и въ мысляхъ принялся строить планъ, какъ бы склонить его въ свою пользу. «Ты вѣрно, человѣкъ добрый, не знаешь меня, а я тебя тотчасъ узналъ».

«Можетъ и узналъ».

«Если хочешь, и имя, и прозвище, и всякую всячину разскажу: тебя зовутъ Солопій Черевикъ».

«Такъ, Солопій Черевикъ».

«А вглядись-ко хорошенько: не узнаешь ли меня?»

«Нѣтъ, не познаю. Не во гнѣвъ будь сказано: на вѣку столько довелось наглядѣться рожъ всякихъ, что чортъ ихъ и припомнитъ всѣхъ!»

«Жаль же, что ты не припомнишь Голопупенкова сына!»

«А ты будто Охримовъ сынъ?»

«А кто жъ? Развѣ одинъ только *лысый дидько,* если не онъ».

Тутъ пріятели побрались за шапки, и пошло

лобызаніе; нашъ Голопупенковъ сынъ однакожъ, не теряя времени, рѣшился въ ту же минуту осадить новаго своего знакомаго.

«Ну, Солопій, вотъ какъ видишь, я и дочка твоя полюбили другъ друга такъ, что хоть бы и на-вѣки жить вмѣстѣ».

«Что жъ, Параска» сказалъ Черевикъ, оборотившись и смѣясь къ своей дочери: «можетъ, и въ-самомъ-дѣлѣ, чтобы уже, какъ говорятъ, вмѣстѣ и того.... чтобы и паслись на одной травѣ! Что? по рукамъ? А ну-ка, новобранный зять, давай могарычу!»—и всѣ трое очутились въ извѣстной ярмарочной ресторацiи — подъ яткою у жидовки, усѣянною многочисленною флотиліей сулей, бутылей, фляжекъ всѣхъ родовъ и возрастовъ. «Эхъ, хватъ! за это люблю!» говорилъ Черевикъ, немного подгулявши и видя, какъ нареченный зять его налилъ кружку величиною съ полкварты и, нимало не поморщившись, выпилъ до дна, хвативъ потомъ ее въ дребезги. «Чтó скажешь, Параска? Какого я жениха тебѣ досталъ! Смотри, смотри: какъ онъ молодецки тянетъ пѣнную!..» и, посмѣиваясь и покачиваясь, побрелъ онъ съ нею къ своему возу, а нашъ парубокъ отправился по рядамъ съ красными

товарами, въ которыхъ находились купцы изъ Гадяча и Миргорода — двухъ знаменитыхъ городовъ полтавской губерніи, выглядывать получше деревянную люльку въ мѣдной, щегольской оправѣ, цвѣтистый по красному полю платокъ и шапку для свадебныхъ подарковъ тестю и всѣмъ, кому слѣдуетъ

═

IV.

Хоть чоловикамъ не овес,
Да коли жинци, бачишь, тес,
Такъ треба угодыты....

Котляревскій.

«Ну жинка! а я нашелъ жениха дочкѣ!»

«Вотъ, какъ разъ до того теперь, чтобы женихов отыскивать. Дурень, дурень! тебѣ вѣрно и на роду написано остаться такимъ! Гдѣ жъ таки ты видѣлъ, гдѣ жъ таки ты слышалъ, чтобы добрый человѣкъ бѣгалъ теперь за женихами? Ты подумалъ бы лучше, какъ пшеницу съ рукъ сбыть; хорошъ долженъ быть и женихъ

тамъ! Думаю, оборваннѣйшій изъ всѣхъ голодранцевъ».

«Э, какъ бы не такъ, посмотрѣла бы ты, что тамъ за парубокъ! Одна свитка больше стóитъ, чѣмъ твоя зеленая кофта и красные сапоги. А какъ сивуху *важно* дуетъ... Чортъ меня возьми вмѣстѣ съ тобою, если я видѣлъ на вѣку своемъ, чтобы парубокъ духомъ вытянулъ полкварты, не поморщившись».

«Ну, такъ: ему если пьяница, да бродяга, такъ и его масти. Бьюсь объ закладъ, если это не тотъ самый сорванецъ, который увязался за нами на мосту. Жаль, что до-сихъ-поръ онъ не попадется мнѣ: я бы дала ему знать».

«Что жъ, Хивря, хоть бы и тотъ самый: чѣмъ же онъ сорванецъ?»

«Э! чѣмъ же онъ сорванецъ! Ахъ, ты безмозглая башка! слышишь! чѣмъ же онъ сорванецъ! Куда же ты запряталъ дурацкіе глаза свои, когда проѣзжали мы мельницы; ему хоть бы тутъ же, передъ его запачканнымъ въ табачищѣ носомъ, нанесли жинкѣ его безчестье, ему бы и нуждочки не было».

«Все однако же я не вижу въ немъ ничего

худаго; парень хоть куда! Только развѣ, что заклеилъ на мигъ образину твою навозомъ».

«Эге! да ты, какъ я вижу, слова не дашь мнѣ выговорить! А что это значитъ? Когда это бывало съ тобою? Вѣрно, успѣлъ уже хлебнуть, не продавши ничего...»

Тутъ Черевикъ нашъ замѣтилъ и самъ, что разгорячился черезчуръ, и закрылъ въ одно мгновеніе голову свою руками, предполагая безъ-сомнѣнія, что разгнѣванная сожительница не замедлитъ вцѣпиться въ его волосы своими супружескими когтями. «Туда къ чорту! Вотъ тебѣ и свадьба!» думалъ онъ про себя, уклоняясь отъ сильно наступавшей супруги. «Придется отказать доброму человѣку ни за что, ни про что. Господи, Боже мой, за что такая напасть на насъ, грѣшныхъ? и такъ много всякой дряни на свѣтѣ, а ты еще и жинокъ наплодилъ!»

V.

Не хилися яворонько,
  Ще ты зелененькій;
Не журися козаченьку,
  Ще ты молоденькій!

Малорос. пѣсня.

Разсѣянно глядѣлъ парубокъ въ бѣлой свиткѣ, сидя у своего воза, на глухо шумѣвшій вокругъ него народъ. Усталое солнце уходило отъ міра, спокойно пропылавъ свой полдень и утро; день и плѣнительно, и грустно, и ярко румянился, какъ щеки прекрасной жертвы неумолимаго недуга въ торжественную минуту ея отлета на небо. Ослѣпительно блистали верхи бѣлыхъ шатровъ и ятокъ, освѣненные какимъ-то едва примѣт-

нымъ огненно-розовымъ свѣтомъ. Стекла наваленныхъ кучами оконницъ горѣли; зеленыя фляжки и чарки на столахъ у шинкарокъ превратились въ огненныя; горы дынь, арбузовъ и тыквъ казались вылитыми изъ золота и темной мѣди. Говоръ примѣтно становился рѣже и глуше, и усталые языки перекупокъ, мужиковъ и цыганъ лѣнивѣе и медленнѣе поворачивались. Гдѣ-гдѣ начиналъ сверкать огонекъ, и благовонный паръ отъ варившихся галушекъ разносился по утихавшимъ улицамъ. «О чемъ загорюнился, Грыцько?» вскричалъ высокій, загорѣвшій цыганъ, ударивъ по плечу нашего парубка. «Чтожъ, отдавай волы за двадцать!»

«Тебѣ бы все волы, да волы. Вашему племени все бы корысть только; поддѣть, да обмануть добраго человѣка».

«Тьфу, дьяволъ! да тебя не-на-шутку забрало. Ужъ не съ досады ли, что самъ навязалъ себѣ невѣсту?»

«Нѣтъ, это не по моему; я держу свое слово; что́ разъ сдѣлалъ, тому и на-вѣки быть. А вотъ у хрыча Черевика нѣтъ совѣсти, видно, и на полъ-шеляга: сказалъ, да и назадъ... Ну, его и винить нечего, онъ пень, да и полно. Все это

штуки старой вѣдьмы, которую мы сегодня съ хлопцами на мосту ругнули на всѣ бока! Эхъ, если бы я былъ царемъ, или паномъ великимъ, я бы первый перевѣшалъ всѣхъ тѣхъ дурней, которые позволяютъ себя сѣдлать бабамъ...»

«А спустишь воловъ за двадцать, если мы заставимъ Черевика отдать намъ Параску?»

Въ недоумѣніи посмотрѣлъ на него Грыцько. Въ смуглыхъ чертахъ цыгана было что-то злобное, язвительное, низкое и вмѣстѣ высокомѣрное; человѣкъ, взглянувшій на него, уже готовъ былъ сознаться, что въ этой чудной душѣ кипятъ достоинства великія, но которымъ одна только награда есть на землѣ—висѣлица. Совершенно провалившійся между носомъ и острымъ подбородкомъ ротъ, вѣчно осѣненный язвительною улыбкой, небольшіе, но живые какъ огонь глаза и безпрестанно мѣняющіяся на лицѣ молніи предпріятій и умысловъ, все это какъ будто требовало особеннаго, такого же страннаго для себя костюма, какой именно былъ тогда на немъ. Этотъ темнокоричневый кафтанъ, прикосновеніе къ которому, казалось, превратило бы его въ пыль, длинные, валившіеся по плечамъ охлопьями черные волосы, башмаки, надѣтые на босыя,

загорѣлыя ноги,—все это, казалось, приросло къ нему и составляло его природу. «Не за двадцать, а за пятнадцать отдамъ, если не солжешь только!» отвѣчалъ парубокъ, не сводя съ него испытательныхъ очей.

«За пятнадцать? ладно! Смотри же, не забывай: за пятнадцать! Вотъ тебѣ и синица въ задатокъ!»

«Ну, а если солжешь?»

«Солгу — задатокъ твой».

«Ладно! Ну, давай же по рукамъ!»

«Давай!»

═

VI.

От̃ бида Роман̃ иде, оттепер̃, як̃ раз̃, надсадыть мене бебехив̃, да и вам̃, пане Хомо, не без̃ лыха буде.

Из̃ малорос. комедіи.

«Сюда, Аѳанасій Ивановичъ! Вотъ тутъ плетень пониже, поднимайте ногу, да не бойтесь: дурень мой отправился на всю ночь съ кумомъ подъ возы, чтобъ москали на-случай не подцѣпили чего». Такъ грозная сожительница Черевика ласково ободряла трусливо лѣпившагося около забора поповича, который поднялся скоро на плетень и долго стоялъ въ недоумѣніи на

немъ, будто длинное, страшное привидѣніе, измѣривая окомъ, куда бы лучше спрыгнуть, и наконецъ съ шумомъ обрушился въ бурьянъ.

«Вотъ бѣда! Не ушиблись ли вы, не сломили ли еще, Боже оборони, шеи?» лепетала заботливая Хивря.

«Тсъ! ничего, ничего, любезнѣйшая Хавронья Никифоровна!» болѣзненно и шопотно произнесъ поповичъ, подымаясь на ноги: «выключая только уязвленія со стороны крапивы, сего змѣеподобнаго злака, по выраженію покойнаго отца протопопа».

«Пойдемте же теперь въ хату; тамъ никого нѣтъ. А я думала было уже, Аѳанасій Ивановичъ, что къ вамъ *болячка*, или *сонпшница* пристала: нѣтъ, да и нѣтъ. Каково же вы поживаете? Я слышала, что панъ-отцу перепало теперь немало всякой всячины!»

«Сущая бездѣлица, Хавронья Никифоровна: батюшка всего получилъ за весь постъ мѣшковъ пятнадцать яроваго, проса мѣшка четыре, книшей съ сотню, а куръ, если сосчитать, то не будетъ и пятидесяти штукъ, яица же большею частію протухлыя. Но воистину сладостныя приношенія, сказать примѣрно, единственно отъ

васъ предстоитъ получить, Хавронья Никифоровна!» продолжалъ поповичъ, умильно поглядывая на нее и подсовываясь поближе.

«Вотъ вамъ и приношеніе, Аѳанасій Ивановичъ!» проговорила она, ставя на столъ миски и жеманно застегивая свою, будто ненарочно разстегнувшуюся, кофту: «вареники, галушечки пшеничныя, пампушечки, товченички!»

«Бьюсь объ закладъ, если это сдѣлано не хитрѣйшими руками изъ всего еввина рода!» сказалъ поповичъ, принимаясь за товченички и подвигая другою рукою вареннчки. «Однако жъ, Хавронья Никифоровна, сердце мое жаждетъ отъ васъ кушанья послаще всѣхъ пампушечекъ и галушечекъ».

«Вотъ я уже и не знаю, какого вамъ еще кушанья хочется, Аѳанасій Ивановичъ!» отвѣчала дородная красавица, притворяясь не понимающею.

«Разумѣется, любви вашей, несравненная Хавронья Никифоровна!» шопотомъ произнесъ поповичъ, держа въ одной рукѣ вареникъ, а другою обнимая широкій станъ ея.

«Богъ знаетъ, что̀ вы выдумаете, Аѳанасій Ивановичъ!» сказала Хивря, стыдливо поту-

пивъ глаза свои. «Чего добраго! вы, пожалуй, затѣете еще цаловаться!»

«На счетъ этого я вамъ скажу хоть бы и про себя» продолжалъ поповичъ: «въ бытность мою, примѣрно сказать, еще въ бурсѣ, вотъ, какъ теперь помню....» Тутъ послышался на дворѣ лай и стукъ въ ворота. Хивря поспѣшно выбѣжала и возвратилась вся поблѣднѣвшая. «Ну, Аѳанасій Ивановичъ! мы попались съ вами; народу стучится куча, и мнѣ почудился кумовъ голосъ...» Вареникъ остановился въ горлѣ поповича... Глаза его выпялились, какъ будто какой-нибудь выходецъ съ того свѣта только-что сдѣлалъ ему передъ симъ визитъ свой. «Полѣзайте сюда!» кричала испуганная Хивря; указывая на положенныя подъ самымъ потолкомъ на двухъ перекладинахъ доски, на которыхъ была навалена разная домашняя рухлядь. Опасность придала духу нашему герою. Опамятовавшись немного, вскочилъ онъ на лежанку и полѣзъ оттуда осторожно на доски; а Хивря побѣжала безъ памяти къ воротамъ, потому-что стукъ повторялся въ нихъ съ бо̀льшею силою и нетерпѣніемъ.

VII.

Да тутъ чудасія, мосьпане!
Изъ малорос. комедіи.

На ярмаркѣ случилось странное происшествіе: все наполнилось слухомъ, что гдѣ-то между товаромъ показалась *красная свитка*. Старухѣ, продававшей бублики, почудился сатана, въ костюмѣ ужасной свиньи, который безпрестанно наклонялся надъ возами, какъ будто ища чего. Это быстро разнеслось по всѣмъ угламъ уже утихнувшаго табора; и всѣ считали преступле-

ніемъ не вѣрить, несмотря на то, что продавица бубликовъ, которой подвижная лавка была рядомъ съ яткою шинкаря, раскланивалась весь день безъ надобности и писала ногами совершенное подобіе лакомаго товара. Къ этому присоединились еще увеличенныя вѣсти о чудѣ, видѣнномъ волостнымъ писаремъ въ развалившемся сараѣ, такъ-что къ-ночи всѣ тѣснѣе жались другъ къ другу; спокойствіе разрушилось, и страхъ мѣшалъ всякому сомкнуть глаза свои; а тѣ, которые были несовсѣмъ изъ храбраго десятка и имѣли притоны въ избахъ, убрались домой. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и Черевикъ съ кумомъ и дочкою, которые вмѣстѣ съ напросившимися къ нимъ въ хату гостями произвели сильный стукъ, такъ перепугавшій нашу Хиврю. Кума уже немного поразобрало. Это можно было видѣть изъ того, что онъ два раза проѣхалъ съ своимъ возомъ по двору, покамѣстъ нашелъ хату. Гости тоже были въ веселомъ расположеніи духа и безъ церемоніи вошли прежде самого хозяина. Супруга нашего Черевика сидѣла, какъ на иголкахъ, когда принялись они шарить по всѣмъ угламъ хаты. «Что, кума» вскричалъ вошедшій

кумъ: «тебя все еще трясетъ лихорадка?» — «Да, нездоровится» отвѣчала Хивря, безпокойно поглядывая на накладенныя подъ потолкомъ доски. — «А ну, жена, достань-ка тамъ въ возу баклажку!» говорилъ кумъ пріѣхавшей съ нимъ женѣ: «мы черпнемъ ее съ добрыми людьми; а то проклятыя бабы понапугали насъ такъ, что и сказать стыдно. Вѣдь мы, ейбогу, братцы, по-пустякамъ пріѣхали сюда!» продолжалъ онъ, прихлебывая изъ глиняной кружки. «Я тутъ же ставлю новую шапку, если бабамъ не вздумалось посмѣяться надъ нами. Да хоть бы и въ-самомъ-дѣлѣ сатана: что̀ сатана? Плюйте ему на голову! Хоть бы сію же минуту вздумалось ему стать, вотъ здѣсь, напримѣръ, передо мною: будь я собачій сынъ, если не поднесъ бы ему дулю подъ самый носъ!» — «Отъ чего же ты вдругъ поблѣднѣлъ весь?» закричалъ одинъ изъ гостей, превышавшій всѣхъ головою и старавшійся всегда выказывать себя храбрецомъ. «Я?... Господь съ вами! приснилось!» Гости усмѣхнулись. Довольная улыбка показалась на лицѣ высокаго бонмотиста-храбреца. «Куда теперь ему поблѣднѣть!» подхватилъ другой: «щеки у него разцвѣли, какъ макъ; те-

перь онъ не цыбуля, а бурякъ — или лучше, какъ та *красная свитка*, которая такъ напугала людей». Баклажка покатилася по столу и сдѣлала гостей еще веселѣе прежняго. Тутъ Черевикъ нашъ, котораго давно мучила *красная свитка* и не давала ни на-минуту покою любопытному его духу, приступилъ къ куму. «Скажи, будь ласковъ, кумъ! вотъ прошусь, да и не допрошусь исторіи про эту проклятую *свитку*».

«Э, кумъ! оно бы не годилось разсказывать на ночь; да развѣ уже для того, чтобы угодить тебѣ и добрымъ людямъ (при семъ обратился онъ къ гостямъ), которымъ, я примѣчаю, столько же, какъ и тебѣ, хочется узнать про эту диковинку. Ну, быть такъ. Слушайте жъ!» Тутъ онъ почесалъ плеча, утерся полою, положилъ обѣ руки на столъ и началъ:

«Разъ, за какую вину, ейбогу, уже и не знаю, только выгнали одного чорта изъ пекла».

«Какъ же, кумъ!» прервалъ Черевикъ: «какъ же могло это статься, чтобы чорта выгнали изъ пекла?»

«Что жъ дѣлать, кумъ? выгнали, да и выгнали, какъ собаку мужикъ выгоняетъ изъ ха-

ты. Можетъ-быть, на него нашла блажь сдѣлать какое-нибудь доброе дѣло: ну, и указали двери. Вотъ, чорту бѣдному такъ стало скучно, такъ скучно по пеклѣ, что хоть до петли. Что дѣлать? Давай съ-горя пьянствовать. Угнѣздился въ томъ самомъ сараѣ, который, ты видѣлъ, развалился подъ горою, и мимо котораго ни одинъ добрый человѣкъ не пройдетъ теперь, не оградивъ напередъ себя крестомъ святымъ, и сталъ чортъ такой гуляка, какого не сыщешь между парубками. Съ утра до вечера, то-и-дѣло, что сидитъ въ шинкѣ!...»

Тутъ опять строгій Черевикъ прервалъ нашего разскащика: «Богъ знаетъ, что̀ говоришь ты, кумъ! Какъ можно, чтобы чорта впустилъ кто-нибудь въ шинокъ? Вѣдь у него же есть, слава Богу, и когти на лапахъ, и рожки на головѣ».

«Вотъ то-то и штука, что на немъ была шапка и рукавицы. Кто его распознаетъ? Гулялъ, гулялъ — наконецъ пришлось до того, что пропилъ все, что̀ имѣлъ съ собою. Шинкарь долго вѣрилъ, потомъ и пересталъ. Пришлось чорту заложить красную свитку свою, чуть ли не въ треть цѣны, жиду, шинковавшему тогда

на сорочинской ярмаркѣ; заложилъ и говоритъ ему: «смотри, жидъ, я приду къ тебѣ за свиткой ровно черезъ годъ: береги ее!» и пропалъ какъ будто въ воду. Жидъ разсмотрѣлъ хорошенько свитку: сукно такое, что и въ Миргородѣ не достанешь! а красный цвѣтъ горитъ, какъ огонь, такъ-что не наглядѣлся бы! Вотъ жиду показалось скучно дожидаться срока. Почесалъ себѣ пейсики, да и содралъ съ какого-то пріѣзжаго пана мало не пять червонцевъ. Какъ вотъ разъ, подъ-вечерокъ, приходитъ какой-то человѣкъ: «ну, жидъ, отдавай свитку мою!» Жидъ сначала-было и не позналъ, а послѣ какъ разглядѣлъ, такъ и прикинулся, будто въ глаза не видалъ: «какую свитку? у меня нѣтъ никакой свитки? я знать не знаю твоей свитки!» Тотъ, глядь — и ушелъ; только къ-вечеру, когда жидъ, заперши свою конуру и пересчитавши по сундукамъ деньги, накинулъ на себя простыню и началъ по-жидовски молиться Богу — слышитъ шорохъ.... глядь — во всѣхъ окнахъ повыставились свиныя рыла...»

Тутъ въ-самомъ-дѣлѣ послышался какой-то неясный звукъ, весьма похожій на хрюканье

свиньи; всѣ поблѣднѣли... Потъ выступилъ на лицѣ разскащика.

«Что?» произнесъ въ испугѣ Черевикъ.

«Ничего!...» отвѣчалъ кумъ, трясясь всѣмъ тѣломъ.

«Ась!» отозвался одинъ изъ гостей.

«Ты сказалъ?..»

«Нѣтъ!»

«Кто жъ это хрюкнулъ?»

«Богъ знаетъ, чего мы переполошились! Никого нѣтъ!» Всѣ боязливо стали осматриваться вокругъ и начали шарить по угламъ. Хивря была ни жива, ни мертва. «Эхъ вы, бабы! бабы!» произнесла она громко: «вамъ ли казаковать, и быть мужьями! Вамъ бы веретено въ руки, да и посадить за гребень! Одинъ кто-нибудь можетъ, прости Господи... подъ кѣмъ-нибудь скамейка заскрипѣла, а всѣ и метнулись какъ полоумные!» Это привело въ стыдъ нашихъ храбрецовъ и заставило ихъ ободриться; кумъ хлебнулъ изъ кружки и началъ разсказывать далѣе: «Жидъ обмеръ; однако жъ свиньи на ногахъ, длинныхъ, какъ ходули, повлѣзали въ окна и мигомъ оживили жида плетеными тройчатками, заставя его плясать повыше

вотъ этого сволока. Жидъ — въ ноги, признался во всемъ... Только свитки не льзя уже было воротить скоро. Пана обокралъ на дорогѣ какой-то цыганъ и продалъ свитку перекупкѣ; та привезла ее снова на сорочинскую ярмарку, но съ-тѣхъ-поръ уже никто ничего не сталъ покупать у нея. Перекупка дивилась, дивилась и наконецъ смекнула: вѣрно виною всему красная свитка. Недаромъ всегда, когда вздумывалось ей надѣвать, чувствовала, что ее все давитъ что-то. Не думая, не гадая долго, бросила въ огонь — не горитъ бѣсовская одежда! «Э, да это чортовъ подарокъ!» Перекупка умудрилась, и подсунула въ возъ одному мужику, вывезшему продавать масло. Дурень и обрадовался; только масла никто и спрашивать не хочетъ. «Эхъ, недобрыя руки подкинули свитку!» Схватилъ сѣкиру и изрубилъ ее въ куски; глядь—и лѣзетъ одинъ кусокъ къ другому, и снова цѣлая свитка. Перекрестившись, хватилъ сѣкирою въ другой разъ, куски разбросалъ по всему мѣсту и уѣхалъ. Только съ-тѣхъ-поръ каждый годъ, и какъ разъ во время ярмарки, чортъ съ свиною личиною ходитъ по всей площади, хрюкаетъ и подбираетъ куски своей

свитки. Теперь, говорятъ, одного только лѣваго рукава недостаетъ ему. Люди съ-тѣхъ-поръ открещиваются отъ того мѣста, и вотъ уже будетъ лѣтъ съ десятокъ, какъ не было на немъ ярмарки. Да нелегкая дернула теперь засѣдателя о...» Другая половина слова замерла на устахъ разскащика:

Окно брякнуло съ шумомъ, стекла, звеня, вылетѣли вонъ, и страшная свиная рожа выставилась, поводя очами, какъ будто спрашивая: а что вы тутъ дѣлаете, добрые люди?

═

VIII.

....Пиджавъ хвистъ, мовъ собака,
Мовъ Каинъ затрусывсь увесь;
Изъ носа потекла кабака.

Котляревскій. Энеида.

Ужасъ оковалъ всѣхъ, находившихся въ хатѣ. Кумъ съ разинутымъ ртомъ превратился въ камень; глаза его выпучились, какъ будто хотѣли выстрѣлить; разверзтые пальцы остановились въ судорожной недвижности въ воздухѣ. Высокій храбрецъ, въ ничѣмъ непобѣдимомъ страхѣ, подскочилъ подъ потолокъ и ударился головою о перекладину; доски посу-

нулись, и попович съ громомъ и трескомъ полетѣлъ на землю. «Ай! ай! ай!» кричалъ одинъ, повалившись на лавкѣ, болтая въ ужасѣ руками и ногами. — «Спасайте!» горланилъ другой въ отчаяніи, закрывшись тулупомъ. Кумъ, выведенный изъ своего окаменѣнія вторичнымъ испугомъ, поползъ въ судорогахъ подъ подолъ своей супруги. Высокій храбрецъ полѣзъ въ печь, несмотря на узкое отверзтіе, и самъ задвинулъ себя заслонкою. А Черевикъ, какъ будто облитый горячимъ кипяткомъ, схвативши на голову горшокъ, вмѣсто шапки, бросился къ дверямъ и, какъ полоумный, бѣжалъ по улицамъ, не видя земли подъ собою; одна усталость только заставила его уменьшить немного скорость бѣга. Сердце его колотилось, какъ мельничная ступа, потъ лилъ градомъ. Въ изнеможеніи, готовъ уже былъ онъ упасть на землю, какъ вдругъ послышалось ему, что сзади кто-то гонится за нимъ..... Духъ у него занялся..... «Чортъ! чортъ!» кричалъ онъ безъ памяти, утроя силы, и черезъ минуту безъ чувствъ повалился на землю. «Чортъ! чортъ!» кричало вслѣдъ за нимъ, и онъ слышалъ только, какъ

что-то съ шумомъ ринулось на него. Тутъ память отъ него улетѣла, и онъ, какъ страшный жилецъ тѣснаго гроба, остался нѣмъ и недвижимъ посреди дороги.

═

IX.

Ще спереди, и такъ, и такъ;
А сзади, ей же ей, на чорта!

Изъ простонароди. сказки.

«Слышишь, Власъ!» говорилъ, приподнявшись, одинъ изъ толпы спавшаго на улицѣ народа: «возлѣ насъ кто-то помянулъ чорта!»

«Мнѣ какое дѣло?» проворчалъ, потягиваясь, лежавшій возлѣ него цыганъ: «хоть бы и всѣхъ своихъ родичей помянулъ».

«Но, вѣдь, такъ закричалъ, какъ будто давятъ его!»

«Мало ли чего человѣкъ не совретъ спросонья!»

«Воля твоя, хоть посмотрѣть нужно; а вырубн-ка огня!» Другой цыганъ, ворча про-себя, поднялся на ноги; два раза освѣтилъ себя искрами, будто молніями, раздулъ губами трутъ и съ каганцемъ въ рукахъ, обыкновенною малороссійскою свѣтильнею, состоящею изъ разбитаго черепка, налитаго бараньимъ жиромъ — отправился, освѣщая дорогу. «Стой; здѣсь лежитъ что-то; свѣти сюда!»

Тутъ пристало къ нимъ еще нѣсколько человѣкъ.

«Что̀ лежитъ, Власъ?»

«Такъ, какъ будто бы два человѣка: одинъ наверху, другой нанизу; который изъ нихъ чортъ, уже и не распознаю!»

«А кто наверху?»

«Баба!»

«Ну, вотъ, этожъ-то и есть чортъ!» Всеобщій хохотъ разбудилъ почти всю улицу.

«Баба взлѣзла на человѣка; ну, вѣрно, баба эта знаетъ, какъ ѣздить!» говорилъ одинъ изъ окружавшей толпы.

«Смотрите, братцы!» говорилъ другой, под-

нимая черепокъ отъ горшка, котораго одна только уцѣлѣвшая половина держалась на головѣ Черевика: «какую шапку надѣлъ на себя этотъ добрый молодецъ!» Увеличившійся шумъ и хохотъ заставили очнуться нашихъ мертвецовъ, Солопія и его супругу, которые, полные прошедшаго испуга, долго глядѣли въ ужасѣ неподвижными глазами на смуглыя лица цыганъ. Озаряясь мѣстами невѣрно и трепетно горѣвшимъ свѣтомъ, они казались дикимъ сонмищемъ гномовъ, окруженныхъ тяжелымъ подземнымъ паромъ и облаками мрака непробудной ночи.

═

X.

Цурь тоби, пекъ тоби, сатаныньське наважденіе!

Изъ малорос. комедіи.

Свѣжесть утра вѣяла надъ пробудившимися Сорочинцами. Клубы дыму, со всѣхъ трубъ, понеслись навстрѣчу показавшемуся солнцу. Ярмарка зашумѣла. Овцы заблеяли, лошади заржали; крикъ гусей и торговокъ понесся снова по всему табору — и страшные толки про *красную свитку*, наведшіе такую робость на народъ, въ таинственные часы сумерекъ, исчезнули вмѣстѣ

съ освѣтившимъ міръ утромъ. Зѣвая и потягиваясь, дремалъ Черевикъ у кума, подъ крытымъ соломою сараемъ, вмѣстѣ съ волами, мѣшками муки и пшеницы, и, кажется, вовсе не имѣлъ желанія разстаться съ своими грезами, какъ вдругъ услышалъ голосъ, такъ же знакомый, какъ убѣжище лѣни — благословенная печь его хаты, или шинокъ дальней родички, находившійся не далѣе десяти шаговъ отъ его порога. «Вставай, вставай!» дребезжала ему на-ухо нѣжная супруга, дергая его изо всей силы за руку. Черевикъ, вмѣсто отвѣта, надулъ щеки и началъ болтать руками, подражая барабанному бою.

«Сумасшедшій!» закричала она, уклоняясь отъ замашки руки его, которою онъ чуть-было не задѣлъ ея по лицу. Черевикъ поднялся, протеръ немного глаза и посмотрѣлъ вокругъ: «Врагъ меня возьми, если мнѣ, голубко, не представилась твоя рожа барабаномъ, на которомъ меня заставили выбивать зорю, словно москаля, тѣ самыя свиныя рожи, отъ которыхъ, какъ говоритъ кумъ...» — «Полно, полно тебѣ чепуху молоть! Ступай, веди скорѣй кобылу на продажу. Смѣхъ, право, людямъ: пріѣхали на ярмарку и хоть бы горсть пеньки продали...»

«Какъ же, жинка» подхватилъ Солопій: «съ насъ, вѣдь, теперь смѣяться будутъ».

«Ступай! ступай! съ тебя и безъ того смѣются!»

«Ты видишь, что я еще не умывался» продолжалъ Черевикъ, зѣвая и почесывая спину и стараясь между прочимъ выиграть время для своей лѣни.

«Вотъ некстати пришла блажь быть чистоплотнымъ! Когда это за тобою водилось? Вотъ ручникъ, оботри свою маску...» Тутъ схватила она что-то свернутое въ комокъ — и съ ужасомъ отбросила отъ себя: это былъ *красный обшлагъ свитки!*

«Ступай, дѣлай свое дѣло» повторила она, собравшись съ духомъ, своему супругу, видя, что у него страхъ отнялъ ноги и зубы колотились одинъ объ другой.

«Будетъ продажа теперь!» ворчалъ онъ самъ-себѣ, отвязывая кобылу и ведя ее на площадь. «Не даромъ, когда я сбирался на эту проклятую ярмарку, на душѣ было такъ тяжело, какъ будто кто взвалилъ на тебя дохлую корову, и волы два раза сами поворачивали домой. Да чуть ли еще, какъ вспомнилъ я теперь, не въ поне-

дѣльникъ мы выѣхали. Ну, вотъ и зло все!... Неугомоненъ и чортъ проклятый: носилъ бы уже свитку безъ одного рукава; такъ нѣтъ, нужно же добрымъ людямъ не давать покою. Будь, примѣрно, я чортъ — чего оборони Боже: сталъ ли бы я таскаться ночью за проклятыми лоскутьями?»

Тутъ философствованіе нашего Черевика прервано было толстымъ и рѣзкимъ голосомъ. Предъ нимъ стоялъ высокій цыганъ: «Что̀ продаешь, добрый человѣкъ?» Продавецъ помолчалъ, посмотрѣлъ на него съ ногъ до головы и сказалъ съ спокойнымъ видомъ, не останавливаясь и не выпуская изъ рукъ узды:

«Самъ видишь, что̀ продаю!»

«Ремешки?» спросилъ цыганъ, поглядывая на находившуюся въ рукахъ его узду.

«Да, ремешки, если только кобыла похожа на ремешки».

«Однако жъ, чортъ возьми, землякъ, ты, видно, ее соломою кормилъ!»

«Соломою?» Тутъ Черевикъ хотѣлъ-было потянуть узду, чтобы провести свою кобылу и обличить во лжи безстыднаго поносителя, но рука его съ необыкновенною легкостію удари-

лась въ подбородокъ. Глянулъ — въ ней перерѣзанная узда и къ уздѣ привязанный — о ужасъ! волосы его поднялись горою! — кусокъ *краснаго рукава!*... Плюнувъ, крестясь и болтая руками, побѣжалъ онъ отъ неожиданнаго подарка и, быстрѣе молодаго парубка, пропалъ въ толпѣ.

═

XI.

За мое жъ жито, та мене и побыто.

Пословица.

«Лови! лови его!» кричало нѣсколько хлопцевъ, въ тѣсномъ концѣ улицы, и Черевикъ почувствовалъ себя вдругъ схваченнымъ дюжими руками.

«Вязать его! это тотъ самый, который укралъ у добраго человѣка кобылу».

«Господь съ вами! за что вы меня вяжете?»

«Онъ же и спрашиваетъ! А за что ты укралъ кобылу у пріѣзжаго мужика, Черевика?»

«Съ ума спятили вы, хлопцы! Гдѣ видано, чтобы человѣкъ самъ у себя кралъ что-нибудь?»

«Старыя штуки! старыя штуки! Зачѣмъ бѣжалъ ты во весь духъ, какъ-будто бы самъ сатана за тобою по пятамъ гнался?»

«По-неволѣ побѣжишь, когда сатанинская одежда... »

«Э, голубчикъ! обманывай другихъ этимъ; будетъ еще тебѣ отъ засѣдателя, за то, чтобы не пугалъ чертовщиною людей».

«Лови! лови его!» послышался крикъ на другомъ концѣ улицы: «вотъ онъ, вотъ бѣглецъ!» и глазамъ нашего Черевика представился кумъ, въ самомъ жалкомъ положеніи, съ заложенными назадъ руками, ведомый нѣсколькими хлопцами. «Чудеса завелись!» говорилъ одинъ изъ нихъ: «послушали бы вы, что́ разсказываетъ этотъ мошенникъ, которому стóитъ только заглянуть въ лицо, чтобы увидѣть вора, когда стали спрашивать, отъ-чего бѣжалъ онъ, какъ полоумный. Полѣзъ, говоритъ, въ карманъ понюхать табаку и, вмѣсто тавлинки, вытащилъ кусокъ чортовой *свит-*

ки, отъ которой вспыхнулъ красный огонь, а онъ давай Богъ ноги!»

«Эге, ге! да это изъ одного гнѣзда обѣ птицы! Вязать ихъ обоихъ вмѣстѣ!»

═

XII.

«Чымъ, люди добри, такъ оце я провинывся?
За що глазуєте» сказавъ нашъ неборакъ,
«За що знущаєтесь вы надо мною такъ?
За що, за що..» сказавъ, тай поспустивъ патіоки,
Патіоки гиркихъ слезъ, узявшися за боки.

Артамовскій-Гулакъ. Панъ та собака.

«Можетъ, и въ-самомъ-дѣлѣ, кумъ, ты подцѣпилъ что-нибудь?» спросилъ Черевикъ, лежа связанный вмѣстѣ съ кумомъ, подъ соломенною яткой.

«И ты туда же, кумъ! Чтобы мнѣ отсохнули руки и ноги, если что-нибудь когда-либо кралъ, выключая развѣ вареники съ сметаною у матери, да и то еще, когда мнѣ было лѣтъ десять отъ-роду».

«За что же это, кумъ, на насъ напасть такая? Тебѣ еще ничего; тебя винятъ по-крайней-мѣрѣ за то, что у другаго укралъ; за что мнѣ, несчастливцу, недобрый поклёпъ такой: будто у самого себя стянулъ кобылу. Видно, намъ, кумъ, на роду уже написано не имѣть счастья!»

«Горе намъ, сиротамъ бѣднымъ!» Тутъ оба кума принялись всхлипывать на-взрыдъ. «Что съ тобою, Солопій?» сказалъ вошедшій въ это время Грицько. «Кто это связалъ тебя?»

«А! Голопупенко, Голопупенко!» закричалъ, обрадовавшись, Солопій: «Вотъ, это тотъ самый, кумъ, объ которомъ я говорилъ тебѣ. Эхъ, хватъ! вотъ, Богъ убей меня на этомъ мѣстѣ, если не высусилъ при мнѣ кухоль мало не съ твою голову, и хоть бы разъ поморщился!»

«Что жъ ты, кумъ, такъ не уважилъ такого славнаго парубка?»

«Вотъ, какъ видишь» продолжалъ Черевикъ, оборотясь къ Грицьку: «наказалъ Богъ, видно, за то, что провинился предъ тобою. Прости, добрый человѣкъ! Ейбогу, радъ бы былъ сдѣлать все для тебя... Но что прикажешь? Въ старухѣ дьяволъ сидитъ!»

«Я не злопамятенъ, Солопій. Если хочешь, я

освобожу тебя!» Тутъ онъ мигнулъ хлопцамъ, и тѣ же самые, которые сторожили его, кинулись развязывать. «За то и ты дѣлай какъ нужно: свадьбу! да и попируемъ такъ, чтобы цѣлый годъ болѣли ноги отъ гопака!»

«*Добре! отъ добре!*» сказалъ Солопій, хлопнувъ руками. «Да мнѣ такъ теперь сдѣлалось весело, какъ будто мою старуху москали увезли. Да что думать: годится, или негодится такъ — сегодня свадьбу, да и концы въ воду!»

«Смотри жъ, Солопій: черезъ часъ я буду къ тебѣ; а теперь ступай домой: тамъ ожидаютъ тебя покупщики твоей кобылы и пшеницы!»

«Какъ! развѣ кобыла нашлась?»

«Нашлась!»

Черевикъ отъ радости сталъ неподвиженъ, глядя въ-слѣдъ уходившему Грицьку.

«Что, Грицько, худо мы сдѣлали свое дѣло?» сказалъ высокій цыганъ спѣшившему парубку. «Волы, вѣдь, мои теперь?»

«Твои! твои!»

═

XIII.

Не бійся, матинько, не бійся,
Въ червоныс чобитки обуйся,
Топчи вороги
Пидъ ноги;
Щобъ твои подкивки
Брязчали!
Щобъ твои вороги
Мовчали!

Свадебная пѣсня.

Подперши локтемъ хорошенькій подбородокъ свой, задумалась Параска, одна сидя въ хатѣ. Много грезъ обвивалось около русой головы. Иногда вдругъ легкая усмѣшка трогала ея алыя губки, и какое-то радостное чувство подпимало темныя ея брови; то снова облако задумчивости опускало ихъ на карія, свѣтлыя очи. «Ну, что, если не сбудется тó, чтó говорилъ онъ?»

шептала она съ какимъ-то выраженіемъ сомнѣнія. «Ну, что, если меня не выдадутъ? если... Нѣтъ, нѣтъ; этого не будетъ! Мачиха дѣлаетъ все, что ей ни вздумается; развѣ и я не могу дѣлать того, что мнѣ вздумается? Упрямства-то и у меня достанетъ. Какой же онъ хорошій! какъ чудно горятъ его черныя очи! какъ любо говоритъ онъ: *Парасю, голубко!* какъ пристала къ нему бѣлая свитка! еще бы поясъ поярче!... пускай, уже правда, я ему вытку, какъ перейдемъ жить въ новую хату. Не подумаю безъ радости» продолжала она, вынимая изъ-за-пазухи маленькое зеркало, обклеенное красною бумагою, купленное ею на ярмаркѣ, и глядясь въ него съ тайнымъ удовольствіемъ: «какъ я встрѣчусь тогда гдѣ-нибудь съ нею — я ей ни за что не поклонюсь, хоть она себѣ тресни. Нѣтъ, мачиха, полно колотить тебѣ свою падчерицу! Скорѣе песокъ взойдетъ на камнѣ и дубъ погнется въ воду, какъ верба, нежели я нагнусь передъ тобою! Да я и позабыла... дай примѣрять очипокъ, хоть мачихинъ, какъ-то онъ мнѣ придется!» Тутъ встала она, держа въ рукахъ зеркальце и, наклонясь къ нему головою, трепетно шла по хатѣ, какъ будто-бы опасаясь

упасть, видя подъ собою, вмѣсто полу, потолокъ съ накладенными подъ нимъ досками, съ которыхъ низринулся недавно поповичъ, и полки, уставленныя горшками. «Что я, въ-самомъ-дѣлѣ, будто дитя» вскричала она смѣясь: «боюсь ступить ногою.» И начала притопывать ногами, все чѣмъ далѣе, смѣлѣе, наконецъ лѣвая рука ея опустилась и уперлась въ бокъ, и она пошла танцовать, побрякивая подковами, держа передъ собою зеркало и напѣвая любимую свою пѣсню:

Зелененькій барвиночку,
Стелися низенько!
А ты мылый, чернобрывый,
Присуньса блызенько!

Зелененькій барвиночку,
Стелися ще нызче!
А ты мылый, чернобрывый,
Присуньса ще блызче!

Черевикъ заглянулъ въ это время въ дверь, и, увидя дочь свою танцующею передъ зеркаломъ, остановился. Долго глядѣлъ онъ, смѣясь невиданному капризу дѣвушки, которая, задумавшись, не примѣчала, казалось, ничего; но когда же услышалъ знакомые звуки пѣсни, —

жилки въ немъ зашевелились; гордо подбоченившись, выступилъ онъ впередъ и пустился въ присядку, позабывъ про всѣ дѣла свои. Громкій хохотъ кума заставилъ обоихъ вздрогнуть. «Вотъ хорошо, батька съ дочкой затѣяли здѣсь сами свадьбу! Ступайте же скорѣе: женихъ пришелъ!» При послѣднемъ словѣ Параска вспыхнула ярче алой ленты, повязывавшей ея голову, а безпечный отецъ ея вспомнилъ, зачѣмъ пришелъ онъ. «Ну, дочка! пойдемъ скорѣе! Хивря съ радости, что я продалъ кобылу, побѣжала» говорилъ онъ, боязливо оглядываясь по сторонамъ: «побѣжала закупать себѣ плахтъ и дерюгъ всякихъ, такъ нужно до прихода ея все кончить!» Не успѣла Параска переступить за порогъ хаты, какъ почувствовала себя на рукахъ парубка въ бѣлой свиткѣ, который съ кучею народа выжидалъ ее на улицѣ. «Боже, благослови!» сказалъ Черевикъ, складывая имъ руки. «Пусть ихъ живутъ, какъ вѣнки вьютъ!» Тутъ послышался шумъ въ народѣ: «я скорѣе тресну, чѣмъ допущу до этого!» кричала сожительница Солопія, которую однако жъ съ хохотомъ отталкивала толпа народа. «Не бѣсись, не бѣсись, жинка!» говорилъ хладнокровно Че-

ревикъ, видя, что пара дюжихъ цыганъ овладѣла ея руками: «что̀ сдѣлано, то̀ сдѣлано; я перемѣнять не люблю!» — «Нѣтъ! нѣтъ! этого-то не будетъ!» кричала Хивря, но никто не слушалъ ея; нѣсколько паръ обступило новую пару и составили около нея непроницаемую, танцующую стѣну.

Странное, неизъяснимое чувство овладѣло бы зрителемъ, при видѣ, какъ отъ одного удара смычкомъ музыканта въ сермяжной свиткѣ, съ длинными закрученными усами, все обратилось, волею и неволею, къ единству и перешло въ согласіе. Люди, на угрюмыхъ лицахъ которыхъ, кажется, вѣкъ не проскальзывала улыбка, притопывали ногами и вздрагивали плечами. Все неслось. Все танцовало. Но еще страннѣе, еще неразгаданнѣе чувство пробудилось бы въ глубинѣ души при взглядѣ на старушекъ, на ветхихъ лицахъ которыхъ вѣяло равнодушіе могилы, толкавшихся между новымъ, смѣющимся, живымъ человѣкомъ. Безпечныя! даже безъ дѣтской радости, безъ искры сочувствія, которыхъ одинъ хмѣль только, какъ механикъ своего безжизненнаго автомата, заставляетъ дѣлать что-то подобное человѣческому, онѣ тихо покачивали

охмѣлѣвшими головами, подтанцывая за веселящимся народомъ, не обращая даже глазъ на молодую чету.

Громъ, хохотъ, пѣсни слышались тише и тише. Смычекъ умиралъ, слабѣя и теряя неясные звуки въ пустотѣ воздуха. Еще слышалось гдѣ-то топанье, что-то похожее на ропотъ отдаленнаго моря, и скоро все стало пусто и глухо.

Не такъ ли и радость, прекрасная и непостоянная гостья, улетаетъ отъ насъ, и напрасно одинокій звукъ думаетъ выразить веселье! Въ собственномъ эхѣ слышитъ уже онъ грусть и пустыню, и дико внемлетъ ему. Не такъ ли рѣзвые други бурной и вольной юности, поодиночкѣ, одинъ за другимъ, теряются по свѣту и оставляютъ наконецъ одного, старинаго брата ихъ? Скучно оставленному! И тяжело и грустно становится сердцу, и нечѣмъ помочь ему!

1829.

ВЕЧЕРЪ

НАКАНУНѢ

ИВАНА КУПАЛА.

За Ѳомою Григорьевичемъ водилась особеннаго рода странность: онъ до-смерти не любилъ пересказывать одно и то же. Бывало, иногда если упросишь его разсказать что сызнова, то смотри, что-нибудь да вкинетъ новое, или переиначитъ такъ, что узнать нельзя. Разъ, одинъ изъ тѣхъ господъ — намъ простымъ людямъ мудрено и назвать ихъ — писаки они, не писаки; а вотъ то самое, что барышники на нашихъ ярмаркахъ. Нахватаютъ, напросятъ, накрадутъ всякой всячины, да и выпускаютъ книжечки не толще букваря, каждый мѣсяцъ, или недѣлю. Одинъ изъ этихъ господъ и выманилъ у Ѳомы Григорьевича эту самую исторію, а онъ вовсе и позабылъ о ней. Только пріѣзжаетъ изъ Полтавы тотъ самый паничъ въ гороховомъ кафтанѣ, про котораго говорилъ я, и котораго одну повѣсть вы, думаю, уже прочли; привозитъ съ собою небольшую кни-

жечку, и, развернувши по серединѣ, показываетъ намъ. Ѳома Григорьевичъ готовъ уже былъ осѣдлать носъ свой очками, но, вспомнивъ, что онъ забылъ ихъ подмотать нитками и облѣпить воскомъ, передалъ мнѣ. Я, такъ какъ грамоту кое-какъ разумѣю и не ношу очковъ, принялся читать. Не успѣлъ перевернуть двухъ страницъ, какъ онъ вдругъ остановилъ меня за руку. «Постойте! напередъ скажите мнѣ, что̀ это вы читаете?» Признаюсь, я немного пришелъ въ-тупикъ отъ такого вопроса. «Какъ что̀ читаю, Ѳома Григорьевичъ? вашу быль, ваши собственныя слова». — «Кто вамъ сказалъ, что это мои слова?» — «Да чего лучше, тутъ и напечатано: разсказанная такимъ-то дьячкомъ». — «Плюйте жъ на голову тому, кто это напечаталъ! *бреше, сучый москаль!* Такъ ли я говорилъ? *Що-то-вже, якъ у кого чортъ ма клепки въ голови!* Слушайте, я вамъ разскажу ее сейчасъ». Мы придвинулись къ столу, и онъ началъ:

ВЕЧЕРЪ

НАКАНУНѢ

ИВАНА КУПАЛА.

БЫЛЬ,

РАЗСКАЗАННАЯ ДЬЯЧКОМЪ ***СКОЙ ЦЕРКВИ.

—

Дѣдъ мой (царство ему небесное! чтобъ ему на томъ свѣтѣ ѣлись одни только буханци пшеничные, да маковники въ меду) умѣлъ чудно разсказывать. Бывало, поведетъ рѣчь — цѣлый день не подвинулся бы съ мѣста, и все бы слушалъ. Ужъ не-чета какому-нибудь нынѣшнему балагуру, который какъ начнетъ *москаля везть* *, да еще и языкомъ такимъ, будто

* Т. е. лгать.

ему три дня ѣсть не давали, то хоть берись за шапку, да изъ хаты. Какъ теперь помню — покойная старуха, мать моя, была еще жива — какъ въ долгій зимній вечеръ, когда на дворѣ трещалъ морозъ и замуровывалъ на-глухо узенькое стекло нашей хаты, сидѣла она передъ гребнемъ, выводя рукою длинную нитку, колыша ногою люльку и напѣвая пѣсню, которая какъ-будто теперь слышится мнѣ. Каганецъ, дрожа и вспыхивая, какъ бы пугаясь чего, свѣтилъ намъ въ хатѣ. Веретено жужжало; а мы всѣ, дѣти, собравшись въ кучку, слушали дѣда, не слѣзавшаго отъ старости, болѣе пяти лѣтъ съ своей печки. Но ни дивныя рѣчи про давнюю старину, про наѣзды запорожцевъ, про ляховъ, про молодецкія дѣла Подковы, Полтора-Кожуха и Сагайдачнаго не занимали насъ такъ, какъ разсказы про какое-нибудь старинное чудное дѣло, отъ которыхъ всегда дрожь проходила по тѣлу и волосы срошились на головѣ. Иной разъ страхъ бывало такой заберетъ отъ нихъ, что все съ-вечера показывается, Богъ знаетъ, какимъ чудищемъ. Случится, ночью выйдешь за чѣмъ-нибудь изъ хаты, вотъ такъ и думаешь, что на постели твоей уклался спать

выходецъ съ того свѣта. И, чтобы мнѣ не довелось разсказывать этого въ другой разъ, если я не принималъ часто издали собственную свитку, положенную въ головахъ, за свернувшагося дьявола. Но главное въ разсказахъ дѣда было то, что въ жизнь свою онъ никогда не лгалъ; и что̀, бывало, ни скажетъ, то̀ именно такъ и было. Одну изъ его чудныхъ исторій перескажу теперь вамъ. Знаю, что много наберется такихъ умниковъ, пописывающихъ по судамъ и читающихъ даже гражданскую грамоту, которые, если дать имъ въ руки простой часословъ, не разобрали бы ни аза въ немъ, а показывать на позоръ свои зубы — есть умѣнье. Имъ все, что̀ ни разскажешь — въ смѣхъ. Этакое невѣрье разошлось по свѣту! Да чего, — вотъ, не люби Богъ меня и Пречистая Дѣва! вы, можетъ, даже не повѣрите: разъ, какъ-то заикнулся про вѣдьмъ — что жъ? нашелся сорви-голова, вѣдьмамъ не вѣритъ! Да слава Богу, вотъ я, сколько живу уже на свѣтѣ, видѣлъ такихъ иновѣрцевъ, которымъ *провозить попа въ рѣшетѣ* * было легче, нежели нашему брату понюхать табаку; а и тѣ открещивались отъ

* Т. е. солгать на исповѣди.

вѣдьмъ. Но приснись имъ.... не хочется только выговорить, что́ такое, нечего и толковать объ нихъ.

Лѣтъ, куда! болѣе чѣмъ за сто, говорилъ покойникъ дѣдъ мой: нашего села и не узналъ бы никто: хуторъ — самый бѣдный хуторъ! Избенокъ десять, необмазанныхъ, неукрытыхъ, торчало то сямъ, то тамъ посереди поля. Ни плетня, ни сарая порядочнаго, гдѣ бы поставить скотину, или возъ. Это жъ еще богачи такъ жили; а посмотрѣли бы на нашу братью, на голь: вырытая въ землѣ яма — вотъ вамъ и хата! Только по дыму и можно было узнать, что живетъ тамъ человѣкъ божій. Вы спросите, отъ-чего они жили такъ? Бѣдность, не бѣдность; потому что тогда козаковалъ почти всякій, и набиралъ въ чужихъ земляхъ немало добра; а больше отъ-того, что не-зачѣмъ было заводиться порядочною хатою. Какого народу тогда не шаталось по всѣмъ мѣстамъ: крымцы, ляхи, литвинство! Бывало то̀, что и свои наѣдутъ кучами и обдираютъ своихъ же. Всего бывало.

Въ этомъ-то хуторѣ показывался часто человѣкъ или, лучше, дьяволъ въ человѣческомъ об-

разъ. Откуда онъ, зачѣмъ приходилъ, никто не зналъ. Гуляетъ, пьянствуетъ и вдругъ пропадетъ, какъ въ воду—и слуху нѣтъ. Тамъ, глядь— снова будто съ неба упалъ; рыскаетъ по улицамъ села, котораго теперь и слѣду нѣтъ, и которое было, можетъ, не дальше ста шаговъ отъ Диканьки. Понаберетъ встрѣчныхъ козаковъ: хохотъ, пѣсни, деньги сыплются, водка—какъ вода... Пристанетъ, бывало, къ краснымъ дѣвушкамъ: надаритъ лентъ, серегъ, монистъ— дѣвать некуда! Правда, что красныя дѣвушки немного призадумывались, принимая подарки: Богъ знаетъ, можетъ, въ-самомъ-дѣлѣ перешли они черезъ нечистыя руки. Родная тетка моего дѣда, содержавшая въ то время шинокъ, по нынѣшней опошнянской дорогѣ, въ которомъ часто разгульничалъ Басаврюкъ (такъ называли этого бѣсовскаго человѣка), именно говорила, что ни за какія благополучія въ свѣтѣ не согласилась бы принять отъ него подарковъ. Опять, какъ же и не взять: всякаго проберетъ страхъ, когда нахмуритъ онъ, бывало, свои щетинистыя брови и пуститъ изъподлобья такой взглядъ, что, кажется, унесъ бы ноги, Богъ знаетъ куда; а возьмешь —

такъ на другую же ночь и тащится въ-гости какой-нибудь пріятель изъ болота, съ рогами на головѣ, и давай душить за шею, когда на шеѣ монисто, кусать за палецъ, когда на немъ перстень, или тянуть за косу, когда вплетена въ нее лента. Богъ съ ними тогда, съ этими подарками! Но вотъ бѣда — и отвязаться не льзя: бросишь въ воду — плыветъ чертовскій перстень или монисто поверхъ воды, и къ тебѣ же въ руки.

Въ селѣ была церковь, чуть ли еще, какъ вспомню, не святаго Пантелея. Жилъ тогда при ней іерей, блаженной памяти отецъ Аѳанасій. Замѣтивъ, что Басаврюкъ и на Свѣтлое Воскресеніе не бывалъ въ церкви, задумалъ-было пожурить его — наложить церковное покаяніе. Куда! насилу ноги унесъ. «Слушай, *паноче!*» загремѣлъ онъ ему въ отвѣтъ: «знай лучше свое дѣло, чѣмъ мѣшаться въ чужія, если не хочешь, чтобы козлиное горло твое было залѣплено горячею кутьею». Что дѣлать съ окаяннымъ! Отецъ Аѳанасій объявилъ только, что всякаго, кто зазнается съ Басаврюкомъ, станетъ считать за католика, врага христовой церкви и всего человѣческаго рода.

Въ томъ селѣ былъ у одного казака, прозвищемъ Коржа, работникъ, котораго люди звали Петромъ Безроднымъ; можетъ, отъ-того, что никто не помнилъ ни отца его, ни матери. Староста церкви говорилъ, правда, что они на другой же годъ померли отъ чумы; но тетка моего дѣда знать этого не хотѣла, и всѣми силами старалась надѣлить его родней, хотя бѣдному Петру было въ ней столько нужды, сколько намъ въ прошлогоднемъ снѣгѣ. Она говорила, что отецъ его и теперь на Запорожьи; былъ въ плѣну у турокъ, натерпѣлся мукъ, Богъ знаетъ какихъ, и какимъ-то чудомъ, переодѣвшись евнухомъ, далъ тягу. Чернобровымъ дивчатамъ и молодицамъ мало было нужды до родни его. Онѣ говорили только, что если бы одѣть его въ новый жупанъ, затянуть краснымъ поясомъ, надѣть на голову шапку изъ черныхъ смушекъ со щегольскимъ синимъ верхомъ, привѣсить къ боку турецкую саблю, дать въ одну руку малахай, въ другую люльку въ красивой оправѣ, то заткнулъ бы онъ за-поясъ всѣхъ парубковъ тогдашнихъ. Но то бѣда, что у бѣднаго Петруся всего-на-всего была одна сѣрая свитка, въ которой было больше дыръ, чѣмъ у инаго жида

въ карманѣ злотыхъ. И это бы еще не большая бѣда; а вотъ бѣда: у стараго Коржа была дочка, красавица, какую, я думаю, врядъ ли доставалось вамъ видывать. Тетка покойнаго дѣда разсказывала — а женщинѣ, сами знаете, легче поцаловаться съ чортомъ, не во гнѣвъ будь сказано, нежели назвать кого красавицею — что полненькія щеки казачки были свѣжи и ярки, какъ макъ самаго тонкаго розоваго цвѣта, когда умывшись божьею росою, горитъ онъ, распрямляетъ листики и охорашивается передъ только-что поднявшимся солнышкомъ; что брови, словно чорные шнурочки, какіе покупаютъ теперь для крестовъ и дукатовъ дѣвушки наши у проходящихъ по селамъ съ коробками москалей, ровно нагнувшись, какъ-будто глядѣлись въ ясныя очи; что ротикъ, на который глядя облизывалась тогдашняя молодежь, кажись, на то и созданъ былъ, чтобы выводить соловьиныя пѣсни; что волосы ея, черные, какъ крылья ворона, и мягкіе, какъ молодой ленъ (тогда еще дѣвушки наши не заплетали ихъ въ дрибушки, перевивая красивыми, яркихъ цвѣтовъ, синдячками), падали курчавыми кудрями на шитый золотомъ кунтушъ. Эхъ! не доведи

Господь возглашать мнѣ больше на клиросѣ аллилуя, если бы, вотъ тутъ же, не расцаловалъ ея, несмотря на то, что сѣдь пробирается по всему старому лѣсу, покрывающему мою макушку, и подъ бокомъ моя старуха, какъ бѣльмо въ глазу. Ну, если гдѣ парубокъ и дѣвка живутъ близко одинъ отъ другаго... сами знаете, что выходитъ. Бывало, ни свѣтъ, ни заря, подковы красныхъ сапоговъ и примѣтны на томъ мѣстѣ, гдѣ раздобаривала Пидорка съ своимъ Петрусемъ. Но все бы Коржу и въ умъ не пришло что-нибудь недоброе, да разъ — ну, это уже и видно, что никто другой, какъ лукавый дернулъ — вздумалось Петрусю, не осмотрѣвшись хорошенько въ сѣняхъ, влѣпить поцалуй, какъ говорятъ, отъ всей души, въ розовыя губки казачки, и тотъ же самый лукавый, чтобъ ему собачьему сыну приснился крестъ святой! настроилъ съ-дуру стараго хрѣна отворить дверь хаты. Одеревянѣлъ Коржъ, разинувъ ротъ и ухватясь рукою за двери. Проклятый поцалуй, казалось, оглушилъ его совершенно. Ему почудился онъ громче, чѣмъ ударъ макогона объ стѣну, которымъ обыкновенно въ наше время мужикъ прогоняетъ кутю, за неимѣніемъ фузеи и пороха.

Очнувшись, снялъ онъ со стѣны дѣдовскую нагайку и уже хотѣлъ-было покропить ею спину бѣднаго Петра, какъ откуда-ни-возьмись шестилѣтній братъ Пидоркинъ, Ивась, прибѣжалъ и въ испугѣ схватилъ ручонками его за ноги, закричавъ: «тятя, тятя! не бей Петруся!» Чтò прикажешь дѣлать? у отца сердце не каменное; повѣсивши нагайку на стѣну, вывелъ онъ его потихоньку изъ хаты: «Если ты мнѣ когда-нибудь покажешься въ хатѣ, или хоть только подъ окнами, то слушай, Петро: ейбогу, пропадутъ черные усы, да и оселедецъ твой, вотъ уже онъ два раза обматывается около уха, не будь я Терентій Коржъ, если не распрощается съ твоею макушей!» Сказавши это, далъ онъ ему легонькою рукою стусана въ затылокъ, такъ что Петрусь, не взвидя земли, полетѣлъ стремглавъ. Вотъ тебѣ и доцаловались! Взяла кручина нашихъ голубковъ; а тутъ и слухъ по селу, что къ Коржу повадился ходить какой-то ляхъ, обшитый золотомъ, съ усами, съ саблею, со шпорами, съ карманами, бренчавшими, какъ звонокъ отъ мѣшечка, съ которымъ пономарь нашъ, Тарасъ, отправляется каждый день по церкви. Ну, извѣстно, зачѣмъ ходятъ къ отцу, когда у него водится чернобро-

вая дочка. Вотъ, одинъ разъ, Пидорка схватила, заливаясь слезами, на руки Ивася своего: «Ивасю мой милый, Ивасю мой любый! бѣги къ Петрусю, мое золотое дитя, какъ стрѣла изъ лука; разскажи ему все: любила бъ его карія очи, цаловала бы его бѣлое личико, да не велитъ судьба моя. Не одинъ ручникъ вымочила горючими слезами. Тошно мнѣ. Тяжело на сердцѣ. И родной отецъ врагъ мнѣ: неволитъ итти за нелюбаго ляха. Скажи ему, что и свадьбу готовятъ, только не будетъ музыки на нашей свадьбѣ; будутъ дьяки пѣть, вмѣсто кобзъ и сопилокъ. Не пойду я танцовать съ женихомъ своимъ; понесутъ меня! Темная, темная моя будетъ хата: изъ кленоваго дерева и, вмѣсто трубы, крестъ будетъ стоять на крышѣ!»

Какъ будто окаменѣвъ, не сдвинувшись съ мѣста, слушалъ Петро, когда невинное дитя лепетало ему пидоркины слова. «А я думалъ, несчастный, итти въ Крымъ и Туречину, навоевать золота и съ добромъ пріѣхать къ тебѣ, моя красавица. Да не быть тому. Недобрый глазъ поглядѣлъ на насъ. Будетъ же, моя дорогая рыбка, будетъ и у меня свадьба: только и дьяковъ не будетъ на той свадьбѣ—воронъ черный прокрячетъ,

вмѣсто попа, надо мною: гладкое поле будетъ моя хата; сизая туча — моя крыша; орелъ выклюетъ мои карія очи; вымоютъ дожди казацкія косточки и вихорь высушитъ ихъ. Но что я? на кого? кому жаловаться? Такъ уже, видно, Богъ велѣлъ — пропадать, такъ пропадать!» да прямехонько и побрелъ въ шинокъ.

Тетка покойнаго дѣда немного изумилась, увидѣвши Петруся въ шинкѣ, да еще въ такую пору, когда добрый человѣкъ идетъ къ заутренѣ, выпучила на него глаза, какъ-будто съ-просонья, когда потребовалъ онъ кухоль сивухи, мало не съ-полведра. Только напрасно думалъ бѣдняжка залить свое горе. Водка щипала его за языкъ, словно крапива, и казалась ему горше полыни. Кинулъ отъ себя кухоль на землю. «Полно горевать тебѣ, казакъ!» загремѣло что-то басомъ надъ нимъ. Оглянулся: Басаврюкъ! у! какая образина! Волосы — щетина, очи — какъ у вола! «Знаю, чего недостаетъ тебѣ: вотъ чего!» Тутъ брякнулъ онъ съ бѣсовскою усмѣшкою кожанымъ, висѣвшимъ у него возлѣ пояса, кошелькомъ. Вздрогнулъ Петро. «Ге, ге, ге! да какъ горитъ!» заревѣлъ онъ, пересыпая на руку червонцы: «ге, ге, ге! да какъ звенитъ! А вѣдь и

дѣла только одного потребую за цѣлую гору такихъ цяцекъ». — «Дьяволъ!» закричалъ Петро. «Давай его! на все готовъ!» Хлопнули по рукамъ. «Смотри, Петро, ты поспѣлъ какъ-разъ въ-пору: завтра Ивана Купала. Одну только эту ночь въ году и цвѣтетъ папоротникъ. Не прозѣвай! Я тебя буду ждать о-полночи, въ Медвѣжьемъ оврагѣ».

Я думаю, куры такъ не дожидаются той поры, когда баба вынесетъ имъ хлѣбныхъ зеренъ, какъ дожидался Петрусь вечера. То-и-дѣло, что смотрѣлъ, не становится ли тѣнь отъ дерева длиннѣе, не румянится ли понизившееся солнышко, и чѣмъ далѣе, тѣмъ нетерпѣливѣй. Экая долгота! видно, день божій потерялъ гдѣ-нибудь конецъ свой. Вотъ уже и солнца нѣтъ. Небо только краснѣетъ на одной сторонѣ. И оно уже тускнетъ. Въ полѣ становится холоднѣй. Примеркаетъ, примеркаетъ и — смерклось. Насилу! Съ сердцемъ, только-что не хотѣвшимъ выскочить изъ груди, собрался онъ въ дорогу и бережно спустился густымъ лѣсомъ въ глубокій яръ, называемый Медвѣжьимъ оврагомъ. Басаврюкъ уже поджидалъ тамъ. Темно, хоть въ глаза выстрѣли. Рука-объ-руку пробирались они по топкимъ боло-

тамъ, цѣпляясь за густо-разросшійся терновникъ и спотыкаясь почти на каждомъ шагу. Вотъ и ровное мѣсто. Оглядѣлся Петро: никогда еще не случалось ему заходить сюда. Тутъ остановился и Басаврюкъ. «Видишь ли ты, стоятъ передъ тобою три пригорка? Много будетъ на нихъ цвѣтовъ разныхъ; но сохрани тебя нездѣшняя сила сорвать хоть одинъ. Только же зацвѣтетъ папоротникъ, хватай его и не оглядывайся, чтобы тебѣ позади ни чудилось». Петро хотѣлъ-было спросить... глядь — и нѣтъ уже его. Подошелъ къ тремъ пригоркамъ; гдѣ же цвѣты? Ничего не видать. Дикій бурьянъ чернѣлъ кругомъ и глушилъ все своею густотою. Но вотъ блеснула на небѣ зарница, и передъ нимъ показалась цѣлая гряда цвѣтовъ, все чудныхъ, все невиданныхъ; тутъ же и простыя листья папоротника. Поусумнился Петро, и раздумно сталъ передъ ними, подпершись обѣими руками въ боки. «Что̀ тутъ за невидальщина? десять разъ на-день, случается, видишь это зелье: какое жъ тутъ диво? Не вздумала ли дьявольская рожа посмѣяться?»—Глядь— краснѣетъ маленькая цвѣточная почка и, какъ-будто живая, движется. Въ-самомъ-дѣлѣ чудно! Движется и становится все больше, больше, и

краснѣетъ, какъ горячій уголь. Вспыхнула звѣздочка, что-то тихо затрещало — и цвѣтокъ развернулся передъ его очами, словно пламя, освѣтивъ и другіе около себя. «Теперь пора!» подумалъ Петро и протянулъ руку. Смотритъ, тянутся изъ-за него сотни мохнатыхъ рукъ также къ цвѣтку, и позади его что-то перебѣгаетъ съ мѣста на мѣсто. Зажмуривъ глаза, дернулъ онъ за стебелекъ, и цвѣтокъ остался въ его рукахъ. Все утихло. На пнѣ показался сидящимъ Басаврюкъ, весь синій, какъ мертвецъ. Хоть бы пошевелился однимъ пальцемъ. Очи недвижно уставлены на что-то, видимое ему одному только; ротъ въ-половину разинутъ, и ни отвѣта. Вокругъ не шелохнетъ. Ухъ, страшно!... Но вотъ послышался свистъ, отъ котораго захолонуло у Петра внутри и почудилось ему, будто трава зашумѣла, цвѣты начали между собою разговаривать голоскомъ тоненькимъ, словно серебряные колокольчики; деревья загремѣли сыпучею бранью... Лице Басаврюка вдругъ ожило; очи сверкнули. «Насилу воротилась яга!» проворчалъ онъ сквозь зубы. «Гляди, Петро, станетъ передъ тобою сейчасъ красавица: дѣлай все, что̀ ни прикажетъ, не то пропалъ на-вѣки!» Тутъ раздѣлилъ онъ сукова-

тою палкою кустъ терновника, и передъ ними показалась избушка, какъ говорится, на курьихъ ножкахъ. Басаврюкъ ударилъ кулакомъ, и стѣна зашаталась. Большая черная собака выбѣжала на-встрѣчу и съ визгомъ, оборотившись въ кошку, кинулась въ глаза имъ. «Не бѣсись, не бѣсись, старая чертовка!» проговорилъ Басаврюкъ, приправивъ такимъ словцомъ, что добрый человѣкъ и уши бы заткнулъ. Глядь—вмѣсто кошки, старуха съ лицемъ сморщившимся, какъ печеное яблоко, вся согнутая въ дугу; носъ съ подбородкомъ словно щипцы, которыми щелкаютъ орѣхи. «Славная красавица!» подумалъ Петро, и мурашки пошли по спинѣ его. Вѣдьма вырвала у него цвѣтокъ изъ рукъ, наклонилась и что-то долго шептала надъ нимъ, вспрыскивая какою-то водою. Искры посыпались у ней изо рта; пѣна показалась на губахъ. «Бросай!» сказала она, отдавая цвѣтокъ ему. Петро подбросилъ, и, что за-чудо? цвѣтокъ не упалъ прямо, но долго казался огненнымъ шарикомъ посреди мрака и, словно лодка, плавалъ по воздуху; наконецъ потихоньку началъ спускаться ниже и упалъ такъ далеко, что едва примѣтна была звѣздочка, не больше маковаго зерна. «Здѣсь!» глухо про-

хрипѣла старуха; а Басаврюкъ, подавая ему заступъ, примолвилъ: «копай здѣсь, Петро; тутъ увидишь ты столько золота, сколько ни тебѣ, ни Коржу не снилось». — Петро, поплевавъ въ руки, схватилъ заступъ, надавилъ ногою и выворотилъ землю, въ другой, въ третій, еще разъ... что-то твердое!... Заступъ звенитъ и нейдетъ далѣе. Тутъ глаза его ясно начали различать небольшой, окованный желѣзомъ, сундукъ. Уже хотѣлъ онъ было достать его рукою, но сундукъ сталъ уходить въ землю, и все чѣмъ далѣе, глубже, глубже; а позади его слышался хохотъ, болѣе схожій съ змѣинымъ шипѣньемъ. «Нѣтъ, не видать тебѣ золота, покамѣстъ не достанешь крови человѣческой!» сказала вѣдьма и подвела къ нему дитя, лѣтъ шести, накрытое бѣлою простынею, показывая знàкомъ, чтобы онъ отсѣкъ ему голову. Остолбенѣлъ Петро. Малость, отрѣзать ни за-что, ни про-что человѣку голову, да еще и безвинному ребенку! Въ-сердцахъ, сдернулъ онъ простыню, накрывавшую его голову, и что же? Передъ нимъ стоялъ Ивась. И рученки сложило бѣдное дитя на-крестъ, и головку повѣсило.... Какъ бѣшеный подскочилъ съ ножомъ къ вѣдьмѣ Петро, и уже занесъ-было руку... «А что̀ ты

обѣщалъ за дѣвушку?...» грянулъ Басаврюкъ и словно пулю посадилъ ему въ спину. Вѣдьма топнула ногою: синее пламя выхватилось изъ земли; середина ея вся освѣтилась и стала какъ-будто изъ хрусталя вылита; и все, что ни было подъ землею, сдѣлалось видимо, какъ на ладони. Червонцы, дорогіе камни въ сундукахъ, въ котлахъ, грудами были навалены подъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, гдѣ они стояли. Глаза его загорѣлись... умъ помутился... Какъ безумный, ухватился онъ за ножъ, и безвинная кровь брызнула ему въ очи... Дьявольскій хохотъ загремѣлъ со всѣхъ сторонъ. Безобразныя чудища стаями скакали передъ нимъ. Вѣдьма, вцѣпившись руками за обезглавленный трупъ, какъ волкъ, пила изъ него кровь... Все пошло кругомъ въ головѣ его! Собравши всѣ силы, бросился онъ бѣжать. Все покрылось передъ нимъ краснымъ цвѣтомъ. Деревья всѣ въ крови, казалось, горѣли и стонали. Небо, раскалившись, дрожало... Огненныя пятна, что молніи, мерещились ему въ глаза. Выбившись изъ силъ, вбѣжалъ онъ въ свою лачужку и, какъ снопъ, повалился на землю. Мертвый сонъ охватилъ его.

Два дня и двѣ ночи спалъ Петро безъ-просы-

па. Очнувшись на третій день, долго осматривалъ онъ углы своей хаты; но напрасно старался что-нибудь припомнить: память его была какъ карманъ стараго скряги, изъ котораго полушки не выманишь. Потянувшись немного, услышалъ онъ, что въ ногахъ брякнуло. Смотритъ: два мѣшка съ золотомъ. Тутъ только, будто сквозь сонъ, вспомнилъ онъ, что искалъ какого-то клада, что было ему одному страшно въ лѣсу... Но за какую цѣну, какъ достался онъ, этого никакимъ образомъ не могъ понять.

Увидѣлъ Коржъ мѣшки и — разнѣжился: «Сякой, такой Петрусь, немазаный! да я ли не любилъ его? да не былъ ли у меня онъ, какъ сынъ родной?» и понесъ хрычъ небывальщину, такъ-что того до слезъ разобрало. Дивно только показалось Пидоркѣ, когда стала разсказывать, какъ проходившіе мимо цыганы украли Ивася: Петро не могъ даже вспомнить лица его, такъ обморочила проклятая бѣсовщина! Мѣшкать было не зачѣмъ. Поляку дали подъ носъ дулю, да и заварили свадьбу: напекли шишекъ, нашили ручниковъ и хустокъ, выкатили бочку горѣлки, посадили за столъ молодыхъ, разрѣ-

зали каравай, брякнули въ бандуры, цымбалы, сопилки, кобзы — и пошла потѣха...

Въ-старину, свадьба водилась не въ-сравненье нашей. Тетка моего дѣда, бывало разскажетъ — люли только! Какъ дѣвчата, въ нарядномъ головномъ уборѣ, изъ желтыхъ, синихъ и розовыхъ стричекъ, наверхъ которыхъ навязывался золотой галунъ, въ тонкихъ рубашкахъ, вышитыхъ по всему шву краснымъ шолкомъ и унизанныхъ мелкими серебряными цвѣточками, въ сафьянныхъ сапогахъ на высокихъ желѣзныхъ подковахъ, плавно, словно павы, и съ шумомъ, что вихорь, скакали въ горлицѣ. Какъ молодицы, съ корабликомъ на головѣ, котораго верхъ сдѣланъ былъ весь изъ сутозолотой парчи, съ небольшимъ вырѣзомъ на затылкѣ, изъ котораго выглядывалъ золотой очипокъ, съ двумя выдавшимися, одинъ напередъ, другой назадъ, рожками, самаго мелкаго чернаго смушка; въ синихъ изъ лучшаго полутабенеку съ красными клапанами кунтушахъ, важно подбочепившись, выступали поодиночкѣ и мѣрно выбивали гопака. Какъ парубки, въ высокихъ казацкихъ шапкахъ, въ тонкихъ суконныхъ свиткахъ, затянутыхъ шитыми серебромъ поя-

сами, съ люльками въ зубахъ, разсыпались передъ ними мелкимъ бѣсомъ и подпускали турусы. Самъ Коржъ не утерпѣлъ, глядя на молодыхъ, чтобы не тряхнуть стариною. Съ бандурою въ рукахъ, потягивая люльку и вмѣстѣ припѣвая, съ чаркою на головѣ, пустился старичина, при громкомъ крикѣ гулякъ, въ-присядку. Чего не выдумаютъ навеселѣ? Начнутъ, бывало, наряжаться въ хари — Боже ты мой, на человѣка не похожи! Ужъ не нынѣшнихъ переодѣваній, что бываютъ на свадьбахъ нашихъ. Что теперь? только-что корчатъ цыганокъ, да москалей. Нѣтъ, вотъ, бывало, одинъ одѣнется жидомъ, а другой чортомъ, начнутъ сперва цаловаться, а послѣ ухватятся за чубы... Богъ съ вами! смѣхъ нападетъ такой, что за животъ хватаешься. Поодѣнутся въ турецкія и татарскія платья: все горитъ на нихъ, какъ жаръ... А какъ начнутъ дурить, да строить штуки... ну, тогда хоть святыхъ выноси. Съ теткой покойнаго дѣда, которая сама была на этой свадьбѣ, случилась забавная исторія: была она одѣта тогда въ татарское широкое платье, и, съ чаркою въ рукахъ, угощала собраніе. Вотъ, одного дернулъ лукавый окатить ее сзади вод-

кою; другой, тоже, видно, непромахъ, высѣкъ въ ту же минуту огня, да и поджегъ... пламя вспыхнуло: бѣдная тетка, перепугавшись, давай сбрасывать съ себя, при всѣхъ, платье.... Шумъ, хохотъ, ералашъ поднялся, какъ на ярмаркѣ. Словомъ, старики не запомнили никогда еще такой веселой свадьбы.

Начали жить Пидорка да Петрусь, словно панъ съ панею. Всего вдоволь, все блеститъ... Однако же добрые люди качали слегка головами, глядя на житье ихъ. «Отъ чорта не будетъ добра» поговаривали всѣ въ одинъ голосъ. «Откуда, какъ не отъ искусителя люда православнаго, пришло къ нему богатство? Гдѣ ему было взять такую кучу золота? Отчего, вдругъ, въ самый тотъ день, когда разбогатѣлъ онъ, Басаврюкъ пропалъ, какъ въ воду?» — Говорите же, что люди выдумываютъ! Вѣдь въ-самомъ-дѣлѣ, не прошло мѣсяца, Петруся никто узнать не могъ. Отъ-чего, что̀ съ нимъ сдѣлалось, Богъ знаетъ. Сидитъ на одномъ мѣстѣ, и хоть бы слово съ кѣмъ. Все думаетъ и какъ-будто бы хочетъ что-то припомнить. Когда Пидоркѣ удастся заставить его о чемъ-нибудь заговорить, какъ-будто и забудется, и поведетъ рѣчь, и

развеселится даже; но ненарокомъ, посмотритъ на мѣшки — «постой, постой, позабылъ!» кричитъ, и снова задумается, и снова силится про что-то вспомнить. Иной разъ, когда долго сидитъ на одномъ мѣстѣ, чудится ему, что вотъ, вотъ, все сызнова приходитъ на умъ... и опять все уплo. Кажется: сидитъ въ шинкѣ; несутъ ему водку; жжетъ его водка; противна ему водка. Кто-то подходитъ, бьетъ по плечу его... но далѣе, все какъ будто туманомъ укрывается передъ нимъ. Потъ валится градомъ по лицу его, и онъ, въ-изнеможеніи, садится на свое мѣсто.

Чего не дѣлала Пидорка: и совѣщалась съ знахарями, и переполохъ выливали, и соняшницу заваривали *: ничто не помогало. Такъ прошло и лѣто. Много казаковъ откосилось, много казаковъ, поразгульнѣе другихъ, и въ походъ потянулось. Стаи утокъ еще толпились на болотахъ нашихъ; но крапивянокъ уже и въ-

* Выливаютъ переполохъ у насъ въ случаѣ испуга, когда хотятъ узнать, отчего приключился онъ: бросаютъ расплавленное олово или воскъ въ воду, и чье примутъ они подобіе, то самое перепугало больнаго; послѣ чего и весь испугъ проходитъ. Завариваютъ соняшницу отъ дурноты и боли въ животѣ. Для этого зажигаютъ кусокъ пеньки, бросаютъ въ кружку и опрокидываютъ ее вверхъ дномъ въ миску, наполненную водою и поставленную на животѣ больнаго; потомъ, послѣ зашептыванія, даютъ ему выпить ложку этой самой воды.

поминѣ не было. Въ степяхъ закраснѣло. Скирды хлѣба то сямъ, то тамъ, словно казацкія шапки, пестрѣли по полю. Попадались по дорогѣ и возы, наваленные хворостомъ и дровами. Земля сдѣлалась крѣпче и мѣстами стала прохватываться морозомъ. Уже и снѣгъ сталъ сѣяться съ неба, и вѣтви деревъ убрались инеемъ, будто заячьимъ мѣхомъ. Вотъ уже въ ясный морозный день, красногрудый снѣгирь, словно щеголеватый польскій шляхтичъ, прогуливался по снѣговымъ кучамъ, вытаскивая зерно, и дѣти огромными кіями гоняли по льду деревянные кубари, между-тѣмъ какъ отцы ихъ спокойно вылеживались на печкѣ, выходя по-временамъ, съ зажженною люлькою въ зубахъ, ругнуть добрымъ порядкомъ православный морозецъ, или провѣтриться и промолотить въ сѣняхъ залежалый хлѣбъ. Наконецъ снѣга стали таять и *щука хвостомъ ледъ расколотила;* а Петро все такъ же, и чѣмъ далѣе, тѣмъ еще суровѣе. Какъ-будто прикованный, сидитъ посереди хаты, поставивъ себѣ въ ноги мѣшки свои. Одичалъ, обросъ волосами, сталъ страшенъ, и все думаетъ объ одномъ, все силится припомнить что-то, и сердится, и злится, что не можетъ вспомнить. Часто

дико подымается съ своего мѣста, поводитъ руками, вперяетъ во что-то глаза свои, какъ-будто хочетъ уловить его; губы шевелятся, будто хотятъ произнесть какое-то давно-забытое слово — и неподвижно останавливаются... Бѣшенство овладѣваетъ имъ; какъ полоумный, грызетъ и кусаетъ себѣ руки и въ досадѣ рветъ клоками волосы, покамѣстъ, утихнувъ, не упадетъ, будто въ-забытьи, и послѣ снова принимается припоминать, и снова бѣшенство, и снова мука... Чтò это за напасть божія? Жизнь не въ жизнь стала Пидоркѣ. Страшно ей было оставаться сперва одной въ хатѣ; да послѣ свыклась, бѣдняжка, съ своимъ горемъ. Но прежней Пидорки уже узнать не льзя было. Ни румянца, ни усмѣшки; изныла, исчахла, выплакались ясныя очи. Разъ, кто-то уже видно сжалился надъ ней, посовѣтовалъ итти къ колдуньѣ, жившей въ Медвѣжьемъ оврагѣ, про которую ходила слава, что умѣетъ лечить всѣ на свѣтѣ болѣзни. Рѣшилась попробовать послѣднее средство; слово-за-слово, уговорила старуху итти съ собою. Это было ввечеру, какъ разъ наканунѣ Купала. Петро въ безпамятствѣ лежалъ на лавкѣ и не примѣчалъ вовсе новой гостьи.

Какъ вотъ, мало-по-малу сталъ приподниматься и всматриваться. Вдругъ весь задрожалъ, какъ на плахѣ; волосы поднялись горою... и онъ засмѣялся такимъ хохотомъ, что страхъ врѣзался въ сердце Пидорки. «Вспомнилъ! вспомнилъ!» закричалъ онъ въ страшномъ весельи, и, размахнувши топоръ, пустилъ имъ изъ всей силы въ старуху. Топоръ на два вершка вбѣжалъ въ дубовую дверь. Старуха пропала, и дитя лѣтъ семи, въ бѣлой рубашкѣ, съ накрытою головою, стало посреди хаты... Простыня слетѣла. «Ивась!» закричала Пидорка и бросилась къ нему; но привидѣніе все, съ ногъ до головы, покрылось кровью и освѣтило всю хату краснымъ свѣтомъ... Въ испугѣ выбѣжала она въ сѣни; но опомнившись немного, хотѣла-было помочь ему; напрасно! дверь захлопнулась за нею такъ крѣпко, что не-подъ-силу было отпереть. Сбѣжались люди; принялись стучать; высадили дверь: хоть бы душа одна! Вся хата полна дыма, и по серединѣ только, гдѣ стоялъ Петрусь, куча пеплу, отъ котораго мѣстами подымался еще паръ. Кинулись къ мѣшкамъ: одни битые черепки лежали вмѣсто червонцевъ. Выпуча глаза и разинувъ рты, не смѣя поше-

вельнуть усомъ, стояли казаки, будто вкопанные въ землю. Такой страхъ навело на нихъ это диво.

Чтò было далѣе, не вспомню. Пидорка дала обѣтъ, итти на богомолье; собрала оставшееся послѣ отца имущество, и черезъ нѣсколько дней ея точно уже не было на селѣ. Куда ушла она, никто не могъ сказать. Услужливыя старухи отправили-было ее уже туда, куда и Петро потащился; да одинъ разъ, пріѣхавшій изъ Кіева казакъ, разсказалъ, чтò видѣлъ въ лаврѣ монахиню, всю высохшую, какъ скелетъ и безпрестанно молящуюся, въ которой земляки, по всѣмъ примѣтамъ, узнали Пидорку; что еще никто не слыхалъ отъ нея ни одного слова; что пришла она пѣшкомъ и принесла окладъ къ къ иконѣ Божьей Матери, изцвѣченный такими яркими камнями, что всѣ зажмуривались, на него глядя.

Позвольте, этимъ еще не все кончилось. Въ тотъ самый день, когда лукавый припряталъ къ себѣ Петруся, показался снова Басаврюкъ; только всѣ бѣгомъ отъ него. Узнали, чтò это за птица: никто другой, какъ сатана, принявшій человѣческій образъ для того, чтобы отрывать

клады; а какъ клады не даются нечистымъ рукамъ, такъ вотъ онъ и приманиваетъ къ себѣ молодцевъ. Въ томъ же году всѣ побросали землянки свои и перебрались въ село; но и тамъ однако жъ не было покою отъ проклятаго Басаврюка. Тетка покойнаго дѣда говорила, что именно злился онъ болѣе всего на нее за то, что оставила прежній шинокъ по опошнянской дорогѣ, и всѣми силами старался выместить все на ней. Разъ старшины села собрались въ шинокъ и, какъ говорится, бесѣдовали по чинамъ за столомъ, по серединѣ котораго поставленъ былъ, грѣхъ сказать, чтобы малый, жареный баранъ. Калякали о семъ, и о томъ, было и про диковинки разныя и про чуда. Вотъ и померещилось, еще бы ничего, если бы одному, а то именно всѣмъ, что баранъ поднялъ голову, блудящіе глаза его ожили и засвѣтились, и въ-мигъ появившіеся, черные щетинистые усы, значительно заморгали на присутствующихъ. Всѣ тотчасъ узнали на бараньей головѣ рожу Басаврюка; тетка дѣда моего даже думала уже, что вотъ, вотъ попроситъ водки... Честные старшины за шапки, да скорѣй восвояси. Въ другой разъ самъ церковный староста, любившій

по-временамъ раздобаривать глазъ-на-глазъ съ дѣдовскою чаркою, не успѣлъ еще раза два достать дна, какъ видитъ, что чарка кланяется ему въ-поясъ. Чортъ съ тобою! давай креститься!... А тутъ съ половиною его то же диво: только, что начала она замѣшивать тѣсто въ огромной дижѣ, вдругъ дижа выпрыгнула: «Стой, стой!» куда! подбоченившись важно, пустилась въ-присядку по всей хатѣ... Смѣйтесь; однако жъ не до смѣха было нашимъ дѣдамъ. И даромъ, что отецъ Аѳанасій ходилъ по всему селу со святою водой и гонялъ чорта кропиломъ по всѣмъ улицамъ, а все еще тетка покойнаго дѣда долго жаловалась, что кто-то, какъ только вечеръ, стучитъ въ крышу и царапается по стѣнѣ.

Да чего! Вотъ теперь на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ село наше, кажись, все спокойно; а вѣдь еще не такъ давно, еще покойный отецъ мой и я запомню, какъ мимо развалившагося шинка, который нечистое племя долго послѣ того поправляло на свой счетъ, доброму человѣку пройти нельзя было. Изъ закоптѣвшей трубы столбомъ валился дымъ, и, поднявшись высоко, такъ что посмотрѣть — шапка валилась,

разсыпался горячими угольями по всей степи, и чортъ, нечего бы и вспоминать его, собачьяго сына, такъ всхлипывалъ жалобно въ своей конурѣ, что испуганные гайвороны стаями подымались изъ ближняго дубоваго лѣса и съ дикимъ крикомъ метались по небу.

═

МАЙСКАЯ НОЧЬ,

или

УТОПЛЕННИЦА.

МАЙСКАЯ НОЧЬ,

ИЛИ

УТОПЛЕННИЦА.

Врагъ его батька знає! начнуть що небудь робыть люды хрещены, то мурдуютця, мурдуютця, мовъ хорты за зайцемъ, а все щось не до шмыгу; тильки жъ куды чортъ уплетецця, то верть хвостыкомъ—такъ де вono й возмется зъ неба.

I.

ГАННА.

Звонкая пѣсня лилась рѣкою по улицамъ села ***. Было то время, когда утомленные дневными трудами и заботами, парубки и дѣвушки шумно собирались въ кружокъ, въ блескѣ чистаго вечера, выливать свое веселье въ звуки, всегда неразлучные съ уныньемъ. И вечеръ, вѣчно задумавшійся, мечтательно обнималъ синее небо,

превращая все въ неопредѣленность и даль. Уже и сумерки, а пѣсни все не утихали. Съ бандурою въ рукахъ пробирался ускользнувшій отъ пѣсельниковъ молодой казакъ Левко, сынъ сельскаго головы. На казакѣ рѣшетиловская шапка. Казакъ идетъ по улицѣ, бренчитъ рукою по струнамъ и подтанцываетъ. Вотъ онъ тихо остановился передъ дверью хаты, уставленной невысокими вишневыми деревьями. Чья же это хата? Чья эта дверь? Немного помолчавши, заигралъ онъ и запѣлъ:

Сонце низенько, вечеръ близенько,
Выйды до мене, мое серденько!

«Нѣтъ, видно крѣпко заснула моя ясноокая красавица!» сказалъ казакъ, окончивши пѣсню и приближаясь къ окну. «Галю! Галю! ты спишь, или не хочешь ко мнѣ выйти? Ты боишься, вѣрно, чтобы насъ кто не увидѣлъ, или не хочешь, можетъ-быть, показать бѣлое личико на холодъ! Не бойся: никого нѣтъ. Вечеръ теплъ. Но если бы и показался кто, я прикрою тебя свиткою, обмотаю своимъ поясомъ, закрою руками тебя — и никто насъ не увидитъ. Но если бы и повѣяло холодомъ, я прижму тебя поближе къ сердцу,

отогрѣю поцалуями, надѣну шапку свою на твои бѣленькія ножки. Сердце мое, рыбка моя, ожерелье! выгляни на-мигъ. Просунь сквозь окошечко хоть бѣлую ручку свою... Нѣтъ, ты не спишь, гордая дивчина!» проговорилъ онъ громче и такимъ голосомъ, какимъ выражаетъ себя устыдившійся мгновеннаго униженія. «Тебѣ любо издѣваться надо мною; прощай!» Тутъ онъ отворотился, насунулъ набекрень свою шапку и гордо отошелъ отъ окошка, тихо перебирая струны бандуры. Деревянная ручка у двери въ это время завертѣлась: дверь распахнулась со скрыпомъ, и дѣвушка на порѣ семнадцатой весны, обвитая сумерками, робко оглядываясь и не выпуская деревянной ручки, переступила черезъ порогъ. Въ полуясномъ мракѣ горѣли привѣтно, будто звѣздочки, ясныя очи; блистало красное коралловое монисто, и отъ орлиныхъ очей парубка не могла укрыться даже краска, стыдливо вспыхнувшая на щекахъ ея. «Какой же ты нетерпѣливый!» говорила она ему въ-полголоса. «Уже и разсердился! Зачѣмъ выбралъ ты такое время: толпа народу шатается то-и-дѣло по улицамъ... Я вся дрожу...»

«О, не дрожи, моя красная калиночка! При-

жмись ко мнѣ покрѣпче!» говорилъ парубокъ, обнимая ее, отбросивъ бандуру, висѣвшую на длинномъ ремнѣ у него на шеѣ, и садясь вмѣстѣ съ нею у дверей хаты. «Ты знаешь, что мнѣ и часу не видать тебя горько».

«Знаешь ли, что́ я думаю?» прервала дѣвушка, задумчиво потопивъ въ него свои очи. «Мнѣ все что-то будто на ухо шепчетъ, что впередъ намъ не видаться такъ часто. Недобрые у васъ люди: дѣвушки всѣ глядятъ такъ завистливо; а парубки... Я примѣчаю даже, что мать моя съ недавней поры стала суровѣе приглядывать за мною. Признаюсь, мнѣ веселѣе было у чужихъ». Какое-то движеніе тоски выразилось на лицѣ ея при послѣднихъ словахъ.

«Два мѣсяца только въ сторонѣ родной, и уже соскучилась! Можетъ, и я надоѣлъ тебѣ?»

«О! ты мнѣ не надоѣлъ» молвила она, усмѣхнувшись. «Я тебя люблю, чернобровый казакъ! За то люблю, что у тебя карія очи, и какъ поглядишь ты ими — у меня какъ-будто на душѣ усмѣхается: и весело, и хорошо ей; что привѣтливо моргаешь ты чернымъ усомъ своимъ; что ты идешь по улицѣ, поешь и играешь на бандурѣ — и любо слушать тебя».

«О, моя милая дѣвушка!» вскрикнулъ парубокъ, цалуя и прижимая ее сильнѣе къ груди своей.

«Постой! полно, Левко! Скажи напередъ, говорилъ ли ты съ отцомъ своимъ?»

«Что?» сказалъ онъ, будто проснувшись. «Да, что я хочу жениться, а ты выйти за меня замужъ — говорилъ». Но какъ-то уныино зазвучало въ устахъ его это слово «говорилъ».

«Что же?»

«Чтó станешь дѣлать съ нимъ? Притворился, старый хрѣнъ, по своему обыкновенію, глухимъ: ничего не слышитъ и еще бранитъ, что шатаюсь, Богъ знаетъ гдѣ, повѣсничаю и шалю съ хлопцами по улицамъ. Но не тужи, моя Галю! Вотъ тебѣ слово казацкое, что уломаю его».

«Да тебѣ только стóитъ, Левко, слово сказать — и все будетъ по-твоему. Я знаю это по себѣ: иной разъ не послушала бы тебя, а скажешь слово — и невольно дѣлаю, чтó тебѣ хочется. Посмотри, посмотри!» продолжала она, положивъ голову на плечо ему и поднявъ глаза вверхъ, гдѣ необъятно синѣло теплое украинское небо, завѣшенное снизу кудрявыми вѣтвями стоявшихъ передъ ними вишень. «Посмотри: вонъ, вонъ далеко мель-

кнули звѣздочки: одна, другая, третія, четвертая, пятая... Не правда ли, вѣдь это ангелы божіи поотворяли окошечки своихъ свѣтлыхъ домиковъ на небѣ и глядятъ на насъ! Да, Левко? Вѣдь это они глядятъ на нашу землю? Что, если бы у людей были крылья, какъ у птицъ — туда бы полетѣть, высоко, высоко... Ухъ, страшно! Ни одинъ дубъ у насъ не достанетъ до неба. А говорятъ однако же, есть гдѣ-то, въ какой-то далекой землѣ, такое дерево, которое шумитъ вершиною въ самомъ небѣ, и Богъ сходитъ по немъ на землю ночью передъ свѣтлымъ праздникомъ».

«Нѣтъ, Галю; у Бога есть длинная лѣстница отъ неба до самой земли. Ее становятъ передъ свѣтлымъ воскресеньемъ святые архангелы; и какъ только Богъ ступитъ на первую ступень, всѣ нечистые духи полетятъ стремглавъ и кучами попадаютъ въ пекло, и оттого на Христовъ праздникъ ни одного злаго духа не бываетъ на землѣ».

«Какъ тихо колышется вода, будто дитя въ люлькѣ!» продолжала Ганна, указывая на прудъ, угрюмо обставленный темнымъ кленовымъ лѣсомъ и оплакиваемый вербами, потопившими въ немъ жалобныя свои вѣтви. Какъ безсильный ста-

рецъ, держалъ онъ въ холодныхъ объятіяхъ своихъ далекое, темное небо, осыпая ледяными поцалуями огненныя звѣзды, которыя тускло рѣяли среди теплаго ночнаго воздуха, какъ бы предчувствуя скорое появленіе блистательнаго царя ночи. Возлѣ лѣса, на горѣ, дремалъ съ закрытыми ставнями старый деревянный домъ; мохъ и дикая трава покрывали его крышу; кудрявыя яблони разрослись передъ его окнами; лѣсъ, обнимая своею тѣнью, бросалъ на него дикую мрачность; орѣховая роща стлалась у подножія его и скатывалась къ пруду.

«Я помню, будто сквозь сонъ» сказала Ганна, не спуская глазъ съ него: «давно, давно, когда я еще была маленькою и жила у матери, что-то страшное разсказывали про домъ этотъ. Левко, ты вѣрно знаешь; раскажи!...»

«Богъ съ нимъ, моя красавица! Мало ли чего не разскажутъ бабы и народъ глупый. Ты себя только потревожишь, станешь бояться и не заснется тебѣ покойно».

«Разскажи, разскажи, милый, чернобровый парубокъ!» говорила она, прижимаясь лицемъ своимъ къ щекѣ его и обнимая его. «Нѣтъ! ты видно не любишь меня: у тебя есть другая дѣвушка. Я не

буду бояться; я буду спокойно спать ночь. Теперь-то не засну, если не разскажешь. Я стану мучиться, да думать... разскажи, Левко!...»

«Видно, правду говорятъ люди, что у дѣвушекъ сидитъ чортъ, подстрекающій ихъ любопытство. Ну, слушай. Давно, мое серденько, жилъ въ этомъ домѣ сотникъ. У сотника была дочка, ясная панночка, бѣлая какъ снѣгъ, какъ твое личико. Сотникова жена давно уже умерла; задумалъ сотникъ жениться на другой. «Будешь ли ты меня нѣжить по-старому, батьку, когда возьмешь другую жену?» — Буду, моя дочка; еще крѣпче прежняго стану прижимать тебя къ сердцу! Буду, моя дочка; еще ярче стану дарить серьги и монисты! — Привезъ сотникъ молодую жену въ новый домъ свой. Хороша была молодая жена. Румяна и бѣла собою была молодая жена; только такъ страшно взглянула на свою падчерицу, что та вскрикнула, увидѣвши ее, и хоть бы слово во весь день сказала суровая мачиха. Настала ночь: ушелъ сотникъ съ молодою женой въ свою опочивальню; заперлась и бѣлая панночка въ своей свѣтлицѣ. Горько сдѣлалось ей; стала плакать. Глядитъ: страшная черная кошка крадется къ ней; шерсть на ней горитъ и желѣзныя

когти стучатъ по полу. Въ испугѣ, вскочила она на лавку: кошка за нею. Перепрыгнула на лежанку: кошка и туда, и вдругъ бросилась къ ней на шею и душитъ ее. Съ крикомъ оторвавши отъ себя, кинула на полъ; опять крадется страшная кошка. Тоска ее взяла. На стѣнѣ висѣла отцовская сабля. Схватила ее и брякъ по полу — лапа съ желѣзными когтями отскочила, и кошка съ визгомъ пропала въ темномъ углу. Цѣлый день не выходила изъ свѣтлицы своей молодая жена; на третій день вышла съ перевязанною рукой. Угадала бѣдная панночка, что мачиха ея вѣдьма и что она ей перерубила руку. На четвертый день приказалъ сотникъ своей дочкѣ носить воду, мести хату, какъ простой мужичкѣ и не показываться въ панскіе покои. Тяжело было бѣдняжкѣ; да нечего дѣлать: стала выполнять отцовскую волю. На пятый день выгналъ сотникъ свою дочку босую изъ дому и куска хлѣба не далъ на дорогу. Тогда только зарыдала панночка, закрывши руками бѣлое лице свое: «Погубилъ ты, батьку, родную дочку свою! Погубила вѣдьма грѣшную душу твою! Прости тебя Богъ; а мнѣ, несчастной, видно не велитъ Онъ жить на бѣломъ свѣтѣ!...» И вонъ, видишь ли

ты...» Тутъ оборотился Левко къ Ганнѣ, указывая пальцемъ на домъ. «Гляди сюда: вонъ, подалѣе отъ дома, самый высокій берегъ! Съ этого берега кинулась панночка въ воду, и съ той поры не стало ея на свѣтѣ...»

«А вѣдьма?» боязливо прервала Ганна, устремивъ на него прослезившіяся очи.

«Вѣдьма? Старухи выдумали, что съ той поры всѣ утопленницы выходили, въ лунную ночь, въ панскій садъ грѣться на мѣсяцѣ; и сотникова дочка сдѣлалась надъ ними главною. Въ одну ночь, увидѣла она мачиху свою возлѣ пруда, напала на нее и съ крикомъ утащила въ воду. Но вѣдьма и тутъ нашлась: оборотилась подъ водою въ одну изъ утопленницъ, и черезъ то ушла отъ плети изъ зеленаго тростника, которою хотѣли ее бить утопленницы. Вѣрь бабамъ! Разсказываютъ еще, что панночка собираетъ всякую ночь утопленницъ и заглядываетъ по-одиночкѣ каждой въ лице, стараясь узнать, которая изъ нихъ вѣдьма; но до-сихъ-поръ не узнала. И если попадется изъ людей кто, тотчасъ заставляетъ его угадывать; не то, грозитъ утопить въ водѣ. Вотъ, моя Галю, какъ разсказываютъ старые люди!... Теперешній панъ хочетъ строить

на томъ мѣстѣ винницу и прислалъ нарочно для того сюда винокура... Но я слышу говоръ. Это наши возвращаются съ пѣсенъ. Прощай, Галю! Спи спокойно; да не думай объ этихъ бабьихъ выдумкахъ!» Сказавши это, онъ обнялъ ее крѣпче, поцаловалъ и ушелъ.

«Прощай, Левко!» говорила Ганна, задумчиво вперивъ очи на темный лѣсъ.

Огромный, огненный мѣсяцъ, величественно сталъ въ это время вырѣзываться изъ земли. Еще половина его была подъ землею, а уже весь міръ исполнился какого-то торжественнаго свѣта. Прудъ тронулся искрами. Тѣнь отъ деревьевъ ясно стала отдѣляться на темной зелени. «Прощай, Ганна!» раздались позади ея слова, сопровождаемыя поцалуемъ. «Ты воротился!» сказала она, оглянувшись; но увидѣвъ передъ собою незнакомаго парубка, отвернулась въ сторону. «Прощай, Ганна!» раздалось снова, и снова поцаловалъ ее кто-то въ щеку. «Вотъ принесла нелегкая и другаго!» проговорила она съ сердцемъ. «Прощай, милая Ганна!» — «Еще и третій!» — «Прощай! прощай! прощай, Ганна!» и поцалуи засыпали ее со всѣхъ сторонъ. «Да тутъ ихъ цѣлая ватага!» кричала Ганна, вырываясь изъ тол-

пы парубковъ, наперерывъ спѣшившихъ обнимать ее. «Какъ имъ не надоѣстъ безпрестанно цаловаться! Скоро, ейбогу, нельзя будетъ показаться на улицѣ!» Вслѣдъ за сими словами дверь захлопнулась, и только слышно было, какъ съ визгомъ задвинулся желѣзный засовъ.

═

II.

ГОЛОВА.

Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи! Всмотритесь въ нее: съ середины неба глядитъ мѣсяцъ; необъятный небесный сводъ раздался, раздвинулся еще необъятнѣе; горитъ и дышетъ онъ; земля вся въ серебряномъ свѣтѣ; и чудный воздухъ и прохладно-душенъ, и полонъ нѣги, и движетъ океанъ благоуханій. Божественная ночь! Очарова-

тельная ночь! Недвижно, вдохновенно стали лѣса, полные мрака, и кинули огромную тѣнь отъ себя. Тихи и покойны эти пруды; холодъ и мракъ водъ ихъ угрюмо заключенъ въ темнозеленыя стѣны садовъ. Дѣвственныя чащи черемухъ и черешень пугливо протянули свои корни въ ключевой холодъ и изрѣдка лепечутъ листьями, будто сердясь и негодуя, когда прекрасный вѣтренникъ — ночной вѣтеръ, подкравшись мгновенно, цалуетъ ихъ. Весь ландшафтъ спитъ. А вверху все дышетъ; все дивно, все торжественно. А на душѣ и необъятно, и чудно, и толпы серебряныхъ видѣній стройно возникаютъ въ ея глубинѣ. Божественная ночь! Очаровательная ночь! И вдругъ все ожило: и лѣса, и пруды, и степи. Сыплется величественный громъ украинскаго соловья и чудится, что и мѣсяцъ заслушался его посереди неба... Какъ очарованное, дремлетъ на возвышеніи село. Еще бѣлѣе, еще лучше блестятъ при мѣсяцѣ толпы хатъ; еще ослѣпительнѣе вырѣзываются изъ мрака низкія ихъ стѣны. Пѣсни умолкли. Все тихо. Благочестивые люди уже спятъ. Гдѣ-гдѣ только свѣтятся узенькія окна. Передъ поро-

гами иныхъ только хатъ запоздалая семья совершаетъ свой поздній ужинъ.

«Да, гопакъ не такъ танцуется! То-то я гляжу, не клеится все. Что жъ это разсказываетъ кумъ?... А, ну: гопъ трала! гопъ трала! гопъ, гопъ, гопъ!» Такъ разговаривалъ самъ-съ-собою подгулявшій мужикъ среднихъ лѣтъ, танцуя по улицѣ. «Ейбогу, не такъ танцуется гопакъ! Что мнѣ лгать? ейбогу, не такъ! А, ну: гопъ трала! гопъ трала! гопъ, гопъ, гопъ!»

«Вотъ, одурѣлъ человѣкъ! добро бы еще хлопецъ какой, а то старый кабанъ, дѣтямъ насмѣхъ, танцуетъ ночью по улицѣ!» вскричала проходящая пожилая женщина, неся въ рукѣ солому. «Ступай въ хату свою! Пора спать давно!»

«Я пойду!» сказалъ остановившись мужикъ. «Я пойду. Я не посмотрю на какого-нибудь голову. Что онъ думаетъ, *дидько бъ утыся его батькови*, что онъ голова, что онъ обливаетъ людей на морозѣ холодною водою, такъ и носъ поднялъ! Ну, голова, голова. Я самъ-себѣ голова. Вотъ, убей меня Богъ! Богъ меня убей! я самъ-себѣ голова. Вотъ что, а не то что...» продолжалъ онъ, подходя къ первой попавшей-

ся хатѣ, и остановился передъ окошкомъ, скользя пальцами по стеклу и стараясь найти деревянную ручку: «Баба, отворяй! Баба, живѣй, говорятъ тебѣ, отворяй! Казаку спать пора!»

«Куда ты, Каленикъ? Ты въ чужую хату попалъ!» закричали, смѣясь, позади его дѣвушки, ворочавшіяся съ веселыхъ пѣсней. «Показать тебѣ твою хату?»

«Покажите, любезныя молодушки!»

«Молодушки? слышите ли» подхватила одна: «какой учтивый Каленикъ! За это ему нужно показать хату... но нѣтъ, напередъ потанцуй!»

«Потанцовать?... эхъ, вы замысловатыя дѣвушки!» протяжно произнесъ Каленикъ, смѣясь и грозя пальцемъ и оступаясь, потому-что ноги его не могли держаться на одномъ мѣстѣ. «А дадите перецаловать себя? Всѣхъ перецалую, всѣхъ!...» и косвенными шагами пустился бѣжать за ними. Дѣвушки подняли крикъ, перемѣшались; но послѣ ободрившись, перебѣжали на другую сторону, увидя, что Каленикъ не слишкомъ былъ скоръ на ноги.

«Вонъ твоя хата!» закричали онѣ ему, уходя и показывая на избу, гораздо побольше прочихъ, принадлежавшую сельскому головѣ. Каленикъ

послушно побрелъ въ ту сторону, принимаясь снова бранить голову.

Но кто же этотъ голова, возбудившій такіе невыгодные о себѣ толки и рѣчи? О, этотъ голова важное лицо на селѣ. Покамѣстъ Каленикъ достигнетъ конца пути своего, мы, безъ-сомнѣнія, успѣемъ кое-что сказать о немъ. Все село, завидѣвши его, берется за шапки; а дѣвушки, самыя молоденькія, отдаютъ *добридень.* Кто бы изъ парубковъ не захотѣлъ быть головою? Головѣ открытъ свободный входъ во всѣ тавлинки, и дюжій мужикъ почтительно стоитъ, снявши шапку, во все продолженіе, когда голова запускаетъ свои толстые и грубые пальцы въ его лубочную табакерку. Въ мірской сходкѣ, или громадѣ, несмотря на то, что власть его ограничена нѣсколькими голосами, голова всегда беретъ верхъ и почти по своей волѣ высылаетъ, кого ему угодно, ровнять и гладить дорогу, или копать рвы. Голова угрюмъ, суровъ съ-виду и не любитъ много говорить. Давно еще, очень давно, когда блаженной памяти великая царица Екатерина ѣздила въ Крымъ, былъ выбранъ онъ въ провожатые; цѣлые два дня находился онъ въ этой должности и даже

удостоился сидѣть на кóзлахъ съ царицынымъ кучеромъ. И съ той самой поры еще голова выучился разумно и важно потуплять голову, гладить длинные, закрутившіеся внизъ усы и кидать соколиный взглядъ изъ-подлобья. И съ той поры голова, объ чемъ бы ни заговорили съ нимъ, всегда умѣетъ поворотить рѣчь на то, какъ онъ везъ царицу и сидѣлъ на кòзлахъ царской кареты. Голова любитъ иногда прикинуться глухимъ, особливо если услышитъ тò, чего не хотѣлось бы ему слышать. Голова терпѣть не можетъ щегольства: носитъ всегда свитку чернаго домашняго сукна, перепоясывается шерстянымъ цвѣтнымъ поясомъ, и никто никогда не видалъ его въ другомъ костюмѣ, выключая развѣ только времени проѣзда царицы въ Крымъ, когда на немъ былъ синій казацкій жупанъ. Но это время врядъ ли кто могъ запомнить изъ цѣлаго села; а жупанъ держитъ онъ въ сундукѣ подъ замкомъ. Голова вдовъ; но у него живетъ въ домѣ свояченица, которая варитъ обѣдать и ужинать, моетъ лавки, бѣлитъ хату, прядетъ ему на рубашки и завѣдываетъ всѣмъ домомъ. На селѣ поговариваютъ, будто она совсѣмъ ему не родственница; но мы уже видѣли, что у го-

ловы много недоброжелателей, которые рады распускать всякую клевету. Впрочемъ, можетъ быть, къ этому подало поводъ и то, что своячениц͡ѣ всегда не нравилось, если голова заходилъ въ поле, усѣянное жницами, или къ казаку, у котораго была молодая дочка. Голова кривъ; но за то одинокій глазъ его злодѣй и далеко можетъ увидѣть хорошенькую поселянку. Не прежде, однако жъ, онъ наведетъ его на смазливенькое личико, пока не осмотрится хорошенько, не глядитъ ли откуда своячениц͡а. Но мы почти все уже разсказали, что̀ нужно, о головѣ; а пьяный Каленикъ не добрался еще и до половины дороги и долго еще угощалъ голову всѣми отборными словами, какія могли только вспасть на лѣниво и несвязно поворачивавшійся языкъ его.

═

III.

НЕОЖИДАННЫЙ СОПЕРНИКЪ. ЗАГОВОРЪ.

«Нѣтъ, хлопцы, нѣтъ, не хочу! Что за разгулье такое! Какъ вамъ не надоѣстъ повѣсничать? И безъ того уже прослыли мы, Богъ знаетъ, какими буянами. Ложитесь лучше спать!» Такъ говорилъ Левко разгульнымъ товарищамъ своимъ, подговаривавшимъ его на новыя проказы. «Прощайте, братцы! покойная вамъ ночь!» и быстрыми шагами шелъ отъ нихъ поули-

цѣ. «Спитъ ли моя ясноокая Ганна?» думалъ онъ, подходя къ знакомой намъ хатѣ съ вишневыми деревьями. Среди тишины послышался тихій говоръ. Левко остановился. Между деревьями забѣлѣла рубашка... «Что это значитъ?» подумалъ онъ и, подкравшись поближе, спрятался за дерево. При свѣтѣ мѣсяца блистало лице стоявшей передъ нимъ дѣвушки... Это Ганна! Но кто же этотъ высокій человѣкъ, стоящій къ нему спиною? Напрасно всматривался онъ: тѣнь покрывала его съ ногъ до головы. Спереди только онъ былъ освѣщенъ немного; но малѣйшій шагъ Левка впередъ уже подвергалъ его непріятности — быть открытымъ. Тихо прислонившись къ дереву, рѣшился онъ остаться на мѣстѣ. Дѣвушка ясно выговорила его имя: «Левко? Левко еще молокососъ!» говорилъ хрипло и въ-полголоса высокій человѣкъ. «Если я встрѣчу его когда-нибудь у тебя, я его выдеру за чубъ...» — «Хотѣлось бы мнѣ знать, какая это шельма похваляется выдрать меня за чубъ!» тихо проговорилъ Левко и протянулъ шею, стараясь не проронить ни одного слова. Но незнакомецъ продолжалъ такъ тихо, что нельзя было ничего разслушать. «Какъ тебѣ не стыдно!»

сказала Ганна по окончаніи его рѣчи. «Ты лжешь; ты обманываешь меня; ты меня не любишь; я никогда не повѣрю, чтобы ты меня любилъ!» — «Знаю» продолжалъ высокій человѣкъ: «Левко много наговорилъ тебѣ пустяковъ и вскружилъ твою голову. (Тутъ показалось парубку, что голосъ незнакомца не совсѣмъ незнакомъ, и какъ-будто онъ когда-то его слышалъ.) Но я дамъ себя знать Левку!» продолжалъ все также незнакомецъ: «онъ думаетъ, что я не вижу всѣхъ его шашней. Попробуетъ онъ, собачій сынъ, каковы у меня кулаки». При этомъ словѣ Левко не могъ уже болѣе удержать своего гнѣва. Подошедши на три шага къ нему, замахнулся онъ изо всей силы, чтобы дать треуха, отъ котораго незнакомецъ, несмотря на свою видимую крѣпость, не устоялъ бы, можетъ-быть, на мѣстѣ; но въ это время свѣтъ палъ на лицо его, и Левко остолбенѣлъ, увидѣвши, что передъ нимъ стоялъ его отецъ. Невольное покачиваніе головою и легкій сквозь зубы свистъ одни только выразили его изумленіе. Въ сторонѣ послышался шорохъ; Ганна поспѣшно влетѣла въ хату, захлопнувъ за собою дверь.

«Прощай, Ганна!» закричалъ въ это время

одинъ изъ парубковъ, подкравшись и обнявши голову, и съ ужасомъ отскочилъ назадъ, встрѣтивши жесткіе усы. «Прощай, красавица!» вскричалъ другой; но на сей разъ полетѣлъ стремглавъ отъ тяжелаго толчка головы. «Прощай, прощай, Ганна!» закричало нѣсколько парубковъ, повиснувъ ему на шею. «Провалитесь, проклятые сорванцы!» кричалъ голова, отбиваясь и притопывая на нихъ ногами. «Что̀ я вамъ за Ганна! Убирайтесь вслѣдъ за отцами на висѣлицу, чортовы дѣти! Поприставали, какъ мухи къ меду! Дамъ я вамъ Ганны!...»

«Голова! голова! это голова!» закричали хлопцы и разбѣжались во всѣ стороны.

«Ай да батько!» говорилъ Левко, очнувшись отъ своего изумленія и глядя вслѣдъ уходившему съ ругательствами головѣ. «Вотъ какія за тобою водятся проказы! славно! А я дивлюсь, да передумываю, чтобъ это значило, что онъ все притворяется глухимъ, когда станешь говорить о дѣлѣ. Постой же, старый хрѣнъ, ты у меня будешь знать, какъ шататься подъ окнами молодыхъ дѣвушекъ, будешь знать, какъ отбивать чужихъ невѣстъ! Гей, хлопцы! сюда! сюда!» кричалъ онъ, махая рукою па-

рубкамъ, которые снова собирались въ кучу: «ступайте сюда! Я увѣщевалъ васъ итти спать; но теперь раздумалъ и готовъ, хоть цѣлую ночь, самъ гулять съ вами».

«Вотъ это дѣло!» сказалъ плечистый и дородный парубокъ, считавшійся первымъ гулякой и повѣсой на селѣ. «Мнѣ все кажется тошно, когда не удается погулять порядкомъ и настроить штукъ. Все какъ-будто недостаетъ чего-то. Какъ-будто потерялъ шапку или люльку; словомъ, не казакъ, да и только».

«Согласны ли вы побѣсить хорошенько сегодня голову?» . . . .

«Голову!»

«Да, голову. Что онъ въ-самомъ-дѣлѣ задумалъ! Онъ управляется у насъ какъ-будто гетманъ какой. Мало того, что помыкаетъ, какъ своими холопьями, еще и подъѣзжаетъ къ дѣвчатамъ нашимъ. Вѣдь, я думаю, на всемъ селѣ нѣтъ смазливой дѣвки, за которою бы не волочился голова».

«Это такъ, это такъ!» закричали въ одинъ голосъ всѣ хлопцы.

«Что жъ мы, ребята, за холопья? Развѣ мы не такого роду, какъ и онъ? Мы, слава

Богу, вольные казаки! Покажемъ ему, хлопцы, что мы вольные казаки!»

«Покажемъ!» закричали парубки. «Да если голову, то и писаря не минуть!»

«Не минемъ и писаря! А у меня, какъ нарочно, сложилась въ умѣ славная пѣсня про голову. Пойдемте, я васъ выучу» продолжалъ Левко, ударивъ рукою по струнамъ бандуры. «Да слушайте: попереодѣвайтесь, кто во что̀ ни попало!»

«Гуляй, казацкая голова!» говорилъ дюжій повѣса, ударивъ ногою въ ногу и хлопнувъ руками. «Что за роскошь! Что за воля! Какъ начнешь бѣситься — чудится, будто поминаешь давніе годы. Любо, вольно на сердцѣ; а душа какъ-будто въ раю. Гей, хлопцы! Гей! гуляй!...» И толпа шумно понеслась по улицамъ. И благочестивыя старушки, пробужденныя крикомъ, подымали окошки и крестились сонными руками, говоря: «ну, теперь гуляютъ парубки!»

═

IV.

ПАРУБКИ ГУЛЯЮТЪ.

Одна только хата свѣтилась еще въ концѣ улицы. Это жилище головы. Голова уже давно окончилъ свой ужинъ и, безъ-сомнѣнія, давно бы уже заснулъ; но у него былъ въ это время гость, винокуръ, присланный строить винокурню помѣщикомъ, имѣвшимъ небольшой участокъ земли между вольными казаками. Подъ самымъ покутомъ, на почетномъ мѣстѣ, сидѣлъ гость—

низенькій, толстенькій человѣчекъ, съ маленькими, вѣчно смѣющимися глазками, въ которыхъ, кажется, написано было то удовольствіе, съ какимъ курилъ онъ свою коротенькую люльку, поминутно сплевывая и придавливая пальцемъ вылѣзавшій изъ нея превращенный въ золу табакъ. Облака дыма быстро разростались надъ нимъ, одѣвая его въ сизый туманъ. Казалось, будто широкая труба съ какой-нибудь винокурни, наскуча сидѣть на своей крышѣ, задумала прогуляться и чинно усѣлась за столомъ въ хатѣ головы. Подъ носомъ торчали у него коротенькіе и густые усы; но они такъ неясно мелькали сквозь табачную атмосферу, что казались мышью, которую винокуръ поймалъ и держалъ во рту своемъ, подрывая монополію амбарнаго кота. Голова, какъ хозяинъ, сидѣлъ въ одной только рубашкѣ и полотняныхъ шараварахъ. Орлиный глазъ его, какъ вечерѣющее солнце, начиналъ мало-по-малу жмуриться и меркнуть. На концѣ стола курилъ люльку одинъ изъ сельскихъ десятскихъ, составлявшихъ команду головы, сидѣвшій, изъ почтенія къ хозяину, въ свиткѣ.

«Скоро же вы думаете» сказалъ голова, обо-

ротившись къ винокуру и кладя крестъ на зѣвнувшій ротъ свой «поставить вашу винокурню?»

«Когда Богъ поможетъ, то этою осенью, можетъ, и закуримъ. На покрову-то я готовъ поставить Богъ знаетъ что, если панъ голова не будетъ писать ногами нѣмецкіе кренделя по дорогѣ». По произнесеніи этихъ словъ, глазки винокура пропали; вмѣсто ихъ протянулись лучи до самыхъ ушей; все туловище стало колебаться отъ смѣха и веселыя губы оставили на мгновеніе дымившуюся люльку.

«Дай Богъ» сказалъ голова, выразивъ на лицѣ своемъ что-то подобное улыбкѣ. «Теперь еще, слава Богу, винницъ развелось немного. А вотъ, въ старое время, когда провожалъ я царицу по переяславской дорогѣ, еще покойный Безбородько...»

«Ну, сватъ, вспомнилъ время! Тогда отъ Кременчуга до самыхъ Роменъ не насчитывали и двухъ винницъ. А теперь... Слышалъ ли ты, что повыдумывали проклятые нѣмцы? Скоро, говорятъ, будутъ курить не дровами, какъ всѣ честные христіане, а какимъ-то чертовскимъ паромъ». Говоря эти слова, винокуръ, въ раз-

мышленіи глядѣлъ на столъ и на разставленныя на немъ руки свои: «Какъ это паромъ — ейбогу, не знаю!»

«Что за дурни, прости Господи, эти нѣмцы!» сказалъ голова. «Я бы батогомъ ихъ, собачьихъ дѣтей! Слыханое ли дѣло, чтобы паромъ можно было кипятить что́. По этому ложку борщу нельзя поднести ко рту, не изжаривши губъ, вмѣсто молодаго поросенка...»

«И ты, сватъ» отозвалась сидѣвшая на лежанкѣ, поджавши подъ себя ноги, свояченица: «будешь, все это время, жить у насъ безъ жены?»

«А для чего она мнѣ? Другое дѣло, если бы что́ доброе было».

«Будто не хороша?» спросилъ голова, устремивъ на него глазъ свой.

«Куды тебѣ хороша! *Стара, якъ бисъ.* Харя вся въ морщинахъ, будто выпорожненный кошелекъ». И низенькое строеніе винокура расшаталось снова отъ громкаго смѣха.

Въ это время что-то стало шарить за дверью; дверь растворилась — и мужикъ, не снимая шапки, ступилъ черезъ порогъ и сталъ, какъ-будто въ раздумьи, посреди хаты, разинувши ротъ и огля-

дывая потолокъ. Это былъ знакомецъ нашъ, Каленикъ. «Вотъ, я и домой пришелъ!» говорилъ онъ, садясь на лавку у дверей и не обращая никакого вниманія на присутствующихъ. «Вишь, какъ растянулъ вражій сынъ, сатана, дорогу! Идешь, идешь и конца нѣтъ! Ноги какъ-будто переломалъ кто-нибудь. Достань-ка тамъ, баба, тулупъ, подостлать мнѣ. На печь къ тебѣ не приду, ейбогу, не приду: ноги болятъ! Достань его, тамъ онъ лежитъ, близъ покута; гляди только, не опрокинь горшка съ тертымъ табакомъ. Или нѣтъ, не тронь, не тронь! Ты, можетъ-быть, пьяна сегодня... Пусть, уже я самъ достану». Каленикъ приподнялся немного, но неодолимая сила приковала его къ скамейкѣ.

«За это люблю» сказалъ голова: «пришелъ въ чужую хату и распоряжается, какъ дома! Выпроводить его по-добру-по-здорову!...»

«Оставь, сватъ, отдохнуть!» сказалъ винокуръ, удерживая его за руку. «Это полезный человѣкъ: побольше такого народу — и винница наша славно бы пошла...» Однакоже не добродушіе вынудило эти слова. Винокуръ вѣрилъ всѣмъ примѣтамъ, и тотчасъ прогнать человѣка,

уже сѣвшаго на лавку, значило у него накликать бѣду.

«Что-то, какъ старость придетъ!...» ворчалъ Каленикъ, ложась на лавку. «Добро бы, еще сказать, пьянъ, такъ нѣтъ же, не пьянъ. Ей-богу, не пьянъ! Что мнѣ лгать? Я готовъ объявить это хоть самому головѣ. Что мнѣ голова? Чтобъ онъ издохнулъ, собачій сынъ! Я плюю на него! Чтобъ его, одноглазаго чорта, возомъ переѣхало! Что онъ обливаетъ людей на морозѣ...»

«Эге! влѣзла свинья въ хату, да и лапы суетъ на столъ» сказалъ голова, гнѣвно подымаясь съ своего мѣста; но въ это время увѣсистый камень, разбивши окно въ дребезги, полетѣлъ ему подъ ноги. Голова остановился... «Если бы я зналъ» говорилъ онъ, подымая камень: «какой это висѣльникъ швырнулъ, я бы выучилъ его, какъ кидаться! Экія проказы!» продолжалъ онъ, разсматривая его на рукѣ пылающимъ взглядомъ. «Чтобы онъ подавился этимъ камнемъ...»

«Стой, стой! Боже тебя сохрани, сватъ!» подхватилъ, поблѣднѣвши, винокуръ. «Боже со-

храни тебя, и на томъ и на этомъ свѣтѣ, поблагословить кого-нибудь такою побранкою!»

«Вотъ нашелся заступникъ! Пусть онъ пропадетъ!...»

«И не думай, сватъ! Ты не знаешь, вѣрно, что̀ случилось съ покойною тещею моей?»

«Съ тещей?»

«Да, съ тещей. Вечеромъ, немного, можетъ, раньше теперешняго, усѣлись вечерять: покойная теща, покойный тесть, да наймышъ, да наймычка, да дѣтей штукъ съ пятеро. Теща отсыпала немного галушекъ изъ большаго казана въ миску, чтобы не такъ были горячи. Послѣ работъ всѣ проголодались и не хотѣли ждать, пока галушки простынутъ. Вздѣвши ихъ на длинныя деревянныя спички, начали ѣсть. Вдругъ, откуда ни возьмись человѣкъ, какого онъ роду, Богъ его знаетъ, проситъ и его допустить къ трапезѣ. Какъ не накормить голоднаго человѣка! Дали и ему спичку. Только гость упрятываетъ галушки, какъ корова сѣно. Покамѣстъ тѣ съѣли по одной и опустили спички за другими, дно было гладко, какъ панскій помостъ. Теща насыпала еще; думаетъ: гость наѣлся и будетъ убирать меньше. Ничего не бы-

вало: еще лучше сталъ оплетать! и другую выпорожнилъ! – А чтобъ ты подавился этими галушками!—подумала голодная теща; какъ вдругъ тотъ поперхнулся и упалъ. Кинулись къ нему— и духъ вонъ. Удавился».

«Тàкъ ему, обжорѣ проклятому, и нужно!» сказалъ голова.

«Тàкъ бы, да не тàкъ вышло: съ того времени покою не было тещѣ. Чуть только ночь, мертвецъ и тащится. Сядетъ верхомъ на трубу, проклятый, и галушку держитъ въ зубахъ. Днемъ все покойно, и слуху нѣтъ про него; а только станетъ примеркать, погляди на крышу, уже и осѣдлалъ собачій сынъ трубу...»

«И галушка въ зубахъ?»

«И галушка въ зубахъ».

«Чудно, сватъ! Я слыхалъ что-то похóжее еще за покойницу...» Тутъ голова остановился. Подъ окномъ послышался шумъ и топанье танцующихъ. Сперва тихо звукнули струны бандуры, къ нимъ присоединился голосъ. Струны загремѣли сильнѣе; нѣсколько голосовъ стали подтягивать—и пѣсня зашумѣла вихремъ:

Хлопцы, слышали ли вы?
Наши ль головы не крѣпки,
У криваго головы
Вдругъ разсыпалися клепки.
Набей, бондарь, голову
Ты стальными обручами!
Вспрысни, бондарь, голову
Батогами! батогами!
Голова нашъ сѣдъ и кривъ!
Старъ, какъ бѣсъ, а что за дурень!
Прихотливъ и похотливъ:
Жмется къ дѣвкамъ... Дурень, дурень!
И тебѣ лѣзть къ парубкамъ!
Тебя бъ нужно въ домовину,
По усамъ, да по шеямъ!
За чуприну! за чуприну!

«Славная пѣсня, сватъ!» сказалъ винокуръ, наклоня немного на бокъ голову и оборотившись къ головѣ, остолбенѣвшему отъ удивленія при видѣ такой дерзости. «Славная! скверно только, что голову поминаютъ несовсѣмъ благопристойными словами...» И онъ опять положилъ руки на столъ съ какимъ-то сладкимъ умиленіемъ въ глазахъ, приготовляясь слушать еще, потому-что подъ окномъ гремѣлъ хохотъ и крики: «снова! снова!» Однако жъ проницательный глазъ увидѣлъ бы тотчасъ, что не изумленіе удерживало долго голову на одномъ мѣстѣ: такъ только старый, опытный котъ допускаетъ иногда неопыт-

ной мыши бѣгать около своего хвоста; а между-тѣмъ быстро созидаетъ планъ, какъ перерѣзать ей путь въ нору. Еще одинокій глазъ головы былъ устремленъ на окно, а уже рука, давши знакъ десяцкому, держалась за деревянную ручку двери, и вдругъ на улицѣ поднялся крикъ... Винокуръ, къ числу многихъ достоинствъ своихъ присоединявшій и любопытство, быстро набивши табакомъ свою люльку, выбѣжалъ на улицу; но шалуны уже разбѣжались. «Нѣтъ, ты не ускользнешь отъ меня!» кричалъ голова, таща за руку человѣка въ вывороченномъ шерстью вверхъ овчинномъ чорномъ тулупѣ. Винокуръ, пользуясь временемъ, подбѣжалъ, чтобы посмотрѣть въ лицо этому нарушителю спокойствія; но съ робостію попятился назадъ, увидѣвши длинную бороду и страшно размалеванную рожу. «Нѣтъ, ты не ускользнешь отъ меня!» кричалъ голова, продолжая тащить прямо въ сѣни своего плѣнника, который, не оказывая никакого сопротивленія, спокойно слѣдовалъ за нимъ, какъ-будто въ свою хату. «Карпо, отворяй комору!» сказалъ голова десяцкому. «Мы его въ темную комору! А тамъ разбудимъ писаря, соберемъ десяцкихъ, перело-

вимъ всѣхъ этихъ буяновъ и сегодня же и резолюцію всѣмъ имъ учинимъ!» Десяцкій забренчалъ небольшимъ висячимъ замкомъ въ сѣняхъ и отворилъ комору. Въ это самое время плѣнникъ, пользуясь темнотою сѣней, вдругъ вырвался съ необыкновенною силою изъ рукъ его. «Куда?» закричалъ голова, ухвативъ его еще крѣпче за воротъ. «Пусти, это я!» слышался тоненькій голосъ. «Не поможетъ! не поможетъ, братъ! Визжи себѣ хоть чортомъ, не только бабою, меня не проведешь!» и толкнулъ его въ темную комору такъ, что бѣдный плѣнникъ застоналъ, упавши на полъ, а самъ, въ сопровожденіи десяцкаго, отправился въ хату писаря, и вслѣдъ за ними, какъ пароходъ, задымился винокуръ.

Въ размышленіи шли они всѣ трое, потупивъ головы, и вдругъ, на поворотѣ въ темный переулокъ, разомъ вскрикнули отъ сильнаго удара по лбамъ, и такой же крикъ отгрянулъ въ отвѣтъ имъ. Голова, прищуривши глазъ свой, съ изумленіемъ увидѣлъ писаря съ двумя десяцкими.

«А я къ тебѣ иду, панъ писарь».

«А я къ твоей милости, панъ голова».

«Чудеса завелися, панъ писарь».

«Чудныя дѣла, панъ голова».

«А что?»

«Хлопцы бѣсятся! безчинствуютъ цѣлыми кучами по улицамъ. Твою милость величаютъ такими словами... словомъ, сказать стыдно; пьяный москаль побоится выбросить ихъ нечестивымъ своимъ языкомъ». (Все это худощавый писарь, въ пестрядевыхъ шароварахъ и жилетѣ цвѣта винныхъ дрожжей, сопровождалъ протягиваніемъ шеи впередъ и приведеніемъ ее тотъ же часъ въ прежнее состояніе). «Вздремнулъ-было немного, подняли съ постели проклятые сорванцы своими срамными пѣснями и стукомъ! Хотѣлъ-было хорошенько приструнить ихъ, да покамѣстъ надѣлъ шаровары и жилетъ, всѣ разбѣжались, куда попало. Самый главный однако же не увернулся отъ насъ. Распѣваетъ онъ теперь въ той хатѣ, гдѣ держатъ колодниковъ. Душа горѣла у меня узнать эту птицу, да рожа замазана сажею, какъ у чорта, который куетъ гвозди для грѣшниковъ».

«А какъ онъ одѣтъ, панъ писарь?»

«Въ чорномъ вывороченномъ тулупѣ собачій сынъ, панъ голова».

«А не лжешь ли ты, панъ писарь? Что̀, если этотъ сорванецъ сидитъ теперь у меня въ коморѣ?»

«Нѣтъ, панъ голова. Ты самъ, не во гнѣвъ будь сказано, погрѣшилъ немного».

«Давайте огня! мы посмотримъ его!» Огонь принесли, дверь отперли—и голова ахнулъ отъ удивленія, увидѣвъ предъ собою свояченицу.

«Скажи пожалуйста» съ такими словами она приступила къ нему: «ты не свихнулся еще съ послѣдняго ума? Была ли въ одноглазой башкѣ твоей хоть капля мозгу, когда толкнулъ ты меня въ темную комору; счастье, что не ударилась головою объ желѣзный крюкъ. Развѣ я не кричала тебѣ, что это я? Схватилъ, проклятый медвѣдь, своими желѣзными лапами, да и толкаетъ! Чтобъ тебя на томъ свѣтѣ толкали черти!...» Послѣднія слова вынесла она за дверь на улицу, куда отправилась для какихъ-нибудь своихъ причинъ. . . . .

«Да, я вижу, что это ты!» сказалъ голова, очнувшись. «Что̀ скажешь, панъ писарь, не шельма этотъ проклятый сорви-голова?»

«Шельма, панъ голова».

«Не пора ли намъ всѣхъ этихъ повѣсъ прошколить хорошенько и заставить ихъ заниматься дѣломъ?»

«Давно пора, давно пора, панъ голова».

«Они дурни забрали себѣ... Кой чортъ? мнѣ почудился крикъ свояченицы на улицѣ; они, дурни, забрали себѣ въ голову, что я имъ ровенъ. Они думаютъ, что я какой-нибудь ихъ братъ, простой казакъ!» Небольшой, послѣдовавшій за симъ кашель и устремленіе глаза изъ-подлобья вокругъ давали догадываться, что голова готовился говорить о чемъ-то важномъ. «Въ тысячу... этихъ проклятыхъ названій годовъ, хоть убей, не выговорю; ну—году, комисару тогдашнему *Ледачему* данъ былъ приказъ, выбрать изъ казаковъ такого, который бы былъ посмышленѣе всѣхъ. О! (это «о!» голова произнесъ, поднявши палецъ вверхъ) посмышленѣе всѣхъ! въ проводники къ царицѣ. Я тогда...»

«Что и говорить! это всякій уже знаетъ, панъ голова. Всѣ знаютъ, какъ ты выслужилъ царскую ласку. Признайся теперь, моя правда вышла: хватилъ немного на душу грѣха, сказавши, что поймалъ этого сорванца въ вывороченномъ тулупѣ?»

«А что̀ до этого дьявола, въ вывороченномъ тулупѣ, то его, въ примѣръ другимъ, заковать въ кандалы и наказать примѣрно. Пусть знаютъ, что̀ значитъ власть! Отъ кого же и голова поставленъ, какъ не отъ царя? Потомъ доберемся и до другихъ хлопцевъ: я не забылъ, какъ проклятые сорванцы вогнали въ огородъ стадо свиней, переѣвшихъ мою капусту и огурцы; я не забылъ, какъ чортовы дѣти отказались вымолотить мое жито; я не забылъ... Но провались они, мнѣ нужно непремѣнно узнать, какая это шельма въ вывороченномъ тулупѣ».

«Это проворная, видно, птица!» сказалъ винокуръ, котораго щеки въ продолженіе всего этого разговора безпрерывно заряжались дымомъ, какъ осадная пушка, и губы, оставивъ коротенькую люльку, выбросили цѣлый огненный фонтанъ. «Этакого человѣка не худо, на всякій случай, и при винницѣ держать; а еще лучше повѣсить на верхушку дуба, вмѣсто паникадила». Такая острота показалась несовсѣмъ глупою винокуру, и онъ тотъ же часъ рѣшился, не дожидаясь одобренія другихъ, наградить себя хриплымъ смѣхомъ.

Въ это время стали приближаться они къ небольшой, почти повалившейся на землю хатѣ;

любопытство нашихъ путниковъ увеличилось. Всѣ столпились у дверей. Писарь вынулъ ключъ, загремѣлъ имъ около замка: но этотъ ключъ былъ отъ сундука его. Нетерпѣніе увеличилось. Засунувъ руку, началъ онъ шарить и сыпать побранки, не отыскивая его. «Есть!» сказалъ онъ наконецъ, нагнувшись и вынимая изъ глубины обширнаго кармана, которымъ снабжены были его пестрядевые шаровары. При этомъ словѣ сердца нашихъ героевъ, казалось, слились въ одно, и это огромное сердце забилось такъ сильно, что неровный стукъ его не былъ заглушенъ даже брякнувшимъ замкомъ. Двери отворились и... голова сталъ блѣденъ, какъ полотно; винокуръ почувствовалъ холодъ, и волосы его, казалось, хотѣли улетѣть на небо; ужасъ изобразился въ лицѣ писаря; десяцкіе приросли къ землѣ и не въ состояніи были сомкнуть дружно разинувшихся ртовъ своихъ: передъ ними стояла свояченица.

Изумленная не менѣе ихъ, она однако жъ немного очнулась и сдѣлала движеніе подойти къ нимъ. «Стой!» закричалъ дикимъ голосомъ голова и захлопнулъ за нею дверь. «Господа! это сатана!» продолжалъ онъ. «Огня! живѣе огня!

Не пожалѣю казенной хаты! Зажигай ее, зажигай, чтобы и костей чортовыхъ не осталось на землѣ!» Свояченица въ ужасѣ кричала, слыша за дверью грозное опредѣленіе. «Что вы, братцы!» говорилъ винокуръ: «слава Богу, волосы у васъ чуть не въ снѣгу, а до-сихъ-поръ ума не нажили: отъ простаго огня вѣдьма не загорится! Только огонь изъ люльки можетъ зажечь оборотня. Постойте, я сейчасъ все улажу!» Сказавши это, высыпалъ онъ горячую золу изъ трубки въ пукъ соломы и началъ раздувать ее. Отчаяніе придало въ это время духу бѣдной свояченицѣ: громко стала она умолять и разувѣрять ихъ.

«Постойте, братцы! Зачѣмъ напрасно грѣха набираться; можетъ-быть, это и не сатана» сказалъ писарь. «Если оно, то есть, то самое, которое сидитъ тамъ, согласится положить на себя крестное знаменіе, то это вѣрный знакъ, что не чортъ». Предложеніе одобрено. «Чуръ меня, сатана!» продолжалъ писарь, приложась губами къ скважинѣ въ дверяхъ: «если не пошевелишься съ мѣста, мы отворимъ дверь».

Дверь отворилась.

«Перекрестись!» сказалъ голова, оглядываясь

и какъ-будто выбирая безопасное мѣсто, въ случаѣ ретирады.

Свояченица перекрестилась.

«Кой чортъ! Точно, это свояченица!»

«Какая нечистая сила затащила тебя, кума, въ эту кануру?» И свояченица, всхлипывая, разсказала, какъ схватили ее хлопцы въ охапку на улицѣ и, несмотря на сопротивленіе, опустили въ широкое окно хаты и заколотили ставнемъ. Писарь взглянулъ: петли у широкаго ставня оторваны, и онъ приколоченъ только сверху деревяннымъ брусомъ.

«Добро ты, одноглазый сатана!» вскричала она, приступивъ къ головѣ, который попятился немного и все еще продолжалъ ее мѣрять своимъ глазомъ. «Я знаю твой умыселъ: ты хотѣлъ, ты радъ былъ случаю съѣсть меня, чтобы свободнѣе было тебѣ волочиться за дѣвчатами, чтобы некому было видѣть, какъ дурачится сѣдой дѣдъ. Ты думаешь, я не знаю, о чемъ говорилъ ты сего вечера съ Ганною? О! я знаю все. Меня трудно провесть и не твоей безтолковой башкѣ. Я долго терплю, но послѣ не погнѣвайся...» Сказавши это, она показала кулакъ и быстро ушла, оставивъ въ остолбенѣніи го-

лову. «Нѣтъ, тутъ не-на-шутку сатана вмѣшался» думалъ онъ, сильно почесывая свою макушку.

«Поймали!» вскрикнули вошедшіе въ это время десяцкіе.

«Кого поймали?» спросилъ голова.

«Дьявола въ вывороченномъ тулупѣ».

«Подавайте его!» закричалъ голова, схвативъ за руки приведеннаго плѣнника. «Вы съ ума сошли: это пьяный Каленикъ».

«Что за пропасть! въ рукахъ нашихъ былъ, панъ голова. Въ переулкѣ окружили проклятые хлопцы, стали танцовать, дергать, высовывать языки, вырывать изъ рукъ... чортъ съ вами!... И какъ мы попали на эту ворону, вмѣсто его, Богъ знаетъ!»

«Властью моею и всѣхъ міряпъ, дается повелѣніе — изловить сей же мигъ сего разбойника; а онымъ образомъ и всѣхъ, кого найдете на улицѣ, и привесть на расправу ко мнѣ!...»

«Помилуй, панъ голова!» закричали нѣкоторые, кланяясь въ-ноги. «Увидѣлъ бы ты, какія хари: убей Богъ насъ, и родились и крестились—не видали такихъ мерзкихъ рожъ. Дол-

го ли до грѣха, панъ голова, перепугаютъ добраго человѣка такъ, что послѣ ни одна баба не возьмется вылечить».

«Дамъ я вамъ переполоху! Что вы? не хотите слушаться? Вы, вѣрно, держите ихъ руку? Вы бунтовщики? Что это?... Что это?... Вы заводите разбои!... Вы... Я донесу коммисару! Сей же часъ! слышите, сейчасъ. Бѣгите, летите птицею! Чтобъ я васъ... Чтобъ вы мнѣ...» Всѣ разбѣжались.

═

V.

УТОПЛЕННИЦА.

Не безпокоясь ни о чемъ, не заботясь о разосланныхъ погоняхъ, виновникъ всей этой кутерьмы медленно подходилъ къ старому дому и пруду. Не нужно, думаю, сказывать, что это былъ Левко. Чорный тулупъ его былъ разстегнутъ; шапку держалъ онъ въ рукѣ; потъ валился съ него градомъ. Величественно и мрачно чернѣлъ кленовый лѣсъ, осыпаясь только на

оконечности, стоявшей лицемъ къ мѣсяцу, тонкою серебряною пылью. Неподвижный прудъ подулъ свѣжестью на усталаго пѣшехода, и заставилъ его отдохнуть на берегу. Все тихо; въ глубокой чащѣ лѣса слышались только раскаты соловья. Непреодолимый сонъ быстро сталъ смыкать ему зѣницы; усталые члены готовы были забыться и онѣмѣть; голова клонилась.... «Нѣтъ, этакъ я засну еще здѣсь!» говорилъ онъ, подымаясь на ноги и протирая глаза. Оглянулся: ночь казалась передъ нимъ еще блистательнѣе. Какое-то странное упоительное сіяніе примѣшалось къ блеску мѣсяца. Никогда еще не случалось ему видѣть подобнаго. Серебряный туманъ палъ на окрестность. Запахъ отъ цвѣтущихъ яблонь и ночныхъ цвѣтовъ лился по всей землѣ. Съ изумленіемъ глядѣлъ онъ въ неподвижныя воды пруда: старинный господскій домъ, опрокинувшись внизъ, виденъ былъ въ немъ чистъ, и въ какомъ-то ясномъ величіи. Вмѣсто мрачныхъ ставней, глядѣли веселыя стеклянныя окна и двери. Сквозь чистыя стекла мелькала позолота. И вотъ почудилось, будто окно отворилось. Притаивши духъ, не дрогнувъ и не спуская глазъ съ пруда, онъ, казалось,

переселился въ глубину его, и видитъ: прежде выставился въ окно бѣлый локоть, потомъ выглянула привѣтливая головка, съ блестящими очами, тихо свѣтлевшими сквозь темнорусыя волны волосъ, и оперлась на локоть. И видитъ: она качаетъ слегка головою, она машетъ, она усмѣхается... Сердце его вдругъ забилось... Вода задрожала, и окно закрылось снова. Тихо отошелъ онъ отъ пруда и взглянулъ на домъ: мрачныя ставни были открыты; стекла сіяли при мѣсяцѣ.—Вотъ какъ мало нужно полагаться на людскіе толки, подумалъ про-себя герой нашъ. Домъ новехонькій; краски живы, какъ-будто сегодня онъ выкрашенъ. Тутъ живетъ кто-нибудь. —И молча подошелъ онъ ближе, но въ домѣ все было тихо. Сильно и звучно перекликались блистательныя пѣсни соловьевъ, и когда онѣ, казалось, умирали въ томленіи и нѣгѣ, слышался шелестъ и трещаніе кузнечиковъ или гудѣніе болотной птицы, ударявшей скользкимъ носомъ своимъ въ широкое водное зеркало; какую-то сладкую тишину и тихое раздолье ощутилъ Левко въ своемъ сердцѣ. Настроивъ бандуру, заигралъ онъ и запѣлъ:

Ой, ты мисяцы, мій мисяченьку!
И ты, зоре ясна!
Ой, свитышь тамъ по подворью,
Де дивчина красна.

Окно тихо отворилось, и та же самая головка, которой отраженіе видѣлъ онъ въ прудѣ, выглянула, внимательно прислушиваясь къ пѣснѣ. Длинныя рѣсницы ея были полуопущены на глаза. Вся она была блѣдна, какъ полотно, какъ блескъ мѣсяца; но какъ чудна, какъ прекрасна! Она засмѣялась!... Левко вздрогнулъ. «Спой мнѣ, молодой казакъ, какую-нибудь пѣсню!» тихо молвила она, наклонивъ свою голову на бокъ, и опустивъ совсѣмъ густыя рѣсницы.

«Какую же тебѣ пѣсню спѣть, моя ясная панночка?»

Слезы тихо покатились по блѣдному лицу ея. «Парубокъ» говорила она, и что-то неизъяснимо-трогательное слышалось въ ея рѣчи: «парубокъ, найди мнѣ мою мачиху! Я ничего не пожалѣю для тебя. Я награжу тебя. Я тебя богато и роскошно награжу! У меня есть зарукавья, шитыя шолкомъ, кораллы, ожерелья. Я подарю тебѣ поясъ, унизанный жемчугомъ. У меня золото есть... Парубокъ, найди мнѣ мою мачиху! Она

страшная вѣдьма: мнѣ не было отъ нея покою на бѣломъ свѣтѣ. Она мучила меня; заставляла работать, какъ простую мужичку. Посмотри на лицо: она вывела румянецъ своими нечистыми чарами со щекъ моихъ. Погляди на бѣлую шею мою: онѣ не смываются! онѣ не смываются! онѣ ни за что не смоются, эти синія пятна отъ желѣзныхъ когтей ея. Погляди на бѣлыя ноги мои: онѣ много ходили; не по коврамъ только— по песку горячему, по землѣ сырой, по колючему терновнику онѣ ходили; а на очи мои, посмотри на очи: онѣ не глядятъ отъ слезъ... Найди ее, парубокъ, найди мнѣ мою мачиху!...»

Голосъ ея, который вдругъ было-возвысился, остановился. Ручьи слезъ покатились по блѣдному лицу. Какое-то тяжелое чувство, полное жалости и грусти, сперлось въ груди парубка.

«Я готовъ на все для тебя, моя панночка!» сказалъ онъ въ сердечномъ волненіи: «но какъ мнѣ, гдѣ ее найти?»

«Посмотри, посмотри!» быстро говорила она: «она здѣсь! она на берегу играетъ въ хороводѣ между моими дѣвушками, и грѣется на мѣсяцѣ. Но она лукава и хитра. Она приняла на себя

видъ утопленницы; но я знаю, но я слышу, что она здѣсь. Мнѣ тяжело, мнѣ душно отъ нея. Я не могу чрезъ нее плавать легко и вольно, какъ рыба. Я тону и падаю на дно, какъ ключъ. Отыщи ее, парубокъ!»

Левко посмотрѣлъ на берегъ: въ тонкомъ серебряномъ туманѣ мелькали дѣвушки, легкія, какъ-будто тѣни, въ бѣлыхъ, какъ убранный ландышами лугъ, рубашкахъ; золотыя ожерелья, монисты, дукаты блистали на ихъ шеяхъ; но онѣ были блѣдны; тѣло ихъ было какъ-будто сваяно изъ прозрачныхъ облаковъ и будто свѣтилось насквозь при серебряномъ мѣсяцѣ. Хороводъ, играя, придвинулся къ нему ближе. Послышались голоса: «Давайте въ вòрона, давайте играть въ вòрона!» зашумѣли всѣ, будто приречный тростникъ, тронутый въ тихій часъ сумерекъ воздушными устами вѣтра. «Кому же быть вòрономъ?» Кинули жребій — и одна дѣвушка вышла изъ толпы. Левко принялся разглядывать ее. Лице, платье, все на ней такое же, какъ и на другихъ. Замѣтно только было, что она не охотно играла эту роль. Толпа вытянулась вереницею и быстро перебѣгала отъ нападеній хищнаго врага. «Нѣтъ, я не хочу быть

во́рономъ!» сказала дѣвушка, изнемогая отъ усталости: «мнѣ жалко отнимать цыпленковъ у бѣдной матери!» — «Ты не вѣдьма!» подумалъ Левко. «Кто же будетъ во́рономъ?» Дѣвушки снова собирались кинуть жребій. «Я буду во́рономъ!» вызвалась одна изъ средины. Левко сталъ пристально вглядываться въ лицо ей. Скоро и смѣло гналась она за вереницею и кидалась во всѣ стороны, чтобы изловить свою жертву. Тутъ Левко сталъ замѣчать, что тѣло ея не такъ свѣтилось, какъ у прочихъ: внутри его видѣлось что-то чорное. Вдругъ раздался крикъ: во́ронъ бросился на одну изъ вереницы и схватилъ ее; и Левку почудилось, будто у ней выпустились когти и на лицѣ сверкнула злобная радость. «Вѣдьма!» сказалъ онъ, вдругъ указавъ на нее пальцемъ и оборотившись къ дому. Панночка засмѣялась, и дѣвушки съ крикомъ увели за собою представлявшую во́рона. «Чѣмъ наградить тебя, парубокъ? Я знаю, тебѣ не золото нужно: ты любишь Ганну: но суровый отецъ мѣшаетъ тебѣ жениться на ней. Онъ теперь не помѣшаетъ; возьми, отдай ему эту записку...» Бѣлая ручка протянулась, лицо ея какъ-то чудно засвѣтилось

и засіяло... Съ непостижимымъ трепетомъ и томительнымъ біеніемъ сердца схватилъ онъ записку и.... проснулся.

═

VI.

ПРОБУЖДЕНІЕ.

«Не уже ли это я спалъ?» сказалъ про-себя Левко, вставая съ небольшаго пригорка. «Такъ живо, какъ-будто наяву!... Чудно, чудно!» повторилъ онъ, оглядываясь. Мѣсяцъ, остановившійся надъ его головою, показывалъ полночь; вездѣ тишина; отъ пруда вѣялъ холодъ; надъ нимъ печально стоялъ ветхій домъ съ закрытыми ставнями; мохъ и дикій бурьянъ показывали, что

давно изъ него удалились люди. Тутъ онъ разогнулъ свою руку, которая судорожно была сжата во все время сна, и вскрикнулъ отъ изумленія, почувствовавши въ ней записку. «Эхъ если бы я зналъ грамотѣ!» подумалъ онъ, оборачивая ее передъ собою на всѣ стороны. Въ это мгновеніе послышался позади его шумъ.

«Не бойтесь, прямо хватайте его! Чего струсили? насъ десятокъ. Я держу закладъ, что это человѣкъ, а не чортъ!» такъ кричалъ голова своимъ сопутникамъ, и Левко увидѣлъ себя схваченнымъ нѣсколькими руками, изъ которыхъ иныя дрожали отъ страха. «Скидавай-ка, пріятель, свою страшную личину! Полно тебѣ дурачить людей!» проговорилъ голова, ухвативъ его за воротъ, и оторопѣлъ, выпучивъ на него глаза свои: «Левко! сынъ!» вскричалъ онъ, отступая отъ удивленія и опуская руки. «Это ты, собачій сынъ! вишь, бѣсовское рожденіе! Я думаю, какая это шельма, какой это вывороченный дьяволъ строитъ штуки! А это, выходитъ, все ты, неваренный кисель твоему батькѣ въ горло, изволишь заводить по улицѣ разбои, сочиняешь пѣсни!... Эге, ге, ге, Левко! А что это? Видно чешется у тебя спина! Вязать его!»

«Постой, батько! велѣно тебѣ отдать эту записочку» проговорилъ Левко.

«Не до записокъ теперь, голубчикъ! Вязать его!»

«Постой, панъ голова!» сказалъ писарь, развернувъ записку: «коммисарова рука!»

«Коммисара?»

«Коммисара?» повторили машинально десяцкіе.

«Коммисара? чудно! еще непонятнѣе!» подумалъ про-себя Левко.

«Читай, читай!» сказалъ голова: «что̀ тамъ пишетъ коммисаръ?»

«Послушаемъ, что̀ пишетъ коммисаръ!» произнесъ винокуръ, держа въ зубахъ люльку и вырубливая огонь.

Писарь откашлялся и началъ читать:

«Приказъ головѣ, Евтуху Макогоненку. Дошло до насъ, что ты, старый дуракъ, вмѣсто того, чтобы собрать прежнія недоимки и вести на селѣ порядокъ, одурѣлъ и строишь пакости...

«Вотъ, ейбогу!» прервалъ голова: «ничего не слышу!»

Писарь началъ снова:

«Приказъ головѣ, Евтуху Макогоненку. Дошло до насъ, что ты, старый ду.....

«Стой, стой! не нужно!» закричалъ голова: «я хоть и не слышалъ, однако жъ знаю, что главнаго тутъ дѣла еще нѣтъ. Читай далѣе!»

«А въ слѣдствіе того, приказываю тебѣ сей же часъ женить твоего сына, Левка Макогоненка, на казачкѣ изъ вашего же села, Ганнѣ Петрыченковой, а также починить мосты на столбовой дорогѣ и не давать обывательскихъ лошадей безъ моего вѣдома судовымъ паничамъ, хотя бы они ѣхали прямо изъ казенной палаты. Если же, по пріѣздѣ моемъ, найду оное приказаніе мое не приведеннымъ въ исполненіе, то тебя одного потребую къ отвѣту. Коммисаръ, отставной поручикъ Козьма Деркачь-Дришпановскій».

«Вотъ что!» сказалъ голова, разинувши ротъ. «Слышите ли вы, слышите ли: за все съ головы спросятъ, и потому слушаться! безпрекословно слушаться! не то, прошу извинить... А тебя» продолжалъ онъ, оборотясь къ Левку: «въ слѣдствіе приказанія коммисара, хотя чудно мнѣ, какъ это дошло до него, я женю; только напередъ попробуешь ты нагайки! Знаешь ту,

что виситъ у меня на стѣнѣ возлѣ покута? Я поновлю ее завтра... Гдѣ ты взялъ эту записку?»

Левко, несмотря на изумленіе, происшедшее отъ такого неожиданнаго оборота его дѣла, имѣлъ благоразуміе приготовить въ умѣ своемъ другой отвѣтъ и утаить настоящую истину, какимъ образомъ досталась записка. «Я отлучался» сказалъ онъ: «вчера ввечеру еще въ городъ и встрѣтилъ коммисара, вылѣзавшаго изъ брычки. Узнавши, что я изъ нашего села, далъ онъ мнѣ эту записку, и велѣлъ на словахъ тебѣ сказать, батько, что заѣдетъ на возвратномъ пути къ намъ пообѣдать».

«Онъ это говорилъ?»

«Говорилъ».

«Слышите ли?» сказалъ голова съ важною осанкою, оборотившись къ своимъ спутникамъ: «коммисаръ самъ своею особою пріѣдетъ къ нашему брату, т. е. ко мнѣ, на обѣдъ. О!»—Тутъ голова поднялъ палецъ вверхъ и голову привелъ въ такое положеніе, какъ будто-бы она прислушивалась къ чему-нибудь. «Коммисаръ, слышите ли, коммисаръ пріѣдетъ ко мнѣ обѣ-

дать! Какъ думаешь, панъ писарь, и ты, сватъ, это несовсѣмъ пустая честь! Не правда ли?»

«Еще, сколько могу припомнить» подхватилъ писарь: «ни одинъ голова не угощалъ коммисара обѣдомъ».

«Не всякій голова головѣ чета!» произнесъ съ самодовольнымъ видомъ голова. Ротъ его покривился, и что-то въ родѣ тяжелаго, хриплаго смѣха, похожаго болѣе на гуденіе отдаленнаго грома, зазвучало въ устахъ. «Какъ думаешь, панъ писарь, нужно бы для именитаго гостя дать приказъ, чтобы съ каждой хаты принесли хоть по цыпленку, ну, полотна, еще коечего... А?...»

«Нужно бы, нужно, панъ голова!»

«А когда же свадьбу, батько?» спросилъ Левко.

«Свадьбу? Далъ бы я тебѣ свадьбу!... Ну, да для именитаго гостя... завтра васъ попъ и обвѣнчаетъ. Чортъ съ вами! Пусть коммисаръ увидитъ, что̀ значитъ исправность! Ну, ребята, теперь спать! Ступайте по домамъ!... Сегоднешній случай припомнилъ мнѣ то время, когда я...» При этихъ словахъ, голова пустилъ обыкновенный свой важный и значительный взглядъ изъ-подлобья.

«Ну, теперь пойдетъ голова разсказывать, какъ везъ царицу!» сказалъ Левко и быстрыми шагами и радостно спѣшилъ къ знакомой хатѣ, окруженной низенькими вишнями. «Дай тебѣ Богъ небесное царство, добрая и прекрасная панночка!» думалъ онъ про-себя. «Пусть тебѣ на томъ свѣтѣ вѣчно усмѣхается между ангелами святыми! Никому не разскажу про диво, случившееся въ эту ночь; тебѣ одной только, Галю, передамъ его: ты одна только повѣришь мнѣ и вмѣстѣ со мною помолишься за упокой души несчастной утопленницы!» Тутъ онъ приблизился къ хатѣ: окно было отперто; лучи мѣсяца проходили чрезъ него и падали на спящую передъ нимъ Ганну; голова ея оперлась на руку; щеки тихо горѣли; губы шевелились, неясно произнося его имя. «Спи, моя красавица! Приснись тебѣ все, что̀ есть лучшаго на свѣтѣ; но и то̀ не будетъ лучше нашего пробужденія!» Перекрестивъ ее, закрылъ онъ окошко и тихонько удалился. И чрезъ нѣсколько минутъ, все уже уснуло на селѣ; одинъ только мѣсяцъ такъ же блистательно и чудно плылъ въ необъятныхъ пустыняхъ роскошнаго украинскаго неба. Такъ же торжественно дышало въ вышинѣ, и ночь,

божественная ночь, величественно догорала. Такъ же прекрасна была земля, въ дивномъ серебряномъ блескѣ; но уже никто не упивался ими: все погрузилось въ сонъ. Изрѣдка только перерывалось молчаніе лаемъ собакъ, и долго еще пьяный Каленикъ шатался по уснувшимъ улицамъ, отыскивая свою хату.

ПРОПАВШАЯ ГРАМАТА.

ПРОПАВШАЯ ГРАМАТА.

БЫЛЬ,

РАЗСКАЗАННАЯ ДЬЯЧКОМЪ ***СКОЙ ЦЕРКВИ.

—

Такъ вы хотите, чтобы я вамъ еще разсказалъ про дѣда? — Пожалуй, почему же не потѣшить прибауткой. Эхъ старина, старина! Что за радость, что за разгулье падетъ на сердце, когда услышишь про тò, чтò давно-давно, и года ему и мѣсяца нѣтъ, дѣялось на свѣтѣ! А какъ еще впутается какой-нибудь родичъ, дѣдъ или прадѣдъ — ну, тогда и рукой махни: чтобъ мнѣ

поперхнулось за акаѳистомъ великомученицѣ Варварѣ, если не чудится, что вотъ-вотъ самъ все это дѣлаешь, какъ-будто залѣзъ въ прадѣдовскую душу, или прадѣдовская душа шалитъ въ тебѣ... Нѣтъ, мнѣ пуще всего наши дѣвчата и молодицы; покажись только на глаза имъ: «Ѳома Григорьевичъ! Ѳома Григорьевичъ! *а нуте, яку нибудь страховинну казочку! а нуте, нуте!...»* тара та та, та та та, и пойдутъ и пойдутъ... Разсказать-то конечно не жаль, да загляните-ка, что̀ дѣлается съ ними въ постели. Вѣдь я знаю, что каждая дрожитъ подъ одѣяломъ, какъ-будто бьетъ ее лихорадка, и рада бы съ головою влѣзть въ тулупъ свой. Царапни горшкомъ крыса, сама какъ-нибудь задѣнь ногою кочергу, и Боже упаси! и душа въ пяткахъ. А на другой день ничего не бывало; навязывается сызнова: разскажи ей страшную сказку, да и только. Что̀ жъ бы такое разсказать вамъ? Вдругъ не взбредетъ на умъ... Да, разскажу я вамъ, какъ вѣдьмы играли съ покойнымъ дѣдомъ *въ дурни* *. Только заранѣ прошу васъ, господа, не сбивайте съ толку; а то такой кисель выйдетъ, что совѣстно будетъ и въ ротъ взять. По-

* Т. е. въ дурачки.

койный дѣдъ, надобно вамъ сказать, былъ не изъ простыхъ въ свое время казаковъ. Зналъ и твердо-онъ-то и словотитлу поставить. Въ праздникъ отхватаетъ апостола, бывало, такъ, что теперь и поповичъ иной спрячется. Ну, сами знаете, что въ тогдашнія времена, если собрать со всего Батурина грамотѣевъ, то нечего и шапки подставлять, въ одну горсть можно было всѣхъ уложить. Стало-быть и дивиться нечего, когда всякій встрѣчный кланялся дѣду мало не въ-поясъ.

Одинъ разъ, задумалось вельможному гетману послать за чѣмъ-то къ царицѣ грамату. Тогдашній полковой писарь, вотъ нелегкая его возьми, и прозвища не вспомню... Вискрякъ не Вискрякъ, Мотузочка не Мотузочка, Голопуцекъ не Голопуцекъ... знаю только, что какъ-то чудно начинается мудреное прозвище, — позвалъ къ себѣ дѣда и сказалъ ему, что, вотъ, наряжаетъ его самъ гетманъ гонцомъ съ граматою къ царицѣ. Дѣдъ не любилъ долго собираться: грамату зашилъ въ шапку; вывелъ коня; чмокнулъ жену и двухъ своихъ, какъ самъ онъ называлъ, поросенковъ, изъ которыхъ одинъ былъ родной отецъ хоть бы и нашего брата; и поднялъ та-

кую за собою пыль, какъ-будто бы пятнадцать хлопцевъ задумали посереди улицы играть въ кашу. На другой день, еще пѣтухъ не кричалъ въ четвертый разъ, дѣдъ уже былъ въ Конотопѣ. На ту пору была тамъ ярмарка: народу высыпало по улицамъ столько, что въ глазахъ рябѣло. Но такъ-какъ было рано, то все дремало, протянувшись на землѣ. Возлѣ коровы лежалъ гуляка-парубокъ съ покраснѣвшимъ, какъ снѣгирь, носомъ; подалѣ храпѣла, сидя, перекупка съ кремнями, синькою, дробью и бубликами; подъ телегою лежалъ цыганъ; на возу съ рыбой чумакъ; на самой дорогѣ раскинулъ ноги бородачъ-москаль съ поясами и рукавицами... ну, всякаго сброду, какъ водится по ярмаркамъ. Дѣдъ пріостановился, чтобы разглядѣть хорошенько. Между-тѣмъ въ яткахъ начало мало-по-малу шевелиться: жидовки стали побрякивать фляжками; дымъ повалилъ то тамъ, то сямъ кольцами, и запахъ горячихъ сластенъ понесся по всему табору. Дѣду вспало на умъ, что у него нѣтъ ни огнива, ни табаку наготовѣ: вотъ и пошелъ таскаться по ярмаркѣ. Не успѣлъ пройти двадцати шаговъ — навстрѣчу запорожецъ. Гуляка, и по лицу видно! Красныя, какъ

жаръ; шаровары, синій жупанъ, яркій цвѣтной поясъ, при боку сабля и люлька съ мѣдною цѣпочкою по самыя пяты — запорожецъ да и только! Эхъ народецъ! станетъ, вытянется, поведетъ рукою молодецкіе усы, брякнетъ подковами — и пустится! да вѣдь какъ пустится: ноги отплясываютъ словно веретено въ бабьихъ рукахъ; что вихорь, дернетъ рукою по всѣмъ струнамъ бандуры, и тутъ же, подпершися въ боки, несется въ присядку; зальется пѣсней — душа гуляетъ!.. Нѣтъ, прошло времечко: не увидать больше запорожцевъ! Да: такъ встрѣтились; слово-за-слово, долго ли до знакомства? Пошли калякать, калякать, такъ, что дѣдъ совсѣмъ уже было-позабылъ про путь свой. Попойка завелась, какъ на свадьбѣ передъ постомъ великимъ. Только, видно, наконецъ прискучило бить горшки и швырять въ народъ деньгами, да и ярмаркѣ не вѣкъ же стоять! Вотъ сговорились новые пріятели, чтобъ не разлучаться и путь держать вмѣстѣ. Было давно подъ-вечеръ, когда выѣхали они въ поле. Солнце убралось на отдыхъ; гдѣ-гдѣ горѣли вмѣсто его красноватыя полосы; по полю пестрѣли нивы, что праздничныя плахты чернобровыхъ мо-

лодицъ. Нашего запорожца раздобаръ взялъ страшный. Дѣдъ и еще другой, припледнійся къ нимъ гуляка, подумали уже, не бѣсъ ли засѣлъ въ него. Откуда что набиралось. Исторіи и присказки такія диковинныя, что дѣдъ нѣсколько разъ хватался за бока и чуть не надсадилъ своего живота со смѣху. Но въ полѣ становилось чѣмъ далѣе, тѣмъ сумрачнѣе; и вмѣстѣ съ тѣмъ становилась несвязнѣе и молодецкая молвь. Наконецъ разскащикъ нашъ притихъ совсѣмъ и вздрагивалъ при малѣйшемъ шорохѣ. «Ге, ге, землякъ! да ты не-на-шутку принялся считать совъ. Ужъ думаешь, какъ бы домой, да на печь!» «Передъ вами нечего таиться» сказалъ онъ, вдругъ оборотившись и неподвижно уставивъ на нихъ глаза свои. «Знаете ли, что душа моя давно продана нечистому».—«Экая невидальщина! Кто на вѣку своемъ не знался съ нечистыми? Тутъ-то и нужно гулять, какъ говорится, на прахъ». «Эхъ, хлопцы! гулялъ бы, да въ ночь эту срокъ молодцу! Эй, братцы!» сказалъ онъ, хлопнувъ по рукамъ ихъ: «эй, не выдайте! не поспите одной ночи! Вѣкъ не забуду вашей дружбы!» Почему жъ не пособить человѣку въ такомъ горѣ? Дѣдъ объявилъ напрямикъ, что скорѣе дастъ

онъ отрѣзать оселедецъ съ собственной головы, чѣмъ допустить чорта понюхать собачьей мордой своей христіанской души.

Казаки наши ѣхали бы, можетъ, и далѣе, если бы не обволокло всего неба ночью, словно чернымъ рядномъ, и въ полѣ не стало такъ же темно, какъ подъ овчиннымъ тулупомъ. Издали только мерещился огонекъ, и кони, чуя близкое стойло, торопились, насторожа уши и вковавши очи во мракъ. Огонекъ, казалось, несся на-встрѣчу, и передъ казаками показался шинокъ, повалившійся на одну сторону, словно баба на пути съ веселыхъ крестинъ. Въ тѣ поры шинки были не тò, что̀ теперь. Доброму человѣку не только развернуться, пріударить горлицы или гопака — прилечь даже негдѣ было, когда въ голову заберется хмѣль и ноги начнутъ писать покой-оно. Дворъ былъ уставленъ весь чумацкими возами; подъ повѣтками, въ ясляхъ, въ сѣняхъ, иной свернувшись, другой развернувшись, храпѣли, какъ коты. Шинкарь одинъ передъ каганцемъ нарѣзывалъ рубцами на палочкѣ, сколько квартъ и осьмухъ высушили чумацкія головы. Дѣдъ, спросивши треть ведра на троихъ, отправился въ сарай. Всѣ трое легли рядомъ. Только не ус-

пѣлъ онъ повернуться, какъ видитъ, что его земляки спятъ уже мертвецкимъ сномъ. Разбудивши приставшаго къ нимъ третьяго казака, дѣдъ напомнилъ ему про данное товарищу обѣщаніе. Тотъ привсталъ, протеръ глаза и снова уснулъ. Нечего дѣлать, пришлось одному караулить. Чтобы чѣмъ-нибудь разогнать сонъ, осмотрѣлъ онъ всѣ возы, провѣдалъ коней, закурилъ люльку, пришелъ назадъ и сѣлъ опять подлѣ своихъ. Все было тихо, такъ что, кажись, ни одна муха не пролетѣла. Вотъ и чудится ему, что изъ-за сосѣдняго воза что-то сѣрое выказываетъ роги. Тутъ глаза его начали смыкаться такъ, что принужденъ онъ былъ ежеминутно протирать ихъ кулакомъ и промывать оставшеюся водкой. Но какъ скоро немного прояснялись они, все пропадало. Наконецъ, мало погодя, опять показывается изъ-подъ воза чудовище... Дѣдъ вытаращилъ глаза, сколько могъ; но проклятая дремота все туманила передъ нимъ; руки его окостенѣли; голова скатилась и крѣпкій сонъ схватилъ его такъ, что онъ повалился, словно убитый. Долго спалъ дѣдъ, и какъ припекло порядочно уже солнце его выбритую макушку, тогда только схватился онъ на ноги. Потянувшись раза два и почесавъ спи-

ну, замѣтилъ онъ, что возовъ стояло уже не такъ много, какъ съ вечера. Чумаки, видно, потянулись еще до свѣта. Къ своимъ — казакъ спитъ, а запорожца нѣтъ. Выспрашивать — никто знать не знаетъ; одна только верхняя свитка лежала на томъ мѣстѣ. Страхъ и раздумье взяло дѣда. Пошелъ посмотрѣть коней — ни своего, ни запорожскаго! Что̀ бы это значило? Положимъ, запорожца взяла нечистая сила; кто же коней? Сообразя все, дѣдъ заключилъ, что, вѣрно, чортъ пришелъ пѣшкомъ, а какъ до пекла неблизко, то и стянулъ его коня. Больно ему было крѣпко, что не сдержалъ казацкаго слова.—Ну, думаетъ, нечего дѣлать, пойду пѣшкомъ: авось попадется на дорогѣ какой-нибудь барышникъ, ѣдущій съ ярмарки, какъ-нибудь уже куплю коня.—Только хватился за шапку — и шапки нѣтъ. Всплеснулъ руками покойный дѣдъ, какъ вспомнилъ, что вчера еще помѣнялись они на-время съ запорожцемъ. Кому больше утащить, какъ не нечистому! Вотъ тебѣ и гетманскій гостинецъ! Вотъ тебѣ и привезъ грамату къ царицѣ! Тутъ дѣдъ принялся угощать чорта такими прозвищами, что, думаю, ему не одинъ разъ чихалось тогда въ пеклѣ. Но бранью мало пособишь; а затыл-

ка сколько ни чесалъ дѣдъ, никакъ не могъ ничего придумать. Что̀ дѣлать? Кинулся достать чужаго ума: собралъ всѣхъ, бывшихъ тогда въ шинкѣ добрыхъ людей, чумаковъ и просто заѣзжихъ, и разсказалъ, что такъ и такъ, такое-то приключилось горе. Чумаки долго думали, подперши батогами подбородки свои; крутили головами и сказали, что не слышали такого дива на крещеномъ свѣтѣ, чтобы гетманскую грамату утащилъ чортъ. Другіе же прибавили, что когда чортъ, да москаль украдутъ что-нибудь— то поминай, какъ и звали. Одинъ только шинкарь сидѣлъ молча въ углу. Дѣдъ и подступилъ къ нему. Ужъ когда молчитъ человѣкъ, то вѣрно зашибъ много умомъ. Только шинкарь не такъ-то былъ щедръ на слова; и если бы дѣдъ не полѣзъ въ карманъ за пятью злотыми, то простоялъ бы передъ нимъ даромъ. «Я научу тебя, какъ найти грамату» сказалъ онъ, отводя его въ сторону. У дѣда и на сердцѣ отлегло. «Я вижу ужс по глазамъ, что ты казакъ — не баба. Смотри же! близко шинка будетъ поворотъ направо въ лѣсъ. Только станетъ въ полѣ примеркать, чтобы ты былъ уже наготовѣ. Въ лѣсу живутъ цыганы и выходятъ изъ норъ

своихъ ковать желѣзо, въ такую ночь, въ какую однѣ вѣдьмы ѣздятъ на своихъ кочергахъ. Чѣмъ они промышляютъ на-самомъ-дѣлѣ, знать тебѣ нечего. Много будетъ стуку по лѣсу, только ты не иди въ тѣ стороны, откуда заслышишь стукъ; а будетъ передъ тобой малая дорожка, мимо обожженнаго дерева: дорожкою этою иди, иди, иди... Станетъ тебя терновникъ царапать, густой орѣшникъ заслонять дорогу — ты все иди; и какъ придешь къ небольшой рѣчкѣ, тогда только можешь остановиться. Тамъ и увидишь кого нужно; да не позабудь набрать въ карманы того, для чего и карманы сдѣланы... Ты понимаешь, это добро и дьяволы, и люди любятъ». Сказавши это, шинкарь ушелъ въ свою каnуру и не хотѣлъ больше говорить ни слова.

Покойный дѣдъ былъ человѣкъ, не то чтобы изъ трусливаго десятка; бывало, встрѣтитъ волка, такъ и хватаетъ прямо за хвостъ; пройдетъ съ кулаками промежъ казаковъ — всѣ, какъ груши, повалятся на землю. Однако жъ, что-то подирало его по кожѣ, когда вступилъ онъ въ такую глухую ночь въ лѣсъ. Хоть бы звѣздочка на небѣ. Темно и глухо, какъ въ винномъ под-

валѣ; только слышно было, что далеко, далеко вверху, надъ головою, холодный вѣтеръ гулялъ по верхушкамъ деревъ, и деревья, что охмѣлѣвшія казацкія головы, разгульно покачивались, шопоча листьями пьяную молвь. Какъ вотъ завѣяло такимъ холодомъ, что дѣдъ вспомнилъ и про овчинный тулупъ свой, и вдругъ словно сто молотовъ застучало по лѣсу такимъ стукомъ, что у него зазвенѣло въ головѣ. И будто зарницею, освѣтило на минуту весь лѣсъ. Дѣдъ тотчасъ увидѣлъ дорожку, пробиравшуюся промежъ мелкимъ кустарникомъ. Вотъ и обожженное дерево и кусты терновника! Такъ, все такъ, какъ было ему говорено; нѣтъ, не обманулъ шинкарь. Однако жъ несовсѣмъ весело было продираться черезъ колючіе кусты; еще отъ-роду не видалъ онъ, чтобы проклятые шипы и сучья такъ больно царапались: почти на каждомъ шагу забирало его вскрикнуть. Мало-помалу, выбрался онъ на просторное мѣсто и сколько могъ замѣтить, деревья рѣдѣли и становились, чѣмъ далѣе, такія широкія, какихъ дѣдъ не видывалъ и по ту сторону Польши. Глядь, между деревьями мелькнула и рѣчка, чорная, словно вороненая сталь. Долго стоялъ дѣдъ у берега

посматривая на всѣ стороны. На другомъ берегу горитъ огонь, и, кажется, вотъ-вотъ готовится погаснуть и снова отсвѣчивается въ рѣкѣ, вздрагивавшей, какъ польскій шляхтичъ въ казачьихъ лапахъ. Вотъ и мостикъ! Ну, тутъ одна только чертовская таратайка развѣ проѣдетъ. Дѣдъ однако жъ ступилъ смѣло; и скорѣе, чѣмъ бы иной успѣлъ достать рожокъ, понюхать табаку, былъ уже на другомъ берегу. Теперь только разглядѣлъ онъ, что возлѣ огня сидѣли люди и такія смазливыя рожи, что въ другое время, Богъ знаетъ, чего бы не далъ, лишь бы ускользнуть отъ этого знакомства. Но теперь нечего дѣлать, нужно было завязаться. Вотъ дѣдъ и отвѣсилъ имъ поклонъ, мало не въ-поясъ: «Помогай Богъ вамъ, добрые люди!» Хоть бы одинъ кивнулъ головой; сидятъ, да молчатъ, да что-то сыплютъ въ огонь. Видя одно мѣсто незанятымъ, дѣдъ безъ всякихъ околичностей сѣлъ и самъ. Смазливыя рожи ничего; ничего и дѣдъ. Долго сидѣли молча. Дѣду уже и прискучило; давай шарить въ карманѣ: вынулъ люльку, посмотрѣлъ вокругъ — ни одинъ не глядитъ на него. «Уже, добродѣйство, будьте ласковы: какъ бы такъ, чтобы, примѣрно сказать, того...

(Дѣдъ живалъ въ свѣтѣ не мало, зналъ уже какъ подпускать турусы и при случаѣ, пожалуй, и предъ царемъ не ударилъ бы лицемъ въ грязь) чтобы, примѣрно сказать, и себя не забыть, да и васъ не обидѣть — люлька-то у меня есть, да того, чѣмъ бы зажечь ее, *чортъ-ма* (не имѣется)». И на эту рѣчь хоть бы слово; только одна рожа сунула горячую головню прямехонько дѣду въ лобъ, такъ, что если бы онъ немного не посторонился, то, статься можетъ, распрощался бы на-вѣки съ однимъ глазомъ. Видя наконецъ, что время даромъ проходитъ, рѣшился — будетъ ли слушать нечистое племя, или нѣтъ — разсказать дѣло. Рожи и уши наставили и лапы протянули. Дѣдъ догадался; забралъ въ горсть всѣ бывшія съ нимъ деньги, и кинулъ, словно собакамъ, имъ въ средину. Какъ только кинулъ онъ деньги, все передъ нимъ перемѣшалось, земля задрожала, и какъ уже, онъ и самъ разсказать не умѣлъ, попалъ чуть ли не въ самое пекло. Батюшки мои! ахнулъ дѣдъ, разглядѣвши хорошенько: что за чудища! рожи на рожѣ, какъ говорится, не видно. Вѣдьмъ такая гибель, какъ случается иногда на рождество выпадетъ снѣгу: разряжены, размазаны, словно

панночки на ярмаркѣ. И всѣ, сколько ни было ихъ тамъ, какъ хмѣльные, отплясывали какого-то чертовскаго тропака. Пыль подняли, Боже упаси, какую! Дрожь бы пропяла крещенаго человѣка при одномъ видѣ, какъ высоко скакало бѣсовское племя. На дѣда, несмотря на весь страхъ, смѣхъ напалъ, когда увидѣлъ, какъ черти съ собачьими мордами, на нѣмецкихъ ножкахъ, вертя хвостами, увивались около вѣдьмъ, будто парни около красныхъ дѣвушекъ; а музыканты тузили себя въ щеки кулаками, словно въ бубны, и свистали носами, какъ въ волторны. Только завидѣли дѣда — и турнули къ нему ордою. Свиныя, собачьи, козлиныя, дрофиныя, лошадиныя рыла, всѣ повытягивались, и вотъ, такъ и лѣзутъ цаловаться. Плюнулъ дѣдъ, такая мерзость напала! Наконецъ схватили его и посадили за столъ, длиною, можетъ, съ дорогу отъ Конотопа до Батурина. Ну, это еще несовсѣмъ худо, подумалъ дѣдъ, завидѣвши на столѣ свинину, колбасы, крошеный съ капустой лукъ и много всякихъ сластей; видно, дьявольская сволочь не держитъ постовъ. Дѣдъ, таки не мѣшаетъ вамъ знать, не упускалъ при случаѣ перехватить того-сего на зубы. Ѣдалъ,

покойникъ, аппетитно; и потому, не распускаясь на разсказы, придвинулъ къ себѣ миску съ нарѣзаннымъ саломъ и окорокъ ветчины; взялъ вилку, мало чѣмъ поменьше тѣхъ вилъ, которыми мужикъ беретъ сѣно, захватилъ ею самый увѣсистый кусокъ, подставилъ корку хлѣба и — глядь и отправилъ въ чужой ротъ. Вотъ-вотъ возлѣ самыхъ ушей, и слышно даже, какъ чья-то морда жуетъ и щелкаетъ зубами на весь столъ. Дѣдъ ничего; схватилъ другой кусокъ и вотъ, кажись, и по губамъ зацѣпилъ, только опять не въ свое горло. Въ третій разъ — снова мимо. Взбѣленился дѣдъ: позабылъ и страхъ, и въ чьихъ лапахъ находится онъ. Прискочилъ къ вѣдьмамъ: «что вы, иродово племя, задумали смѣяться, что ли, надо мною? Если не отдадите, сей же часъ, моей казацкой шапки, то будь я католикъ, когда не переворочу свиныхъ рылъ вашихъ на затылокъ!» Не успѣлъ онъ докончить послѣднихъ словъ, какъ всѣ чудовища выскалили зубы и подняли такой смѣхъ, что у дѣда на душѣ захолонуло. «Ладно!» провизжала одна изъ вѣдьмъ, которую дѣдъ почелъ за старшую надъ всѣми, потому-что личина у нея была чуть ли не красивѣе

всѣхъ: «шапку отдадимъ тебѣ, только не прежде, пока сыграешь съ нами три раза въ *дурня!*» Что прикажешь дѣлать? Казаку сѣсть съ бабами въ дурня! Дѣдъ отпираться, отпираться, наконецъ сѣлъ. Принесли карты, замасленныя, какими только у насъ поповны гадаютъ про жениховъ. «Слушай же!» залаяла вѣдьма въ другой разъ: «если хоть разъ выиграешь — твоя шапка; когда же всѣ три раза останешься дурнемъ, то не прогнѣвайся, не только шапки, можетъ, и свѣта болѣе не увидишь!» «Сдавай, сдавай, хрычовка! что̀ будетъ, то̀ будетъ». Вотъ и карты розданы. Взялъ дѣдъ свои въ руки — смотрѣть не хочется, такая дрянь: хоть бы на-смѣхъ одинъ козырь. Изъ масти десятка самая старшая, паръ даже нѣтъ; а вѣдьма все подваливаетъ пятериками. Пришлось остаться дурнемъ! Только-что дѣдъ успѣлъ остаться дурнемъ, какъ со всѣхъ сторонъ заржали, залаяли, захрюкали морды: «дурень, дурень! дурень!» — «Чтобъ вы перелопались, дьявольское племя!» закричалъ дѣдъ, затыкая пальцами себѣ уши. Ну, думаетъ, вѣдьма подтасовала; теперь я самъ буду сдавать. Сдалъ; засвѣтилъ козыря; поглядѣлъ на карты: масть хоть куда, козыри

есть. И сначала дѣло шло, какъ нельзя лучше; только вѣдьма пятерикъ съ королями! У дѣда на рукахъ одни козыри; не думая, не гадая долго, хвать королей всѣхъ по усамъ козырями. «Ге, ге! да это не по-казацки! А чѣмъ ты кроешь, землякъ?» — «Какъ чѣмъ? козырями!» — «Можетъ-быть, по-вашему это и козыри, только по нашему нѣтъ!» Глядь — въ-самомъ-дѣлѣ простая масть. Что за дьявольщина! Пришлось въ другой разъ быть дурнемъ, и чертанье пошло снова драть горло: «дурень! дурень!» такъ, что столъ дрожалъ и карты прыгали по столу. Дѣдъ разгорячился; сдалъ въ послѣдній. Опять идетъ ладно. Вѣдьма опять пятерикъ; дѣдъ покрылъ и набралъ изъ колоды полную руку козырей. «Козырь!» вскричалъ онъ, ударивъ по столу картою такъ, что ее свернуло коробомъ; та, не говоря ни слова, покрыла осьмеркою масти. «А чѣмъ ты, старой дьяволъ, бьешь!» Вѣдьма подняла карту: подъ нею была простая шестерка. «Вишь, бѣсовское обморочиванье!» сказалъ дѣдъ и съ досады хватилъ кулакомъ, что̀ силы, по столу. Къ-счастію еще, что у вѣдьмы была плохая масть; у дѣда, какъ нарочно, на ту пору пары. Сталъ набирать кар-

ты изъ колоды, только мочи нѣтъ: дрянь такая лѣзетъ, что дѣдъ и руки опустилъ. Въ колодѣ ни одной карты. Пошелъ, уже такъ, не глядя, простою шестеркою; вѣдьма приняла. «Вотъ тебѣ на! это что? э, э, вѣрно, что-нибудь да не такъ!» Вотъ, дѣдъ карты потихоньку подъ столъ — и перекрестилъ; глядь — у него на рукахъ тузъ, король, валетъ козырей; а онъ вмѣсто шестерки спустилъ кралю. «Ну, дурень же я былъ! Король козырей! Что! приняла? а? кошечье отродье!... А туза не хочешь? Тузъ! валетъ!..» Громъ пошелъ по пеклу; на вѣдьму напали корчи, и откуда ни возьмись—шапка бухъ дѣду прямехонько въ лицо. «Нѣтъ, этого мало!» закричалъ дѣдъ, прихрабрившись и надѣвъ шапку. «Если сейчасъ не станетъ передо мною молодецкій конь мой, то вотъ, убей меня громъ на этомъ самомъ нечистомъ мѣстѣ, когда я не перекрещу святымъ крестомъ всѣхъ васъ!» и уже было и руку поднялъ, какъ вдругъ загремѣли передъ нимъ конскія кости. «Вотъ тебѣ конь твой!» Заплакалъ, бѣдняга, глядя на нихъ, какъ дитя неразумное. Жаль стараго товарища! «Дайте жъ мнѣ какого-нибудь коня, выбраться изъ гнѣзда вашего!» Чортъ хлопнулъ арапни-

никомъ — конь, какъ огонь, взвился подъ нимъ, и дѣдъ, что птица, вынесся наверхъ.

Страхъ однако жъ напалъ на него посереди дороги, когда конь, не слушаясь ни крику, ни поводовъ, скакалъ черезъ провалы и болота. Въ какихъ мѣстахъ онъ не былъ, такъ дрожь забирала при однихъ разсказахъ. Глянулъ какъ-то себѣ подъ ноги — и пуще перепугался: пропасть! крутизна страшная! А сатанинскому животному и нужды нѣтъ: прямо черезъ нее. Дѣдъ держаться: не тутъ-то было. Черезъ пни, черезъ кочки полетѣлъ стремглавъ въ провалъ и такъ хватился на днѣ его о землю, что, кажись, и духъ вышибло. По-крайней-мѣрѣ, что̀ дѣялось съ нимъ въ то время, ничего не помнилъ; и какъ очнулся немного и осмотрѣлся, то уже разсвѣло совсѣмъ; передъ нимъ мелькали знакомыя мѣста, и онъ лежалъ на крышѣ своей же хаты.

Перекрестился дѣдъ, когда слѣзъ долой. Экая чертовщина! что за пропасть, какія съ человѣкомъ чудеса дѣлаются! Глядь на руки – всѣ въ крови; посмотрѣлъ въ стоявшую сторчмя бочку съ водою – и лицо также. Обмывшись хорошенько, чтобы не испугать дѣтей, входитъ онъ по-

тихоньку въ хату; смотритъ: дѣти пятятся къ нему задомъ и въ испугѣ указываютъ ему пальцами, говоря: «*Дывысь, дывысь, маты, мовъ дурна, скаче!* *» И въ самомъ дѣлѣ, баба сидитъ, заснувши передъ гребнемъ, держитъ въ рукахъ веретено и сонная подпрыгиваетъ на лавкѣ. Дѣдъ, взявши за руку потихоньку, разбудилъ ее: «Здравствуй жена! здорова ли ты?» Та долго смотрѣла, выпучивши глаза, и наконецъ уже узнала дѣда, и разсказала, какъ ей снилось, что печь ѣздила по хатѣ, выгоняя вонъ лопатою горшки, лоханки и чортъ знаетъ, что̀ еще такое. «Ну, говоритъ дѣдъ, тебѣ во снѣ, мнѣ на яву. Нужно, вижу, будетъ освятить нашу хату; мнѣ же теперь мѣшкать нечего». Сказавши это и отдохнувши немного, дѣдъ досталъ коня и уже не останавливался ни днемъ, ни ночью, пока не доѣхалъ до мѣста и не отдалъ граматы самой царицѣ. Тамъ навидѣлся дѣдъ такихъ дивъ, что стало ему надолго послѣ того разсказывать: какъ повели его въ палаты, такія высокія, что если бы хатъ десять поставить одну на другую, и тогда, можетъ-быть, не достало бы. Какъ заглянулъ онъ въ

* Смотри! смотри! мать, какъ сумасшедшая, скачетъ!

одну комнату — нѣтъ; въ другую — нѣтъ; въ третью — еще нѣтъ; въ четвертой даже нѣтъ; да въ пятой уже, глядь — сидитъ сама, въ золотой коронѣ, въ сѣрой новехонькой свиткѣ, въ красныхъ сапогахъ и золотыя галушки ѣстъ. Какъ велѣла ему насыпать цѣлую шапку *синицами*, какъ... всего и вспомнить нельзя. Объ вознѣ своей съ чертями дѣдъ и думать позабылъ, и если случалось, что кто-нибудь и напоминалъ объ этомъ, то дѣдъ молчалъ, какъбудто не до него и дѣло шло, и великаго стоило труда упросить его пересказать все, какъ было. И видно уже въ наказаніе, что не спохватился тотчасъ послѣ того освятить хату, бабѣ, ровно черезъ каждый годъ, и именно въ то самое время, дѣлалось такое диво, что танцуется, бывало, да и только. За что ни примется, ноги затѣваютъ свое, и вотъ, такъ и дергаетъ пуститься въ присядку.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ВЕЧЕРА

НА ХУТОРѢ БЛИЗЪ ДИКАНЬКИ.

═

ПОВѢСТИ,

ИЗДАННЫЯ

ПАСИЧНИКОМЪ РУДЫМЪ ПАНЬКОМЪ.

═

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

═

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вотъ вамъ и другая книжка, а лучше сказать, послѣдняя! Не хотѣлось, крѣпко не хотѣлось выдавать и этой. Право, пора знать честь. Я вамъ скажу, что на хуторѣ уже начинаютъ смѣяться надо мною: «вотъ, говорятъ, одурѣлъ старый дѣдъ: на старости лѣтъ тѣшится ребяческими игрушками!» И точно, давно пора на покой. Вы, любезные читатели, вѣрно думаете, что я прикидываюсь только старикомъ. Куда тутъ прикидываться, когда во рту совсѣмъ зубовъ нѣтъ! Теперь, если что̀ мягкое попадется, то буду какъ-нибудь жевать, а твердое-то ни за что не откушу. Такъ вотъ

вамъ опять книжка! Не бранитесь только! Не хорошо браниться на прощаньи, особенно съ тѣмъ, съ кѣмъ, Богъ знаетъ, скоро ли увидитесь. Въ этой книжкѣ услышите разскащиковъ все почти для васъ незнакомыхъ, выключая только развѣ Ѳомы Григорьевича. А того гороховаго панича, что разсказывалъ такимъ вычурнымъ языкомъ, котораго много остряковъ и изъ московскаго народу не могло понять, уже давно нѣтъ. Послѣ того, какъ разсорился со всѣми, онъ и не заглядывалъ къ намъ. Да, я вамъ не разсказывалъ этого случая? Послушайте, тутъ прекомедія была. Прошлый годъ, такъ какъ-то около лѣта, да чуть ли не на самый день моего патрона, пріѣхали ко мнѣ въ гости (нужно вамъ сказать, любезные читатели, что земляки мои, дай Богъ имъ здоровье, не забываютъ старика. Уже есть пятидесятый годъ, какъ я зачалъ помнить свои именины; который же точно мнѣ годъ, этого ни я, ни старуха моя вамъ не скажемъ; должно быть, близъ семидесяти. Диканьскій-то попъ, отецъ Харлампій, зналъ, когда я родился; да жаль,

что уже пятьдесятъ лѣтъ, какъ его нѣтъ на свѣтѣ.) Вотъ, пріѣхали ко мнѣ гости: Захаръ Кириловичъ Чухопупенко, Степанъ Ивановичъ Курочка, Тарасъ Ивановичъ Смачненькій, засѣдатель Харлампій Кириловичъ Хлоста; пріѣхалъ еще... вотъ позабылъ, право, имя и фамилію, Осипъ... Осипъ... Боже мой, его знаетъ весь Миргородъ! онъ еще, когда говоритъ, то всегда щелкнетъ напередъ пальцемъ и подопрется въ боки... Ну, Богъ съ нимъ! въ другое время вспомню. Пріѣхалъ и знакомый вамъ паничъ изъ Полтавы. Ѳомы Григорьевича я не считаю: то уже свой человѣкъ. Разговорились всѣ (опять нужно вамъ замѣтить, что у насъ никогда о пустякахъ не бываетъ разговора: я всегда люблю приличные разговоры, чтобы, какъ говорятъ, вмѣстѣ и услажденіе и назидательность была), разговорились объ томъ, какъ нужно солить яблоки. Старуха моя начала-было говорить, что нужно напередъ хорошенько вымыть яблоки, потомъ намочить въ квасу, а потомъ уже... «Ничего изъ этого не будетъ!» подхватилъ полтавецъ, заложивши руку въ го-

роховый кафтанъ свой и прошедши важнымъ шагомъ по комнатѣ: «ничего не будетъ! Прежде всего нужно пересыпать кануперомъ, а потомъ уже...» Ну, я на васъ ссылаюсь, любезные читатели, скажите по совѣсти, слыхали ли вы когда-нибудь, чтобы яблоки пересыпали кануперомъ? Правда, кладутъ смородинный листъ, нечуй-вѣтеръ, трилистникъ; но чтобы клали кануперъ... нѣтъ, я не слыхивалъ объ этомъ. Уже, кажется, лучше моей старухи никто не знаетъ про эти дѣла. Ну, говорите же вы! Нарочно, какъ добраго человѣка, отвелъ я его потихоньку въ-сторону: «Слушай, Макаръ Назаровичъ, эй, не смѣши народъ! Ты человѣкъ немаловажный: самъ, какъ говоришь, обѣдалъ разъ съ губернаторомъ за однимъ столомъ. Ну, скажешь что-нибудь подобное тамъ, вѣдь тебя же осмѣютъ всѣ!» Что жъ бы вы думали, онъ сказалъ на это? Ничего! плюнулъ на полъ, взялъ шапку и вышелъ. Хоть бы простился съ кѣмъ, хоть бы кивнулъ кому головою; только слышали мы, какъ подъѣхала къ воротамъ тележка съ звон-

комъ; сѣлъ и уѣхалъ. И лучше! Не нужно намъ такихъ гостей! Я вамъ скажу, любезные читатели, что хуже нѣтъ ничего на свѣтѣ, какъ эта знать. Что его дядя былъ когда-то коммисаромъ, такъ и носъ несетъ вверхъ. Да будто коммисаръ такой уже чинъ, что выше нѣтъ его на свѣтѣ! Слава Богу, есть и больше коммисара. Нѣтъ, не люблю я этой знати. Вотъ вамъ въ-примѣръ Ѳома Григорьевичъ; кажется, и не знатный человѣкъ, а посмотрѣть на него: въ лицѣ какая-то важность сіяетъ, даже когда станетъ нюхать обыкновенный табакъ, и тогда чувствуешь невольное почтеніе. Въ церкви, когда запоетъ на крылосѣ — умиленіе неизобразимое! растаялъ бы, казалось, весь!.. А тотъ... ну, Богъ съ нимъ! онъ думаетъ, что безъ его сказокъ и обойтись нельзя. Вотъ все же таки-набралась книжка.

Я, помнится, обѣщалъ вамъ, что въ этой книжкѣ будетъ и моя сказка. И точно, хотѣлъ-было это сдѣлать, но увидѣлъ, что для сказки моей нужно, по-крайней-мѣрѣ, три такихъ книжки. Думалъ-было особо напечатать ее, но

передумалъ. Вѣдь я знаю васъ: станете смѣяться надъ старикомъ. Нѣтъ, не хочу! Прощайте! Долго, а можетъ-быть, совсѣмъ не увидимся. Да что? вѣдь вамъ все равно, хоть бы и не было совсѣмъ меня на свѣтѣ. Пройдетъ годъ, другой — и изъ васъ никто послѣ не вспомнитъ и не пожалѣетъ о старомъ пасичникѣ Рудомъ Панькѣ.

=

НОЧЬ

ПЕРЕДЪ

РОЖДЕСТВОМЪ.

НОЧЬ

ПЕРЕДЪ

РОЖДЕСТВОМЪ.

—

Послѣдній день передъ рождествомъ прошелъ. Зимняя, ясная ночь наступила; глянули звѣзды; мѣсяцъ величаво поднялся на небо посвѣтить добрымъ людямъ и всему міру, чтобы всѣмъ было весело колядовать и славить Христа *. Мо-

* Колядовать у насъ называется пѣть подъ окнами накапунѣ рождества пѣсни, которыя называются колядками. Тому, кто колядуетъ, всегда кинетъ въ мѣшокъ хозяйка, или хозяинъ, или кто остается дома, колбасу, или хлѣбъ, или мѣдный грошъ, чѣмъ кто богатъ. Говорятъ, что былъ когда-то болванъ Коля-

розило сильнѣе, чѣмъ съ утра; но за то такъ было тихо, что скрыпъ мороза подъ сапогомъ слышался за полверсты. Еще ни одна толпа парубковъ не показывалась подъ окнами хатъ; мѣсяцъ одинъ только заглядывалъ въ нихъ украдкою, какъ-бы вызывая принаряжившихся дѣвушекъ выбѣжать скорѣе на скрыпучій снѣгъ. Тутъ черезъ трубу одной хаты клубами повалился дымъ и пошелъ тучею по небу и, вмѣстѣ съ дымомъ, поднялась вѣдьма верхомъ на метлѣ.

Если бы въ это время проѣзжалъ сорочинскій засѣдатель на тройкѣ обывательскихъ лошадей, въ шапкѣ съ барашковымъ околышкомъ, сдѣланной по манеру уланскому, въ синемъ тулупѣ, подбитомъ черными смушками, съ дьявольски-сплетенною плетью, которою имѣетъ онъ обыкновеніе подгонять своего ямщика, то онъ вѣрно бы примѣтилъ ее, потому-что отъ сорочинскаго засѣдателя ни одна вѣдьма на свѣтѣ

да, котораго принимали за Бога, и что будто отъ того пошли и колядки. Кто его знаетъ? Не намъ, простымъ людямъ, объ этомъ толковать. Прошлый годъ отецъ Осипъ запретилъ-было колядовать по хуторамъ, говоря, что будто этимъ народъ угождаетъ сатанѣ. Однако жъ, если сказать правду, то въ колядкахъ и слова нѣтъ про Коляду. Поютъ часто про рождество Христа, а при концѣ желаютъ здоровья хозяину, хозяйкѣ, дѣтямъ и всему дому.

Замѣчаніе пасичника.

не ускользнетъ. Онъ знаетъ наперечетъ, сколько у каждой бабы свинья мечетъ поросятъ, и сколько въ сундукѣ лежитъ полотна, и что̀ именно изъ своего платья и хозяйства заложитъ добрый человѣкъ въ воскресный день въ шинкѣ. Но сорочинскій засѣдатель не проѣзжалъ, да и какое ему дѣло до чужихъ: у него своя волость. А вѣдьма, между-тѣмъ, поднялась такъ высоко, что однимъ только чорнымъ пятнышкомъ мелькала вверху. Но гдѣ ни показывалось пятнышко, тамъ звѣзды, одна за другою, пропадали на небѣ. Скоро вѣдьма набрала ихъ полный рукавъ. Три, или четыре еще блестѣли. Вдругъ, съ противной стороны, показалось другое пятнышко, увеличилось, стало растягиваться, и уже было не пятнышко. Близорукій, хотя бы надѣлъ на носъ, вмѣсто очковъ, колеса съ коммисаровой брички, и тогда бы не распозналъ, что̀ это такое. Спереди совершенно нѣмецъ *: узенькая, безпрестанно вертѣвшаяся и нюхавшая все, что̀ ни попадалось, мордочка, оканчивалась, какъ и у нашихъ свиней, кругленькимъ

* Нѣмцемъ называютъ у насъ всякаго, кто только изъ чужой земли, хоть будь онъ французъ, или цесарецъ, или шведъ — все нѣмецъ.

пятачкомъ; ноги были такъ тонки, что если бы такія имѣлъ яресковскій голова, то онъ переломалъ бы ихъ въ первомъ казачкѣ. Но за то сзади онъ былъ настоящій губернскій стряпчій въ мундирѣ, потому-что у него висѣлъ хвостъ, такой острый и длинный, какъ теперешнія мундирныя фалды; только развѣ по козлиной бородѣ подъ мордой, по небольшимъ рожкамъ, торчавшимъ на головѣ, и что весь былъ не бѣлѣе трубочиста, можно было догадаться, что онъ не нѣмецъ и не губернскій стряпчій, а просто чортъ, которому послѣдняя ночь осталась шататься по бѣлому свѣту и выучивать грѣхамъ добрыхъ людей. Завтра же, съ первыми колоколами къ заутренѣ, побѣжитъ онъ безъ оглядки, поджавши хвостъ, въ свою берлогу. Между-тѣмъ чортъ крался потихоньку къ мѣсяцу, и уже протянулъ-было руку схватить его; но вдругъ отдернулъ ее назадъ, какъ-бы обжегшись, пососалъ пальцы, заболталъ ногою и забѣжалъ съ другой стороны, и снова отскочилъ и отдернулъ руку. Однако жъ, несмотря на всѣ неудачи, хитрый чортъ не оставилъ своихъ проказъ. Подбѣжавши, вдругъ схватилъ онъ обѣими руками мѣсяцъ, кривляясь и дуя,

перекидывалъ его изъ одной руки въ другую, какъ мужикъ, доставшій голыми руками огню для своей люльки; наконецъ поспѣшно спряталъ въ карманъ и, какъ-будто ни въ чемъ не бывалъ, побѣжалъ далѣе. Въ Диканькѣ никто не слышалъ, какъ чортъ укралъ мѣсяцъ. Правда, волостной писарь, выходя на четверенькахъ изъ шинка, видѣлъ, что мѣсяцъ, ни-съ-сего, ни съ-того, танцовалъ на небѣ, и увѣрялъ съ божбою въ томъ все село; но міряне качали головами и даже подымали его на смѣхъ. Но какая же была причина рѣшиться чорту на такое беззаконное дѣло? А вотъ какая: онъ зналъ, что богатый казакъ Чубъ приглашенъ дьякомъ на кутью, гдѣ будутъ: голова, пріѣхавшій изъ архіерейскій пѣвческой родичъ дьяка, въ синемъ сюртукѣ, бравшій самаго низкаго баса, казакъ Свербыгузъ и еще кое-кто; гдѣ, кромѣ кутьи, будетъ варенуха, перегонная на шафранъ водка и много всякаго съѣстнаго. А между-тѣмъ его дочка, красавица на всемъ селѣ, останется дома, а къ дочкѣ, навѣрное, придетъ кузнецъ, силачъ и дѣтина хоть-куда, который чорту былъ противнѣе проповѣдей отца Кондрата. Въ досужее отъ дѣлъ время куз-

нецъ занимался малеваніемъ и слылъ лучшимъ живописцемъ во всемъ околодкѣ. Самъ, еще тогда здравствовавшій, сотникъ Л...ко вызвалъ его нарочно въ Полтаву выкрасить досчатый заборъ около своего дома. Всѣ миски, изъ которыхъ диканскіе казаки хлебали борщъ, были размалеваны кузнецомъ. Кузнецъ былъ богобоязливый человѣкъ и писалъ часто образа святыхъ, и теперь еще можно найти въ Т... церкви его евангелиста Луку. Но торжествомъ его искусства была одна картина, намалеванная на стѣнѣ церковной въ правомъ притворѣ, на которой изобразилъ онъ святаго Петра въ день страшнаго суда, съ ключами въ рукахъ, изгонявшаго изъ ада злаго духа: испуганный чортъ металея во всѣ стороны, предчувствуя свою погибель, а заключенные прежде грѣшники били и гоняли его кнутами, полѣнами и всѣмъ, чѣмъ ни попало. Въ то время, когда живописецъ трудился надъ этою картиною и писалъ ее на большой деревянной доскѣ, чортъ всѣми силами старался мѣшать ему: толкалъ невидимо подъ руку, подымалъ изъ горнила въ кузницѣ золу и обсыпалъ ею картину; но несмотря на все, работа была кончена, доска внесена въ церковь

и вдѣлана въ стѣну притвора, и съ той поры чортъ поклялся мстить кузнецу. Одна только ночь оставалась ему шататься на бѣломъ свѣтѣ; но и въ эту ночь онъ выискивалъ чѣмъ-нибудь вымѣстить на кузнецѣ свою злобу. И для этого рѣшился украсть мѣсяцъ, въ той надеждѣ, что старый Чубъ лѣнивъ и не легокъ наподъемъ, къ дьяку же отъ избы не такъ близко: дорога шла по заселамъ, мимо мельницъ, мимо кладбища, огибала оврагъ. Еще при мѣсячной ночи варенуха и водка, настоянная на шафранѣ, могла бы заманить Чуба; но въ такую темноту врядъ-ли бы удалось кому стащить его съ печки и вызвать изъ хаты. А кузнецъ, который былъ издавна не въ ладахъ съ нимъ, при немъ ни за что не отважится итти къ дочкѣ, несмотря на свою силу. Такимъ-то образомъ, какъ только чортъ спряталъ въ карманъ свой мѣсяцъ, вдругъ по всему міру сдѣлалось такъ темно, что не всякій бы нашелъ дорогу къ шинку, не только къ дьяку. Вѣдьма, увидѣвши себя вдругъ въ темнотѣ, вскрикнула. Тутъ чортъ, подъѣхавши мелкимъ бѣсомъ, подхватилъ ее подъ руку и пустился нашептывать на ухо то самое, что обыкновен-

но нашептываютъ всему женскому роду. Чудно устроено на нашемъ свѣтѣ! Все, что̀ ни живетъ въ немъ, все силится перенимать и передразнивать одинъ другаго. Прежде, бывало, въ Миргородѣ одинъ судья да городничій хаживали зимою въ крытыхъ сукномъ тулупахъ, а все мелкое чиновничество носило просто нагольные; теперь же и засѣдатель, и подкоморій отсмалили себѣ новыя шубы изъ рѣшетиловскихъ смушекъ съ суконною покрышкою. Канцеляристъ и волостной писарь, третьяго году взяли синей китайки по шести гривенъ аршинъ. Пономарь сдѣлалъ себѣ нанковыя на лѣто шаровары и жилетъ изъ полосатаго гаруса. Словомъ, все лѣзетъ въ люди! Когда эти люди не будутъ суетны! Можно побиться объ закладъ, что многимъ покажется удивительно видѣть чорта, пустившагося и себѣ туда же. Досаднѣе всего то̀, что онъ вѣрно воображаетъ себя красавцемъ, между-тѣмъ какъ фигура — взглянуть совѣстно. Рожа, какъ говоритъ Ѳома Григорьевичъ, мерзость мерзостью, однако жъ и онъ строитъ любовныя куры! Но на небѣ и подъ небомъ такъ сдѣлалось темно, что

ничего нельзя уже было видѣть, что происходило далѣе между ними.

—

«Такъ ты, кумъ, еще не былъ у дьяка въ новой хатѣ!» говорилъ казакъ Чубъ, выходя изъ дверей своей избы, сухощавому, высокому, въ короткомъ тулупѣ мужику съ обросшею бородою, показывавшею, что уже болѣе двухъ недѣль не прикасался къ ней обломокъ косы, которымъ обыкновенно мужики брѣютъ свою бороду, за неимѣніемъ бритвы. «Тамъ теперь будетъ добрая попойка!» продолжалъ Чубъ, осклабивъ при этомъ свое лицо. «Какъ бы только намъ не опоздать». При семъ Чубъ поправилъ свой поясъ, перехватывавшій плотно его тулупъ, нахлобучилъ крѣпче свою шапку, стиснулъ въ рукѣ кнутъ — страхъ и грозу докучливыхъ собакъ; но, взглянувъ вверхъ, остановился... «Что за дьяволъ! Смотри! смотри, Панасъ!...»

«Что?» произнесъ кумъ и поднялъ свою голову также вверхъ.

«Какъ что? мѣсяца нѣтъ!»

«Что за пропасть! Въ-самомъ-дѣлѣ нѣтъ мѣсяца».

«То-то что нѣтъ!» выговорилъ Чубъ съ нѣкоторою досадою на неизмѣнное равнодушіе кума. «Тебѣ, небось, и нужды нѣтъ».

«А что мнѣ дѣлать?»

«Надобно же было» продолжалъ Чубъ, утирая рукавомъ усы: «какому-то дьяволу, чтобъ ему не довелось, собакѣ, поутру рюмки водки выпить, вмѣшаться!... Право, какъ-будто насмѣхъ... Нарочно, сидѣвши въ хатѣ, глядѣлъ въ окно: ночь — чудо! Свѣтло; снѣгъ блещетъ при мѣсяцѣ. Все было видно, какъ днемъ. Не успѣлъ выйти за дверь, и вотъ, хоть глазъ выколи!» Чубъ долго еще ворчалъ и бранился, а между-тѣмъ, въ то же время, раздумывалъ, на что̀ бы рѣшиться. Ему до смерти хотѣлось покалякать о всякомъ вздорѣ у дьяка, гдѣ, безъ всякаго сомнѣнія, сидитъ уже и голова, и пріѣзжій басъ, и дегтярь Микита, ѣздившій черезъ каждыя двѣ недѣли въ Полтаву на торги и отпускавшій такія шутки, что всѣ міряне брались за животы со смѣху. Уже видѣлъ Чубъ мысленно стоявшую на столѣ варенуху. Все это было заманчиво, правда; но темнота ночи напомнила

ему о той лѣни, которая такъ мила всѣмъ казакамъ. Какъ бы хорошо теперь лежать, поджавши подъ себя ноги, на лежанкѣ, курить спокойно люльку и слушать сквозь упоительную дремоту колядки и пѣсни веселыхъ парубковъ и дѣвушекъ, толпящихся кучами подъ окнами. Онъ бы, безъ всякаго сомнѣнія, рѣшился на послѣднее, если бъ былъ одинъ; но теперь обоимъ не такъ скучно и страшно итти темною ночью, да и не хотѣлось-таки показаться передъ другими лѣнивымъ, или трусливымъ. Окончивши побранки, обратился онъ снова къ куму.

«Такъ нѣтъ, кумъ, мѣсяца?»

«Нѣтъ».

«Чудно, право. А дай понюхать табаку! У тебя, кумъ, славный табакъ! Гдѣ ты берешь его?»

«Кой чортъ, славный!» отвѣчалъ кумъ, закрывая берестовую тавлинку, исколотую узорами: «старая курица не чихнетъ!»

«Я помню» продолжалъ все такъ же Чубъ: «мнѣ покойный шинкарь Зузуля разъ привезъ табаку изъ Нѣжина. Эхъ, табакъ былъ! добрый табакъ былъ! Такъ что же, кумъ, какъ намъ быть? вѣдь темно на дворѣ».

«Такъ, пожалуй, останемся дома» произнесъ кумъ, ухватясь за ручку двери.

Если бы кумъ не сказалъ этого, то Чубъ вѣрно бы рѣшился остаться; но теперь его какъ-будто что-то дергало итти наперекоръ. «Нѣтъ, кумъ, пойдемъ! нельзя, нужно итти!» Сказавши это, онъ уже и досадовалъ на себя, что сказалъ. Ему было очень непріятно тащиться въ такую ночь; но его утѣшало то̀, что онъ самъ нарочно этого захотѣлъ и сдѣлалъ-таки не такъ, какъ ему совѣтовали.

Кумъ, не выразивъ на лицѣ своемъ ни малѣйшаго движенія досады, какъ человѣкъ, которому рѣшительно все равно, сидѣть ли дома, или тащиться изъ дому, осмотрѣлся, почесалъ палочкой батога свои плечи, — и два кума отправились въ дорогу.

—

Теперь посмотримъ, что̀ дѣлаетъ, оставшись одна, красавица дочка. Оксанѣ не минуло еще и семнадцати лѣтъ, какъ во всемъ почти свѣтѣ, и по ту сторону Диканьки, только и рѣчей бы-

ло, что про нее. Парубки гуртомъ провозгласили, что лучшей дѣвки и не было еще никогда, и не будетъ никогда на селѣ. Оксана знала и слышала все, что про нее говорили, и была капризна, какъ красавица. Если бы она ходила не въ плахтѣ и запаскѣ, а въ какомъ-нибудь капотѣ, то разогнала бы всѣхъ своихъ дѣвокъ. Парубки гонялись за нею толпами; но, потерявши терпѣніе, оставляли мало-по-малу и обращались къ другимъ, не такъ избалованнымъ. Одинъ только кузнецъ былъ упрямъ и не оставлялъ своего волокитства, несмотря на то, что и съ нимъ поступили ни чуть не лучше, чѣмъ съ другими. По выходѣ отца своего, Оксана долго еще принаряжалась и жеманилась передъ небольшимъ, въ оловянныхъ рамкахъ, зеркаломъ, и не могла налюбоваться собою. «Что людямъ вздумалось разславлять, будто я хороша?» говорила она, какъ-бы разсѣянно, для того только, чтобы объ чемъ-нибудь поболтать съ собою. «Лгутъ люди, я совсѣмъ не хороша!» Но мелькнувшее въ зеркалѣ свѣжее, живое, въ дѣтской юности лицо съ блестящими чорными очами и невыразимо-пріятной усмѣшкой, прожигавшей душу, вдругъ доказало противное. «Развѣ

чорныя брови и очи мои» продолжала красавица, не выпуская зеркала: «такъ хороши, что уже равныхъ имъ нѣтъ и на свѣтѣ. Что̀ тутъ хорошаго въ этомъ вздернутомъ кверху носѣ? и въ щекахъ? и въ губахъ? будто хороши мои черныя косы? Ухъ! ихъ можно испугаться вечеромъ: онѣ, какъ длинныя змѣи, перевились и обвились вокругъ моей головы. Я вижу теперь, что я совсѣмъ не хороша!» и отодвигая нѣсколько подалѣе отъ себя зеркало, вскрикнула: «Нѣтъ, хороша я! Ахъ, какъ хороша! Чудо! Какую радость принесу я тому, чьей буду женою! Какъ будетъ любоваться мною мой мужъ! Онъ не вспомнитъ себя. Онъ зацалуетъ меня на-смерть».

«Чудная дѣвка!» прошепталъ вошедшій тихо кузнецъ: «и хвастовства у нея мало! Съ часъ стоитъ, глядясь въ зеркало, и не наглядится, и еще хвалитъ себя вслухъ!»

«Да, парубки! вамъ ли чета я? Вы поглядите на меня» продолжала хорошенькая кокетка: «какъ я плавно выступаю; у меня сорочка шита краснымъ шолкомъ. А какія ленты на головѣ! Вамъ вѣкъ не увидать богаче галуна! Все это накупилъ мнѣ отецъ мой длятого, чтобы на мнѣ женился самый лучшій молодецъ на свѣ-

тѣ!» и, усмѣхнувшись, поворотилась она въ другую сторону и увидѣла кузнеца...

Вскрикнула и сурово остановилась передъ нимъ.

Кузнецъ и руки опустилъ.

Трудно разсказать, что̀ выражало смугловатое лицо чудной дѣвушки: и суровость въ немъ была видна, и сквозь суровость, какая-то издѣвка надъ смутившимся кузнецомъ, и едва замѣтная краска досады тонко разливалась по лицу; и все это такъ смѣшалось, и такъ было неизобразимо-хорошо, что разцѣловать ее милліонъ разъ— вотъ все, что̀ можно было сдѣлать тогда наилучшаго.

«Зачѣмъ ты пришелъ сюда?» такъ начала говорить Оксана. «Развѣ хочется, чтобы выгнала за дверь лопатою? Вы всѣ мастера подъѣзжать къ намъ. Въ мигъ пронюхаете, когда отцовъ нѣтъ дома. О, я знаю васъ! Что, сундукъ мой готовъ?»

«Будетъ готовъ, мое серденько, послѣ праздника будетъ готовъ. Если бы ты знала, сколько возился около его: двѣ ночи не выходилъ изъ кузницы; за то ни у одной поповны не будетъ такого сундука. Желѣзо на оковку поло-

жилъ такое, какого не клалъ въ сотникову таратайку, когда ходилъ на работу въ Полтаву. А какъ будетъ расписанъ! Хоть весь околодокъ выходи своими бѣленькими ножками, не найдешь такого! По всему полю будутъ раскиданы красные и синіе цвѣты. Горѣть будетъ, какъ жаръ. Не сердись же на меня! Позволь хоть поговорить, хоть поглядѣть на тебя!»

«Кто жъ тебѣ запрещаетъ, говори и гляди!» Тутъ сѣла она на лавку и снова взглянула въ зеркало, и стала поправлять на головѣ свои косы. Взглянула на шею, на новую сорочку, вышитую шолкомъ, и тонкое чувство самодовольствія выразилось на устахъ, на свѣжихъ ланитахъ и отсвѣтилось въ очахъ.

«Позволь и мнѣ сѣсть возлѣ тебя!» сказалъ кузнецъ.

«Садись» проговорила Оксана, сохраняя въ устахъ и въ довольныхъ очахъ то же самое чувство.

«Чудная, ненаглядная Оксана, позволь поцаловать тебя!» произнесъ ободренный кузнецъ и прижалъ ее къ себѣ, въ намѣреніи схватить поцалуй; но Оксана отклонила свои щеки, находившіяся уже на непримѣтномъ разстояніи отъ

губъ кузнеца и оттолкнула его. «Чего тебѣ еще хочется? Ему когда медъ, такъ и ложка нужна! Поди прочь, у тебя руки жестче желѣза. Да и самъ ты пахнешь дымомъ. Я думаю, меня всю обмаралъ сажею». Тутъ она поднесла зеркало и снова начала передъ нимъ охорашиваться.

«Не любитъ она меня!» думалъ про-себя, повѣся голову, кузнецъ. «Ей все игрушки; а я стою передъ нею, какъ дуракъ, и очей не свожу съ нея. И все бы стоялъ передъ нею, и вѣкъ бы не сводилъ съ нея очей! Чудная дѣвка! Чего бы я не далъ, чтобы узнать, что у нея на сердцѣ, кого она любитъ. Но нѣтъ, ей и нужды нѣтъ ни до кого. Она любуется сама собою; мучитъ меня, бѣднаго; а я за грустью не вижу свѣта; а я ее такъ люблю, какъ ни одинъ человѣкъ на свѣтѣ не любилъ и не будетъ никогда любить».

«Правда ли, что твоя мать вѣдьма?» произнесла Оксана и засмѣялась; и кузнецъ почувствовалъ, что внутри его все засмѣялось. Смѣхъ этотъ какъ-будто разомъ отозвался въ сердцѣ и въ тихо-встрепенувшихся жилахъ, и совсѣмъ тѣмъ досада запала въ его душу, что онъ не во власти разцаловать такъ пріятно засмѣявшееся лицо.

«Что̀ мнѣ до матери? ты у меня мать, и отецъ, и все, что̀ ни есть дорогаго на свѣтѣ. Если бъ меня призвалъ царь и сказалъ: — кузнецъ-Вакула, проси у меня всего, что̀ ни есть лучшаго въ моемъ царствѣ, все отдамъ тебѣ. Прикажу тебѣ сдѣлать золотую кузницу, и станешь ты ковать серебряными молотами.—Не хочу, сказалъ бы я царю, ни каменьевъ дорогихъ, ни золотой кузницы, ни всего твоего царства: дай лучше мою Оксану!»

«Видишь какой ты! Только отецъ мой самъ не-промахъ. Увидишь, когда онъ не женится на твоей матери!» проговорила, лукаво усмѣхнувшись, Оксана. «Однако жъ дѣвчата не приходятъ... Что̀ бъ это значило? Давно уже пора колядовать. Мнѣ становится скучно».

«Богъ съ ними, моя красавица!»

«Какъ-бы-не-такъ! съ ними, вѣрно, придутъ парубки. Тутъ-то пойдутъ балы. Воображаю, какихъ наговорятъ смѣшныхъ исторій!»

«Такъ тебѣ весело съ ними?»

«Да ужъ веселѣе, чѣмъ съ тобою. А! кто-то стукнулъ; вѣрно, дѣвчата съ парубками».

«Чего мнѣ больше ждать?» говорилъ самъ-съ-собою кузнецъ. «Она издѣвается надо мною. Ей

я столько же дорогъ, какъ перержавѣвшая подкова. Но если жъ такъ, не достанется по-крайней-мѣрѣ другому посмѣяться надо мною. Пусть только я навѣрное замѣчу, кто ей нравится болѣе меня; я отучу...»

Стукъ въ двери и рѣзко зазвучавшій на морозѣ голосъ: «отвори!» прервалъ его размышленія.

«Постой, я самъ отворю» сказалъ кузнецъ и вышелъ въ сѣни, въ намѣреніи отломать съ досады бока первому попавшемуся человѣку.

—

Морозъ увеличился, и вверху такъ сдѣлалось холодно, что чортъ перепрыгивалъ съ одного копытца на другое и дулъ себѣ въ кулакъ, желая сколько-нибудь отогрѣть мерзнувшія руки. Не мудрено однако жъ и озябнуть тому, кто толкался отъ утра до утра въ аду, гдѣ, какъ извѣстно, не такъ холодно, какъ у насъ зимою, и гдѣ, надѣвши колпакъ и ставши передъ очагомъ, будто въ-самомъ-дѣлѣ кухмистръ, поджаривалъ онъ грѣшниковъ съ такимъ удовольствіемъ, съ какимъ обыкновенно баба жаритъ на рождество

колбасу. Вѣдьма сама почувствовала, что холодно, несмотря на то̀, что была тепло одѣта; и потому, поднявши руки кверху, отставила ногу, и приведши себя въ такое положеніе, какъ человѣкъ летящій на конькахъ, не сдвинувшись ни однимъ суставомъ, спустилась по воздуху, будто по ледяной покатой горѣ, и прямо въ трубу. Чортъ такимъ же порядкомъ отправился вслѣдъ за нею. Но такъ-какъ это животное проворнѣе всякаго франта въ чулкахъ, то не мудрено, что онъ наѣхалъ при самомъ входѣ въ трубу на шею своей любовницы и оба очутились въ просторной печкѣ между горшками. Путешественница отодвинула потихоньку заслонку поглядѣть, не назвалъ ли сынъ ея Вакула въ хату гостей; но увидѣвши, что никого не было, выключая только мѣшковъ, которые лежали посереди хаты, вылѣзла изъ печки, скинула теплый кожухъ, оправилась, и никто бы не могъ узнать, что она минуту назадъ ѣздила на метлѣ. Мать кузнеца Вакулы имѣла отъ-роду не больше сорока лѣтъ. Она была ни хороша, ни дурна собою. Трудно и быть хорошею въ такіе годы. Однако жъ она такъ умѣла причаровать къ себѣ самыхъ степенныхъ казаковъ (которымъ, не мѣ-

шаетъ между прочимъ замѣтить, мало было нужды до красоты), что къ ней хаживалъ и голова, и дьякъ Осипъ Никифоровичъ (конечно, если дьячихи не было дома) и казакъ Корній Чубъ, и казакъ Касьянъ Свербыгузъ. И, къ чести ея сказать, она умѣла искусно обходиться съ ними: ни одному изъ нихъ и въ умъ не приходило, что у него есть соперникъ. Шелъ ли набожный мужикъ или дворянинъ, какъ называютъ себя казаки, одѣтый въ кобенякъ съ видлогою, въ воскресенье въ церковь, или, если дурная погода, въ шинокъ: какъ не зайти къ Солохѣ, не поѣсть жирныхъ съ сметаною варениковъ и не поболтать въ теплой избѣ съ говорливой и угодливой хозяйкой? И дворянинъ нарочно для этого давалъ большой крюкъ, прежде чѣмъ достигалъ шинка, и называлъ это—заходить по дорогѣ. А пойдетъ ли, бывало, Солоха, въ праздникъ, въ церковь, надѣвши яркую плахту съ китайчатою запаскою, а сверхъ ея синюю юбку, на которой сзади нашиты были золотые усы, и станетъ прямо близъ праваго крылоса, то дьякъ уже вѣрно закашливался и прищуривалъ невольно въ ту сторону глаза; голова гладилъ усы, заматывалъ за ухо оселедецъ и

говорилъ стоявшему близъ его сосѣду: «эхъ, добрая баба! чортъ-баба!» Солоха кланялась каждому, и каждый думалъ, что она кланяется ему одному. Но охотникъ мѣшаться въ чужія дѣла тотчасъ бы замѣтилъ, что Солоха была привѣтливѣе всего съ казакомъ Чубомъ. Чубъ былъ вдовъ; восемь скирдъ хлѣба всегда стояли передъ его хатою. Двѣ пары дюжихъ воловъ всякій разъ высовывали свои головы изъ плетенаго сарая на улицу, и мычали, когда завидывали шедшую куму, корову, или дядю, толстаго быка. Бородатый козелъ взбирался на самую крышу и дребезжалъ оттуда рѣзкимъ голосомъ, какъ городничій, дразня выступавшихъ по двору индѣекъ и обарачиваясь задомъ, когда завидывалъ своихъ непріятелей, мальчишекъ, издѣвавшихся надъ его бородою. Въ сундукахъ у Чуба водилось много полотна, жупановъ и старинныхъ кунтушей съ золотыми галунами: покойная жена его была щеголиха. Въ огородѣ, кромѣ маку, капусты, подсолнечниковъ, засѣвалось еще каждый годъ двѣ гряды табаку. Все это Солоха находила не лишнимъ присоединить къ своему хозяйству, заранѣ размышляя о томъ, какой оно приметъ порядокъ, когда перейдетъ

въ ея руки, и удвоивала благосклонность къ старому Чубу. А чтобы, какимъ-нибудь образомъ, сынъ ея Вакула не подъѣхалъ къ его дочери и не успѣлъ прибрать всего себѣ, и тогда бы навѣрно не допустилъ ея мѣшаться ни во что, она прибѣгнула къ обыкновенному средству всѣхъ сорокалѣтнихъ кумушекъ: ссорить какъ можно чаще Чуба съ кузнецомъ. Можетъ-быть, эти самыя хитрости и смѣтливость ея были виною, что кое-гдѣ начали поговаривать старухи, особливо когда выпивали гдѣ-нибудь на веселой сходкѣ лишнее, что Солоха точно вѣдьма; что парубокъ Кизяколупенко видѣлъ у нея сзади хвостъ, величиною не болѣе бабьяго веретена; что она еще въ позапрошлый четвергъ чорною кошкою перебѣжала дорогу, что къ попадьѣ разъ прибѣжала свинья, закричала пѣтухомъ, надѣла на голову шапку отца Кондрата и убѣжала назадъ. Случилось, что тогда, когда старушки толковали объ этомъ, пришелъ какой-то коровій пастухъ Тымишъ Коростявый. Онъ не преминулъ разсказать, какъ лѣтомъ, передъ самыми петровками, когда онъ легъ спать въ хлѣву, подмостивши подъ голову солому, видѣлъ собственными глазами, что вѣдьма, съ распущенною косою, въ

одной рубашкѣ, начала доить коровъ, а онъ не могъ пошевельнуться—такъ былъ околдованъ, и помазала его губы чѣмъ-то такимъ гадкимъ, что онъ плевалъ послѣ того цѣлый день. Но все это что-то сомнительно, потому-что одинъ только сорочинскій засѣдатель можетъ увидѣть вѣдьму. И отъ того всѣ именитые казаки махали руками, когда слышали такія рѣчи. «Брешутъ, сучи бабы!» бывалъ обыкновенный отвѣтъ ихъ.

Вылѣзши изъ печки и оправившись, Солоха, какъ добрая хозяйка, начала убирать и ставить все къ своему мѣсту; но мѣшковъ не тронула: это Вакула принесъ, пусть же самъ и вынесетъ! Чортъ, между-тѣмъ, когда еще влеталъ въ трубу, какъ-то нечаянно оборотившись, увидѣлъ Чуба, объ руку съ кумомъ, уже далеко отъ избы. Въ мигъ вылетѣлъ онъ изъ печки, перебѣжалъ имъ дорогу, и началъ разрывать со всѣхъ сторонъ кучи замерзшаго снѣгу. Поднялась метель. Въ воздухѣ забѣлѣло. Снѣгъ метался взадъ и впередъ сѣтью и угрожалъ залѣпить глаза, ротъ и уши пѣшеходамъ. А чортъ улетѣлъ снова въ трубу, въ твердой увѣренности, что Чубъ возвратится вмѣстѣ съ кумомъ назадъ, застанетъ

кузнеца и отпотчуетъ его такъ, что онъ долго будетъ не въ силахъ взять въ руки кисть и малевать обидныя карикатуры.

—

Въ-самомъ-дѣлѣ, едва только поднялась метель, и вѣтеръ сталъ рѣзать прямо въ глаза, какъ Чубъ уже изъявилъ раскаяніе и, нахлобучивая глубже на голову капелюхи, угощалъ побранками себя, чорта и кума. Впрочемъ эта досада была притворная. Чубъ очень радъ былъ поднявшейся метели. До дьяка еще оставалось въ восемь разъ больше того разстоянія, которое они прошли. Путешественники поворотили назадъ. Вѣтеръ дулъ въ затылокъ; но сквозь метущій снѣгъ ничего не было видно.

«Стой, кумъ! мы, кажется, не туда идемъ» сказалъ немного отошедши Чубъ: «я не вижу ни одной хаты. Эхъ, какая метель! Свороти-ка ты, кумъ, немного въ сторону, не найдешь ли дороги; а я тѣмъ временемъ поищу здѣсь. Дернетъ же нечистая сила таскаться по такой

вьюгѣ! Не забудь закричать, когда найдешь дорогу. Экъ, какую кучу снѣгу напустилъ въ очи сатана!»

Дороги, однако жъ, не было видно. Кумъ, отошедши въ-сторону, бродилъ въ длинныхъ сапогахъ взадъ и впередъ и наконецъ набрелъ прямо на шинокъ. Эта находка такъ его обрадовала, что онъ позабылъ все и, стряхнувши съ себя снѣгъ, вошелъ въ сѣни, ни-мало не безпокоясь объ оставшемся на улицѣ кумѣ. Чубу показалось между-тѣмъ, что онъ нашелъ дорогу; остановившись, принялся онъ кричать во все горло, но видя, что кумъ не является, рѣшился итти самъ. Немного пройдя, увидѣлъ онъ свою хату. Сугробы снѣгу лежали около ея и на крышѣ. Хлопая озябшими на холодѣ руками, принялся онъ стучать въ дверь и кричать повелительно своей дочери отпереть.

«Чего тебѣ тутъ нужно?» сурово закричалъ вышедшій кузнецъ.

Чубъ, узнавши голосъ кузнеца, отступилъ нѣсколько назадъ. «Э, нѣтъ, это не моя хата» говорилъ онъ про-себя: «въ мою хату не забредетъ кузнецъ. Опять же, если присмотрѣться хорошенько, то и не кузнецова. Чья бы была

это хата? Вотъ на! не распозналъ! это хромаго Левченка, который недавно женился на молодой женѣ. У него одного только хата похожа на мою. То-то мнѣ показалось и сначала немного чудно, что такъ скоро пришелъ домой. Однакожъ Левченко сидитъ теперь у дьяка, это я знаю; зачѣмъ же кузнецъ?... Э, ге, ге! онъ ходитъ къ его молодой женѣ. Вотъ какъ! хорошо... теперь я все понялъ».

«Кто ты такой и зачѣмъ таскаешься подъ дверями?» произнесъ кузнецъ суровѣе прежняго и подойдя ближе.

«Нѣтъ, не скажу ему, кто я» подумалъ Чубъ: «чего добраго, еще приколотитъ, проклятый выродокъ!» и, перемѣнивъ голосъ, отвѣчалъ: «это я, человѣкъ добрый, пришелъ вамъ на забаву поколядовать немного подъ окнами».

«Убирайся къ чорту съ своими колядками!» сердито закричалъ Вакула. «Что жъ ты стоишь? Слышишь, убирайся сей же часъ вонъ!»

Чубъ самъ уже имѣлъ это благоразумное намѣреніе; но ему досадно показалось, что принужденъ слушаться приказаній кузнеца. Казалось, какой-то злой духъ толкалъ его подъ руку и вынуждалъ сказать что-нибудь наперекоръ.

«Что жъ ты, въ-самомъ-дѣлѣ, такъ раскричался?» произнесъ онъ тѣмъ же голосомъ: «я хочу колядовать, да и полно!»

«Эге! да ты отъ словъ не уймешься!..» Вслѣдъ за сими словами Чубъ почувствовалъ пребольный ударъ въ плечо.

«Да вотъ это ты, какъ я вижу, начинаешь уже драться!» произнесъ онъ, немного отступая.

«Пошелъ, пошелъ!» кричалъ кузнецъ, наградивъ Чуба другимъ толчкомъ.

«Что жъ ты!» произнесъ Чубъ такимъ голосомъ, въ которомъ изображалась и боль, и досада, и робость: «ты, вижу, не въ-шутку дерешься, и еще больно дерешься!»

«Пошелъ, пошелъ!» закричалъ кузнецъ и захлопнулъ дверь. «Смотри, какъ расхрабрился!» говорилъ Чубъ, оставшись одинъ на улицѣ. «Попробуй, подойди! вишь какой! вотъ большая цаца! Ты думаешь, я на тебя суда не найду. Нѣтъ, голубчикъ, я пойду, и пойду прямо къ коммисару. Ты у меня будешь знать. Я не посмотрю, что ты кузнецъ и маляръ. Однако жъ посмотрѣть на спину и плечи: я думаю, синія пятна есть. Должно быть, больно поколотилъ,

вражій сынъ! Жаль, что холодно и не хочется скидать кожуха! Постой ты, бѣсовскій кузнецъ, чтобъ чортъ поколотилъ и тебя и твою кузницу: ты у меня напляшешься! Вишь, проклятый шибеникъ! Однако жъ, вѣдь теперь его нѣтъ дома. Солоха, думаю, сидитъ одна. Гм....оно вѣдь недалеко отсюда; пойти бы! Время теперь такое, что насъ никто не застанетъ. Можетъ, и того будетъ можно... вишь, какъ больно поколотилъ проклятый кузнецъ!»

Тутъ Чубъ, почесавъ свою спину, отправился въ другую сторону. Пріятность, ожидавшая его впереди, при свиданіи съ Солохою, умаляла немного боль и дѣлала нечувствительнымъ и самый морозъ, который трещалъ по всѣмъ улицамъ, незаглушаемый свистомъ вьюги. Повременамъ на лицѣ его, котораго бороду и усы метель намылила снѣгомъ проворнѣе всякаго цырюльника, тирански хватающаго за носъ свою жертву, показывалась полусладкая мина. Но если бы, однако жъ, снѣгъ не крестилъ взадъ и впередъ всего передъ глазами, то долго еще можно было бы видѣть, какъ Чубъ останавливался, почесывалъ спину, произносилъ: «боль-

но поколотилъ проклятый кузнецъ!» и снова отправлялся въ путь.

—

Въ то время, когда проворный франтъ съ хвостомъ и козлиною бородою леталъ изъ трубы и потомъ снова въ трубу, висѣвшая у него съ боку наперевязи ладунка, въ которую онъ спряталъ украденный мѣсяцъ, какъ-то нечаянно зацѣпившись въ печкѣ, растворилась, и мѣсяцъ, пользуясь этимъ случаемъ, вылетѣлъ чрезъ трубу солохиной хаты и плавно поднялся по небу. Все освѣтилось; метели какъ не бывало; снѣгъ загорѣлся широкимъ серебрянымъ полемъ и весь осыпался хрустальными звѣздами; морозъ какъ-бы потеплѣлъ; толпы парубковъ и дѣвушекъ показались съ мѣшками; пѣсни зазвенѣли, и подъ рѣдкою хатою не толпились колядующіе. Чудно блеститъ мѣсяцъ! Трудно разсказать, какъ хорошо потолкаться въ такую ночь между кучею хохочущихъ и поющихъ дѣвушекъ, и между парубками, готовыми на всѣ шутки и выдумки, какія можетъ только внушить весело-смѣю-

щаяся ночь. Подъ плотнымъ кожухомъ тепло; отъ мороза еще живѣе горятъ щеки; а на шалости самъ лукавый подталкиваетъ сзади. Кучи дѣвушекъ съ мѣшками вломились въ хату Чуба, окружили Оксану. Крикъ, хохотъ, разсказы оглушили кузнеца. Всѣ наперерывъ спѣшили разсказать красавицѣ что-нибудь новое, выгружали мѣшки и хвастались паляницами, колбасами, варениками, которыхъ успѣли уже набрать довольно за свои колядки. Оксана, казалось, была въ совершенномъ удовольствіи и радости, болтала то съ той, то съ другой, и хохотала безъумолку. Съ какой-то досадой и завистью глядѣлъ кузнецъ на такую веселость и на этотъ разъ проклиналъ колядки, хотя самъ бывалъ отъ нихъ безъ ума.

«Э, Одарка!» сказала веселая красавица, оборотившись къ одной изъ дѣвушекъ: «у тебя новые черевики. Ахъ, какіе хорошіе! и съ золотомъ! Хорошо тебѣ, Одарка, у тебя есть такой человѣкъ, который все тебѣ покупаетъ; а мнѣ некому достать такіе славные черевики».

«Не тужи, моя ненаглядная Оксана!» подхватилъ кузнецъ: «я тебѣ достану такіе черевики, какіе рѣдкая паночка носитъ».

«Ты?» сказала Оксана, скоро и надмѣнно поглядѣвъ на него: «посмотрю я, гдѣ ты достанешь черевики, которые могла бы я надѣть на свою ногу. Развѣ принесешь тѣ самые, которые носитъ царица».

«Видишь, какихъ захотѣла!» закричала со смѣхомъ дѣвичья толпа.

«Да!» продолжала гордо красавица: «будьте всѣ вы свидѣтельницы, если кузнецъ Вакула принесетъ тѣ самые черевики, которые носитъ царица, то, вотъ мое слово, что выйду тотъ же часъ за него за-мужъ».

Дѣвушки увели съ собою капризную красавицу.

«Смѣйся, смѣйся!» говорилъ кузнецъ, выходя вслѣдъ за ними. «Я самъ смѣюсь надъ собою! Думаю и не могу вздумать, куда дѣвался умъ мой? Она меня не любитъ — ну, Богъ съ ней! будто только на всемъ свѣтѣ одна Оксана. Слава Богу, дѣвчатъ много хорошихъ и безъ нея на селѣ. Да что Оксана? изъ нея никогда не будетъ доброй хозяйки; она только мастерица рядиться. Нѣтъ, полно, пора перестать дурачиться». Но въ самое то время, когда кузнецъ готовился быть рѣшительнымъ, какой-то злой духъ про-

носилъ предъ нимъ смѣющійся образъ Оксаны, говорившей насмѣшливо: «достань, кузнецъ, царицыны черевики, выйду за тебя за-мужъ!» Все въ немъ волновалось, и онъ думалъ только объ одной Оксанѣ.

Толпы колядующихъ, парубки особо, дѣвушки особо, спѣшили изъ одной улицы въ другую. Но кузнецъ шелъ и ничего не видалъ и не участвовалъ въ тѣхъ веселостяхъ, которыя когда-то любилъ болѣе всѣхъ.

—

Чортъ между-тѣмъ не-на-шутку разнѣжился у Солохи: цаловалъ ея руку съ такими ужимками, какъ засѣдатель у поповны, брался за сердце, охалъ и сказалъ напрямикъ, что если она не согласится удовлетворить его страсти и, какъ водится, наградить, то онъ готовъ на все: кинется въ воду, а душу отправитъ прямо въ пекло. Солоха была не такъ жестока; притомъ же чортъ, какъ извѣстно, дѣйствовалъ съ нею за одно. Она таки-любила видѣть волочившуюся за собою толпу и рѣдко бывала безъ компаніи.

Этотъ вечеръ, однако жъ, думала провесть одна, потому-что всѣ именитые обитатели села званы были на кутью къ дьяку. Но все пошло иначе: чортъ, только-что представилъ свое требованіе, какъ вдругъ послышался голосъ дюжаго головы. Солоха побѣжала отворить дверь, а проворный чортъ влѣзъ въ лежавшій мѣшокъ. Голова, стряхнувъ съ своихъ капелюхъ снѣгъ и выпивши изъ рукъ Солохи чарку водки, разсказалъ, что онъ не пошелъ къ дьяку, потому-что поднялась метель; а увидѣвши свѣтъ въ ея хатѣ, завернулъ къ ней, въ намѣреніи провесть вечеръ съ нею. Не успѣлъ голова это сказать, какъ въ дверь послышался стукъ и голосъ дьяка. «Спрячь меня куда-нибудь» шепталъ голова: «мнѣ не хочется теперь встрѣтиться съ дьякомъ». Солоха думала долго, куда спрятать такого плотнаго гостя; наконецъ выбрала самый большой мѣшокъ съ углемъ; уголь высыпала въ кадку, и дюжій голова влѣзъ съ усами, съ головою и съ капелюхами въ мѣшокъ.

Дьякъ вошелъ, покряхтывая и потирая руки, и разсказалъ, что у него не было никого, и что онъ сердечно радъ этому случаю: *погу-*

лять немного у нея, и не испугался метели. Тутъ онъ подошелъ къ ней ближе, кашлянулъ, усмѣхнулся, дотронулся пальцами ея обнаженной, полной руки, и произнесъ съ такимъ видомъ, въ которомъ выказывалось и лукавство и самодовольствіе: «А что это у васъ, великолѣпная Солоха?» и сказавши это, отскочилъ онъ нѣсколько назадъ.

«Какъ что? рука, Осипъ Никифоровичъ!» отвѣчала Солоха.

«Гм! рука! хе, хе, хе!» произнесъ сердечно-довольный своимъ началомъ дьякъ и прошелся по комнатѣ.

«А это что у васъ, дражайшая Солоха?» произнесъ онъ съ такимъ же видомъ, приступивъ къ ней снова и схвативъ ее слегка рукою за шею и такимъ же порядкомъ отскочивъ назадъ.

«Будто не видите, Осипъ Никифоровичъ!» отвѣчала Солоха: «шея, а на шеѣ монисто».

«Гм! на шеѣ монисто! Хе, хе, хе!» и дьякъ снова прошелся по комнатѣ, потирая руки.

«А это что у васъ, несравненная Солоха?..» Неизвѣстно, къ чему бы теперь притронулся

дьякъ своими длинными пальцами, какъ вдругъ послышался стукъ въ дверь и голосъ казака Чуба.

«Ахъ, Боже мой, стороннее лице!» закричалъ въ испугѣ дьякъ. «Что теперь, если застанутъ особу моего званія?... Дойдетъ до отца Кондрата!...» Но опасенія дьяка были другаго рода: онъ боялся болѣе того, чтобы не узнала его половина, которая и безъ того, страшною рукою своею сдѣлала изъ его толстой косы самую узенькую. «Ради Бога, добродѣтельная Солоха» говорилъ онъ, дрожа всѣмъ тѣломъ: «ваша доброта, какъ говоритъ писаніе Луки глава трина... трин... Стучатся, ейбогу, стучатся! Охъ, спрячьте меня куда-нибудь!»

Солоха высыпала уголь въ кадку изъ другаго мѣшка, и не слишкомъ объемистый тѣломъ дьякъ влѣзъ въ него и сѣлъ на самое дно такъ, что сверхъ его можно было насыпать еще съ полмѣшка угля.

«Здравствуй, Солоха!» сказалъ, входя въ хату, Чубъ. «Ты, можетъ-быть, не ожидала меня, а? правда, не ожидала? Можетъ-быть, я помѣшалъ...» продолжалъ Чубъ, показавъ на лицѣ своемъ веселую и значительную мину, кото-

рая заранѣе давала знать, что неповоротливая голова его трудилась и готовилась отпустить какую-нибудь колкую и затѣйливую шутку. Можетъ-быть, вы тутъ забавлялись съ кѣмъ-нибудь!... Можетъ-быть, ты кого-нибудь спрятала уже, а?» и восхищенный такимъ замѣчаніемъ, своимъ Чубъ засмѣялся, внутренно торжествуя, что онъ одинъ только пользуется благосклонностію Солохи. «Ну, Солоха, дай теперь выпить водки. Я думаю, у меня горло замерзло отъ проклятаго мороза. Послалъ же Богъ такую ночь передъ рождествомъ! Какъ схватилась, слышишь, Солоха, какъ схватилась... экъ окостенѣли руки: не разстегну кожуха! какъ схватилась выюга...»

«Отвори!» раздался на улицѣ голосъ, сопровождаемый толчкомъ въ дверь.

«Стучитъ кто-то!» сказалъ остановившійся Чубъ.

«Отвори?» закричали сильнѣе прежняго.

«Это кузнецъ!» произнесъ, схватясь за капелюхи, Чубъ: «слышишь, Солоха, куда хочешь дѣвай меня; я ни за что на свѣтѣ не захочу показаться этому выродку проклятому, чтобъ ему набѣжало, дьявольскому сыну, подъ обоими гла-

зами по пузырю въ копну величиною!» Солоха, испугавшись сама, металась, какъ угорѣлая и, позабывшись, дала знакъ Чубу лѣзть въ тотъ самый мѣшокъ, въ которомъ сидѣлъ уже дьякъ. Бѣдный дьякъ не смѣлъ даже изъявить кашлемъ и кряхтѣньемъ боли, когда сѣлъ ему почти на голову тяжелый мужикъ и помѣстилъ свои, намерзнувшіе на морозъ, сапоги по обѣимъ сторонамъ его висковъ.

Кузнецъ вошелъ, не говоря ни слова, не снимая шапки, и почти повалился на лавку. Замѣтно, что онъ былъ весьма не въ духѣ. Въ то самое время, когда Солоха затворила за нимъ дверь, кто-то постучался снова. Это былъ казакъ Свербыгузъ. Этого уже нельзя было спрятать въ мѣшокъ, потому-что и мѣшка такого нельзя было найти. Онъ былъ погрузнѣе тѣломъ самого головы и повыше ростомъ Чубова кума. И потому Солоха вывела его въ огородъ, чтобъ выслушать отъ него все то, что онъ хотѣлъ ей объявить. Кузнецъ разсѣянно оглядывалъ углы своей хаты, вслушиваясь по-временамъ въ далеко разносившіяся пѣсни колядующихъ; наконецъ остановилъ глаза на мѣшкахъ: «Зачѣмъ тутъ лежатъ эти мѣшки? ихъ давно бы пора убрать от-

сюда. Черезъ эту глупую любовь я одурѣлъ совсѣмъ. Завтра праздникъ, а въ хатѣ до-сихъ-поръ лежитъ всякая дрянь. Отнести ихъ въ кузницу!» Тутъ кузнецъ присѣлъ къ огромнымъ мѣшкамъ, перевязалъ ихъ крѣпче и готовился взвалить себѣ на плечи. Но замѣтно было, что его мысли гуляли, Богъ знаетъ гдѣ: иначе онъ бы услышалъ, какъ зашипѣлъ Чубъ, когда волоса на головѣ его прикрутила завязавшая мѣшокъ веревка, и дюжій голова началъ-было икать довольно явственно. «Неужели не выбьется изъ ума моего эта негодная Оксана?» говорилъ кузнецъ. «Не хочу думать объ ней; а все думается, и какъ нарочно, объ ней одной только. Отчего это такъ, что дума противъ воли лѣзетъ въ голову? Кой чортъ, мѣшки стали какъ-будто тяжелѣе прежняго! Тутъ, вѣрно, положено еще что-нибудь, кромѣ угля. Дурень я! я и позабылъ, что теперь мнѣ все кажется тяжелѣе. Прежде, бывало, я могъ согнуть и разогнуть въ одной рукѣ мѣдный пятакъ и лошадиную подкову; а теперь мѣшковъ съ углемъ не подниму. Скоро буду отъ вѣтра валиться. «Нѣтъ» вскричалъ онъ, помолчавъ и ободрившись: «что я за баба! Не дамъ никому смѣяться надъ собою! Хоть десять та-

кихъ мѣшковъ—все подниму». И бодро взвалилъ себѣ на плеча мѣшки, которыхъ не понесли бы два дюжихъ человѣка. «Взять и этотъ» продолжалъ онъ, поднимая маленькій, на днѣ котораго лежалъ, свернувшись, чортъ. «Тутъ, кажется, я положилъ струментъ свой». Сказавъ это, онъ вышелъ вонъ изъ хаты, насвистывая пѣсню:

Мнии съ жинкой не возиться.

—

Шумнѣе и шумнѣе раздавались по улицамъ пѣсни и крики. Толпы толкавшагося народа были увеличены еще пришедшими изъ сосѣднихъ деревень. Парубки шалили и бѣсились въ волю. Часто, между колядками, слышалась какая-нибудь веселая пѣсня, которую тутъ же успѣлъ сложить кто-нибудь изъ молодыхъ казаковъ. То вдругъ одинъ изъ толпы, вмѣсто колядки, отпускалъ щедровку и ревѣлъ во все горло:

Щедрикъ, ведрикъ!
Дайте варепикъ!
Грудочку кашки!
Кильце ковбаски!

Хохотъ награждалъ затѣйника. Маленькія окна подымались, и сухощавая рука старухи, которыя однѣ только вмѣстѣ съ степенными отцами оставались въ избахъ, высовывалась изъ окошка съ колбасою въ рукахъ, или кускомъ пирога. Парубки и дѣвушки наперерывъ подставляли мѣшки и ловили свою добычу. Въ одномъ мѣстѣ парубки, зашедши со всѣхъ сторонъ, окружали толпу дѣвушекъ: шумъ, крикъ; одинъ бросалъ комомъ снѣга, другой вырывалъ мѣшокъ со всякой всячиной. Въ другомъ мѣстѣ дѣвушки ловили парубка, подставляли ему ногу, и онъ летѣлъ вмѣстѣ съ мѣшкомъ стремглавъ на землю. Казалось, всю ночь напролетъ готовы были провеселиться. И ночь, какъ нарочно, такъ роскошно теплилась! и еще бѣлѣе казался свѣтъ мѣсяца отъ блеску снѣга! Кузнецъ остановился съ своими мѣшками. Ему почудился въ толпѣ дѣвушекъ голосъ и тоненькій смѣхъ Оксаны. Всѣ жилки въ немъ вздрогнули; бросивши на землю мѣшки, такъ-что находившійся на днѣ дьякъ заохалъ отъ ушибу и голова икнулъ во все горло, побрелъ онъ съ маленькимъ мѣшкомъ на плечахъ вмѣстѣ съ толпою парубковъ, шедшихъ слѣдомъ за дѣвичь-

ей толпою, между которою ему послышался голос Оксаны.

Такъ: это она! стоитъ какъ царица, и блеститъ чорными очами! Ей разсказываетъ что-то видный парубокъ; вѣрно забавное, потому-что она смѣется. Но она всегда смѣется. Какъ-будто невольно, самъ не понимая какъ, протерся кузнецъ сквозь толпу и сталъ подлѣ ея. «А, Вакула, ты тутъ! здравствуй!» сказала красавица съ той же самой усмѣшкой, которая чуть не сводила Вакулу съ ума: «ну, много наколядовалъ? Э, какой маленькій мѣшокъ! А черевики, которые носитъ царица, досталъ? Достань черевики, выйду за-мужъ!» и засмѣявшись, убѣжала съ толпою.

Какъ вкопанный, стоялъ кузнецъ на одномъ мѣстѣ. «Нѣтъ, не могу; нѣтъ силъ больше...» произнесъ онъ наконецъ. «Но Боже ты мой, отчего она такъ чертовски хороша? Ея взглядъ, и рѣчи, и все ну, вотъ, такъ и жжетъ, такъ и жжетъ... Нѣтъ, не въ мочь уже пересилить себя! Пора положить конецъ всему: пропадай душа! пойду утоплюсь въ проруби, и поминай какъ звали!» Тутъ рѣшительнымъ шагомъ пошелъ онъ впередъ, догналъ толпу, поровнялся съ Окса-

ною и сказалъ твердымъ голосомъ: «Прощай, Оксана! Ищи себѣ какого хочешь жениха, дурачь кого хочешь, а меня не увидишь уже больше на этомъ свѣтѣ». Красавица казалась удивленною, хотѣла что-то сказать, но кузнецъ махнулъ рукою и убѣжалъ.

«Куда, Вакула?» кричали парубки, видя бѣгущаго кузнеца. «Прощайте, братцы!» кричалъ въ отвѣтъ кузнецъ: «дастъ Богъ, увидимся на томъ свѣтѣ, а на этомъ уже не гулять намъ вмѣстѣ. Прощайте, не поминайте лихомъ! Скажите отцу Кондрату, чтобы сотворилъ панихиду по моей грѣшной душѣ. Свѣчей къ иконамъ Чудотворца и Божіей Матери, грѣшенъ, не обмалевалъ за мірскими дѣлами. Все добро, какое найдется въ моей скрынѣ, на церковь! Прощайте!» Проговоривши это, кузнецъ принялся снова бѣжать съ мѣшкомъ на спинѣ. «Онъ повредился!» говорили парубки. «Пропадшая душа!» набожно пробормотала проходившая мимо старуха: «пойти разсказать, какъ кузнецъ повѣсился!»

—

Вакула, между-тѣмъ, пробѣжавши нѣсколько улицъ, остановился перевесть духъ. «Куда я въ-самомъ-дѣлѣ бѣгу!» подумалъ онъ: «какъ-будто уже все пропало. Попробую еще средство: пойду къ запорожцу пузатому Пацюку. Онъ, говорятъ, знаетъ всѣхъ чертей и все сдѣлаетъ, что̀ захочетъ. Пойду, вѣдь душѣ все же придется пропадать!» При этомъ чортъ, который долго лежалъ безъ всякаго движенія, запрыгалъ въ мѣшкѣ отъ радости; но кузнецъ, подумавъ, что онъ какъ-нибудь зацѣпилъ мѣшокъ рукою и произвелъ самъ это движеніе, ударилъ по мѣшку дюжимъ кулакомъ и, стряхнувъ его на плечахъ, отправился къ пузатому Пацюку.

Этотъ пузатый Пацюкъ былъ точно когда-то запорожцемъ; но выгнали его, или онъ самъ убѣжалъ изъ Запорожья, этого никто не зналъ. Давно уже, лѣтъ десять, а можетъ и пятнадцать, онъ жилъ въ Диканькѣ. Сначала онъ жилъ, какъ настоящій запорожецъ: ничего не работалъ, спалъ три четверти дня, ѣлъ за шестерыхъ косарей и выпивалъ однимъ разомъ почти по цѣлому ведру; впрочемъ, было гдѣ и помѣститься, потому что Пацюкъ, не-смотря на небольшой ростъ, въ ширину былъ довольно

увѣсистъ. Притомъ шаровары, которыя носилъ онъ, были такъ широки, что какой бы большой ни сдѣлалъ онъ шагъ, ногъ совершенно не было замѣтно, и казалось, винокуренная кадь двигалась по улицѣ. Можетъ-быть, это самое подало поводъ прозвать его пузатымъ. Не прошло нѣсколькихъ недѣль послѣ прибытія его въ село, какъ всѣ уже узнали, что онъ знахарь. Бывалъ ли кто боленъ чѣмъ, тотчасъ призывалъ Пацюка; а Пацюку стоило только пошептать нѣсколько словъ, и недугъ какъ-будто рукою снимался. Случалось ли, что проголодавшійся дворянинъ подавился рыбьей костью: Пацюкъ умѣлъ такъ искусно ударить кулакомъ въ спину, что кость отправлялась, куда ей слѣдуетъ, не причинивъ никакого вреда дворянскому горлу. Въ послѣднее время его рѣдко видали гдѣ-нибудь. Причина этому была, можетъ-быть, лѣнь, а можетъ, и то, что пролѣзать въ двери дѣлалось для него съ каждымъ годомъ труднѣе. Тогда міряне должны были отправляться къ нему сами, если имѣли въ немъ нужду. Кузнецъ не безъ робости отворилъ дверь и увидѣлъ Пацюка, сидѣвшаго на полу, потурецки, передъ небольшою кадушкою, на которой стояла миска

съ галушками. Эта миска стояла, какъ нарочно, наравнѣ съ его ртомъ. Не подвинувшись ни однимъ пальцемъ, онъ наклонилъ слегка голову къ мискѣ и хлебалъ жижу, схватывая по временамъ зубами галушки. «Нѣтъ, этотъ» подумалъ Вакула про-себя: «еще лѣнивѣе Чуба: тотъ по-крайней-мѣрѣ ѣстъ ложкою, а этотъ и руки не хочетъ поднять!» Пацюкъ, вѣрно, крѣпко занятъ былъ галушками, потому-что, казалось, совсѣмъ не замѣтилъ прихода кузнеца, который, едва ступивши на порогъ, отвѣсилъ ему пренизкій поклонъ.

«Я къ твоей милости пришелъ, Пацюкъ!» сказалъ Вакула, кланяясь снова. Толстый Пацюкъ поднялъ голову, и снова началъ хлебать галушки.

«Ты, говорятъ, не во гнѣвъ будь сказано...» сказалъ, собираясь съ духомъ, кузнецъ: «я веду объ этомъ рѣчь не для того, чтобы тебѣ нанесть какую обиду, — приходишься немного съ родни чорту». Проговоря эти слова, Вакула испугался, подумавъ, что выразился все еще напрямикъ и мало смягчилъ крѣпкія слова, и ожидая, что Пацюкъ, схвативши кадушку вмѣстѣ съ мискою, пошлетъ ему прямо въ голову, от-

сторонился немного и закрылся рукавомъ, чтобы горячая жижа съ галушекъ не обрызгала ему лица.

Но Пацюкъ взглянулъ и снова началъ хлебать галушки.

Ободренный кузнецъ рѣшился продолжать: «Къ тебѣ пришелъ, Пацюкъ, дай Боже тебѣ всего, добра всякаго въ довольствіи, хлѣба въ пропорціи!» Кузнецъ иногда умѣлъ ввернуть модное слово; въ томъ онъ понаторѣлъ въ бытность еще въ Полтавѣ, когда размалевывалъ сотнику досчатый заборъ. «Пропадать приходится мнѣ, грѣшному! ничто не помогаетъ на свѣтѣ! Чтò будетъ, тò будетъ, приходится просить помощи у самого чорта. Что жъ, Пацюкъ» произнесъ кузнецъ, видя неизмѣнное его молчаніе: «какъ мнѣ быть?»

«Когда нужно чорта, то и ступай къ чорту!» отвѣчалъ Пацюкъ, не поднимая на него глазъ и продолжая убирать галушки.

«Для того-то я и пришелъ къ тебѣ» отвѣчалъ кузнецъ, отвѣшивая поклонъ: «кромѣ тебя, думаю, никто на свѣтѣ не знаетъ къ нему дороги».

Пацюкъ ни слова, и доѣдалъ остальныя га-

лушки. «Сдѣлай милость, человѣкъ добрый, не откажи!» наступалъ кузнецъ. «Свинины ли, колбасъ, муки гречневой, ну, полотна, пшена, или инаго прочаго, въ случаѣ потребности... какъ обыкновенно между добрыми людьми водится... не поскупимся, разскажи хоть какъ, примѣрно сказать, попасть къ нему на дорогу?»

«Тому не нужно далеко ходить, у кого чортъ за плечами» произнесъ равнодушно Пацюкъ, не измѣняя своего положенія.

Вакула уставилъ въ него глаза, какъ-будто бы на лбу его написано было изъясненіе этихъ словъ. «Что̀ онъ говоритъ?» безмолвно спрашивала его мина; а полуотверзтый ротъ готовился проглотить, какъ галушку, первое слово. Но Пацюкъ молчалъ. Тутъ замѣтилъ Вакула, что ни галушекъ, ни кадушки передъ нимъ не было; но вмѣсто того на полу стояли двѣ деревянныя миски: одна была наполнена варениками, другая сметаною. Мысли его и глаза невольно устремились на эти кушанья. «Посмотримъ» говорилъ онъ самъ-себѣ: «какъ будетъ ѣсть Пацюкъ вареники. Наклоняться онъ, вѣрно, не захочетъ, чтобы хлебать, какъ галушки; да и нельзя: нужно вареникъ сперва обмакнуть въ сметану». Толь-

ко-что онъ успѣлъ это подумать, Пацюкъ разинулъ ротъ; поглядѣлъ на вареники и еще больше разинулъ ротъ. Въ это время вареникъ выплеснулся изъ миски, шлепнулся въ сметану, перевернулся на другую сторону, подскочилъ вверхъ и какъ-разъ попалъ ему въ ротъ. Пацюкъ съѣлъ и снова разинулъ ротъ, и вареникъ такимъ же порядкомъ отправился снова. На себя только принималъ онъ трудъ жевать и проглатывать. «Вишь, какое диво!» подумалъ кузнецъ, разинувъ отъ удиленія ротъ и тотъ же часъ замѣтилъ, что вареникъ лѣзетъ и къ нему въ ротъ и уже вымазалъ губы сметаною. Оттолкнувши вареникъ и вытерши губы, кузнецъ началъ размышлять о томъ, какія чудеса бываютъ на свѣтѣ и до какихъ мудростей доводитъ человѣка нечистая сила, замѣтя притомъ, что одинъ только Пацюкъ можетъ помочь ему. «Поклонюсь ему еще, пусть растолкуетъ хорошенько... Однако, что за чортъ! вѣдь сегодня *голодная кутья*, а онъ ѣстъ вареники, вареники скоромные! Что я, въ-самомъ-дѣлѣ, за-дуракъ: стою тутъ и грѣха набираюсь! Назадъ!» и набожный кузнецъ опрометью выбѣжалъ изъ хаты.

Однако жъ чортъ, сидѣвшій въ мѣшкѣ и за-

ранѣе уже радовавшійся, не могъ вытерпѣть, чтобы ушла изъ рукъ его такая славная добыча. Какъ только кузнецъ опустилъ мѣшокъ, онъ выскочилъ изъ него и сѣлъ верхомъ ему на шею.

Морозъ подралъ по кожѣ кузнеца; испугавшись и поблѣднѣвъ, не зналъ онъ, чтò дѣлать; уже хотѣлъ перекреститься... Но чортъ, наклонивъ свое собачье рыльце ему на правое ухо, сказалъ: «Это я — твой другъ; все сдѣлаю для товарища и друга! Денегъ дамъ, сколько хочешь» пискнулъ онъ ему въ лѣвое ухо: «Оксана будетъ сегодня же наша» шепнулъ онъ, заворотивши свою морду снова на правое ухо. Кузнецъ стоялъ, размышляя.

«Изволь» сказалъ онъ наконецъ: «за такую цѣну готовъ быть твоимъ!»

Чортъ всплеснулъ руками и началъ отъ радости галопировать на шеѣ кузнеца. «Теперь-то попался кузнецъ!» думалъ онъ про-себя: «теперь-то я вымещу на тебѣ, голубчикъ, всѣ твои малеванья и небылицы, взводимыя на чертей! Чтò теперь скажутъ мои товарищи, когда узнаютъ, что самый набожнѣйшій изъ всего села человѣкъ въ моихъ рукахъ?» Тутъ чортъ засмѣялся отъ радости, вспомнивши, какъ будетъ драз-

нить въ адѣ все хвостатое племя, какъ будетъ бѣситься хромой чортъ, считавшійся между ними первымъ на выдумки.

«Ну, Вакула!» пропищалъ чортъ, все такъ же, не слѣзая съ шеи, какъ-бы опасаясь, чтобы онъ не убѣжалъ: «ты знаешь, что безъ контракта ничего не дѣлаютъ».

«Я готовъ!» сказалъ кузнецъ. «У васъ, я слышалъ, расписываются кровью; постой же, я достану въ карманѣ гвоздь!» Тутъ онъ заложилъ назадъ руку — и хвать чорта за хвостъ.

«Вишь, какой шутникъ!» закричалъ, смѣясь, чортъ: «ну, полно, довольно уже шалить!»

«Постой, голубчикъ!» закричалъ кузнецъ: «а вотъ это какъ тебѣ покажется?» при этомъ словѣ онъ сотворилъ крестъ, и чортъ сдѣлался такъ тихъ, какъ ягненокъ. «Постой же» сказалъ онъ, стаскивая его за хвостъ на землю: «будешь ты у меня знать подучивать на грѣхи добрыхъ людей и честныхъ христіянъ». Тутъ кузнецъ вскочилъ на него верхомъ и поднялъ руку для крестнаго знаменія.

«Помилуй, Вакула!» жалобно простоналъ чортъ: «все, что̀ для тебя нужно, все сдѣлаю;

отпусти только душу на покаяніе: не клади на меня страшнаго креста!»

«А, вотъ какимъ голосомъ запѣлъ, нѣмецъ проклятый! Теперь я знаю, что̀ дѣлать. Вези меня сей же часъ на себѣ! слышишь, неси, какъ птица!»

«Куда?» произнесъ печальный чортъ.

«Въ Петербургъ, прямо къ царицѣ!» и кузнецъ обомлѣлъ отъ страха, чувствуя себя подымающимся на воздухъ.

—

Долго стояла Оксана, раздумывая о странныхъ рѣчахъ кузнеца. Уже внутри ея что-то говорило, что она слишкомъ жестоко поступила съ нимъ. «Что, если онъ въ самомъ-дѣлѣ рѣшится на что-нибудь страшное? Чего добраго! можетъ-быть, онъ съ-горя вздумаетъ влюбиться въ другую и съ досады станетъ называть ее первою красавицею на селѣ! Но нѣтъ, онъ меня любитъ. Я такъ хороша! Онъ меня ни за что не промѣняетъ; онъ шалитъ, прикидывается. Не пройдетъ минутъ десяти, какъ онъ вѣрно

придетъ поглядѣть на меня. Я, въ-самомъ-дѣлѣ, сурова. Нужно ему дать, какъ-будто нехотя, поцаловать себя. То-то онъ обрадуется!» и вѣтреная красавица уже шутила съ своими подругами. «Постойте» сказала одна изъ нихъ: «кузнецъ позабылъ мѣшки свои; смотрите: какіе страшные мѣшки! Онъ не по-нашему наколядовалъ: я думаю, сюда по цѣлой четверти барана кидали; а колбасамъ и хлѣбамъ, вѣрно, счету нѣтъ. Роскошь! цѣлые праздники можно объѣдаться».

«Это кузнецовы мѣшки?» подхватила Оксана: «утащимъ скорѣе ихъ ко мнѣ въ хату, и разглядимъ хорошенько, что̀ онъ сюда положилъ». Всѣ со смѣхомъ одобрили такое предложеніе.

«Но мы не подымемъ ихъ!» закричала вся толпа вдругъ, силясь сдвинуть мѣшки.

«Постойте» сказала Оксана: «побѣжимъ скорѣе за санками и отвеземъ на санкахъ!»

И толпа побѣжала за санками.

Плѣнникамъ сильно прискучило сидѣть въ мѣшкахъ, несмотря на то, что дьякъ проткнулъ для себя пальцемъ порядочную дыру. Если бы еще не было народу, то, можетъ-быть, онъ нашелъ бы средство вылѣзть; но вылѣзть изъ

мѣшка при всѣхъ, показать себя на-смѣхъ...: это удерживало его, и онъ рѣшился ждать, слегка только покряхтывая подъ невѣжливыми сапогами Чуба. Чубъ самъ не менѣе желалъ свободы, чувствуя, что подъ нимъ лежитъ что-то такое, на чемъ сидѣть страхъ было неловко. Но какъ-скоро услышалъ рѣшеніе своей дочери, то успокоился и не хотѣлъ уже вылѣзть, разсуждая, что къ хатѣ своей нужно пройти, по-крайней-мѣрѣ, шаговъ съ сотню, а можетъ-быть и другую. Вылѣзши же, нужно же оправиться, застегнуть кожухъ, подвязать поясъ — сколько работы! да и капелюхи остались у Солохи. Пусть же лучше дѣвчата довезутъ на санкахъ. Но случилось совсѣмъ не такъ, какъ ожидалъ Чубъ: въ то время, когда дѣвчата побѣжали за санками, худощавый кумъ выходилъ изъ шинка разстроенный и не въ духѣ. Шинкарка ни-какимъ-образомъ не рѣшалась ему вѣрить въ долгъ; онъ хотѣлъ-было дожидаться, авось-либо придетъ какой-нибудь набожный дворянинъ и попотчуетъ его; но какъ нарочно, всѣ дворяне оставались дома и, какъ честные христіане, ѣли кутью посреди своихъ домашнихъ. Размышляя о развращеніи нравовъ и о деревян-

номъ сердцѣ жидовки, продающей вино, кумъ набрелъ на мѣшки и остановился въ изумленіи. «Вишь какіе мѣшки кто-то бросилъ на дорогѣ!» сказалъ онъ, осматриваясь по сторонамъ: «должно быть тутъ и свинина есть. Полѣзло же кому-то счастіе наколядовать столько всякой всячины! Экіе страшные мѣшки! Положимъ, что они набиты гречаниками да коржами, и то *добре;* хотя бы были тутъ однѣ паляницы, и то въ *шмакъ*: жидовка за каждую паляницу даетъ осьмуху водки. Утащить скорѣе, чтобы кто не увидѣлъ». Тутъ взвалилъ онъ себѣ на плеча мѣшокъ, съ Чубомъ и дьякомъ, но почувствовалъ, что онъ слишкомъ тяжелъ. «Нѣтъ, одному будеть тяжело несть» проговорилъ онъ: «а вотъ, какъ нарочно, идетъ ткачъ Шапуваленко. Здравствуй, Остапъ!»

«Здравствуй,» сказалъ остановившись ткачъ.

«Куда идешь?»

«А такъ, иду, куда ноги идутъ».

«Помоги, человѣкъ добрый, мѣшки снесть! Кто-то колядовалъ, да и кинулъ посереди дороги. Добромъ раздѣлимся пополамъ».

«Мѣшки? а съ чѣмъ мѣшки, съ книшами или паляницами?»

«Да думаю, всего есть». Тутъ выдернули они наскоро изъ плетня палки, положили на нихъ мѣшокъ и понесли на плечахъ.

«Куда жъ мы понесемъ его? въ шинокъ?» спросилъ дорогою ткачъ.

«Оно бы и я такъ думалъ, чтобы въ шинокъ, но вѣдь проклятая жидовка не повѣритъ, подумаетъ еще, что гдѣ-нибудь украли; къ тому же я только-что изъ шинка. Мы отнесемъ его въ мою хату. Намъ никто не помѣшаетъ: жинки нѣтъ дома».

«Да точно ли нѣтъ дома?» спросилъ осторожный ткачъ.

«Слава Богу, мы несовсѣмъ еще безъ ума» сказалъ кумъ: «чортъ ли бы принесъ меня туда, гдѣ она. Она, думаю, протаскается съ бабами до свѣта».

«Кто тамъ?» закричала кумова жена, услышавъ шумъ въ сѣняхъ, произведенный приходомъ двухъ пріятелей съ мѣшкомъ, и отворяя дверь.

Кумъ остолбенѣлъ.

«Вотъ тебѣ на!» произнесъ ткачъ опустя руки.

Кумова жена была такого рода сокровище,

какихъ не мало на бѣломъ свѣтѣ. Такъ же, какъ и ея мужъ, она почти никогда не сидѣла дома, и почти весь день пресмыкалась у кумушекъ и зажиточныхъ старухъ, хвалила и ѣла съ большимъ аппетитомъ и дралась только поутрамъ съ своимъ мужемъ, потому-что въ это только время и видѣла его иногда. Хата ихъ была вдвое старѣе шароваръ волостнаго писаря: крыша въ нѣкоторыхъ мѣстахъ была безъ соломы. Плетня видны были одни остатки; потому-что всякій, выходившій изъ дому, никогда не бралъ палки для собакъ, въ-надеждѣ, что будетъ проходить мимо кумова огорода и выдернетъ любую изъ его плетня. Печь не топилась дня по три. Все, что̀ ни напрашивала нѣжная супруга у добрыхъ людей, прятала какъ можно подалѣе отъ своего мужа и часто самоуправно отнимала у него добычу, если онъ не успѣвалъ ее пропить въ шинкѣ. Кумъ, несмотря на всегдашнее хладнокровіе, не любилъ уступать ей, и оттого почти всегда уходилъ изъ дому съ фонарями подъ обоими глазами, а дорогая половина, охая, плелась разсказывать старушкамъ о безчинствѣ своего мужа и о претерпѣнныхъ ею отъ него побояхъ.

Теперь можно себѣ представить, какъ были озадачены ткачъ и кумъ такимъ неожиданнымъ явленіемъ. Опустивши мѣшокъ, они заступили его собою и закрыли полами; но уже было поздно: кумова жена, хотя и дурно видѣла старыми глазами, однако жъ мѣшокъ замѣтила. «Вотъ это хорошо!» сказала она съ такимъ видомъ, въ которомъ замѣтна была радость ястреба: «это хорошо, что наколядовали столько! Вотъ такъ всегда дѣлаютъ добрые люди; только нѣтъ, я думаю, гдѣ-нибудь подцѣпили. Покажите мнѣ сейчасъ, слышите, покажите сей же часъ мѣшокъ вашъ!»

«Лысый чортъ тебѣ покажетъ, а не мы» сказалъ, пріосанясь, кумъ.

«Тебѣ какое дѣло?» сказалъ ткачъ: «мы наколядовали, а не ты».

«Нѣтъ, ты мнѣ покажешь, негодный пьяница!» вскричала жена, ударивъ высокаго кума кулакомъ въ подбородокъ, и продираясь къ мѣшку. Но ткачъ и кумъ мужественно отстояли мѣшокъ и заставили ее попятиться назадъ. Не успѣли они оправиться, какъ супруга выбѣжала въ сѣни уже съ кочергою въ рукахъ. Проворно схватила кочергою мужа по рукамъ, ткача по спинѣ, и уже стояла возлѣ мѣшка.

«Что мы допустили ее?» сказалъ ткачъ, очнувшись.

«Э, что мы допустили! а отчего ты допустилъ!» сказалъ хладнокровно кумъ.

«У васъ кочерга, видно, желѣзная!» сказалъ послѣ небольшаго молчанія ткачъ, почесывая спину. «Моя жинка купила прошлый годъ на ярмаркѣ кочергу, дала пивкопы; та ничего... не больно...»

Между-тѣмъ торжествующая супруга, поставивъ на полъ каганецъ, развязала мѣшокъ и заглянула въ него.

Но, вѣрно, старые глаза ея, которые такъ хорошо увидѣли мѣшокъ, на этотъ разъ обманулись. «Э, да тутъ лежитъ цѣлый кабанъ!» вскрикнула она, всплеснувъ отъ радости въ ладоши.

«Кабанъ! слышишь, цѣлый кабанъ!» толкалъ ткачъ кума: «а все ты виноватъ!»

«Чтò жъ дѣлать!» произнесъ, пожимая плечами, кумъ.

«Какъ чтò? чего мы стоимъ? отнимемъ мѣшокъ! ну приступай!»

«Пошла прочь! пошла! это нашъ кабанъ!» кричалъ выступая ткачъ.

«Ступай, ступай, чортова баба! это не твое добро!» говорилъ, приближаясь, кумъ.

Супруга принялась снова за кочергу, но Чубъ въ это время вылѣзъ изъ мѣшка и сталъ посреди сѣней, потягиваясь, какъ человѣкъ, только-что пробудившійся отъ долгаго сна.

Кумова жена вскрикнула, ударивши объ полы руками, и всѣ невольно разинули рты.

«Что жъ она, дура, говоритъ: кабанъ! Это не кабанъ!» сказалъ кумъ выпуча глаза.

«Вишь какого человѣка кинуло въ мѣшокъ!» сказалъ ткачъ, пятясь отъ испугу. «Хоть что хочешь говори, хоть тресни, а не обошлось безъ нечистой силы. Вѣдь онъ не пролѣзетъ въ окошко!»

«Это кумъ!» вскрикнулъ, вглядѣвшись, кумъ.

«А ты думалъ кто?» сказалъ Чубъ, усмѣхаясь. «Что, славную я выкинулъ надъ вами штуку? А вы, небось, хотѣли меня съѣсть вмѣсто свинины? Постойте же я васъ порадую: въ мѣшкѣ лежитъ еще что-то, если не кабанъ, то навѣрно поросенокъ или иная живность. Подо мною безпрестанно что-то шевелилось».

Ткачъ и кумъ кинулись къ мѣшку, хозяйка дома уцѣпилась съ противной стороны, и дра-

ка возобновилась бы снова, если бы дьякъ, увидѣвши теперь, что ему некуда скрыться, не выкарабкался изъ мѣшка.

Кумова жена, остолбенѣвъ, выпустила изъ рукъ ногу, за которую начала-было тянуть дьяка изъ мѣшка.

«Вотъ и другой еще!» вскрикнулъ со страхомъ ткачъ: «чортъ знаетъ, какъ стало на свѣтѣ... голова идетъ кругомъ... не колбасы и не паляницы, а людей кидаютъ въ мѣшки!»

«Это дьяволъ!» произнесъ, изумившись болѣе всѣхъ Чубъ: «вотъ тебѣ на! ай да Солоха! посадить въ мѣшокъ... То-то я гляжу, у нея полная хата мѣшковъ... Теперь я все знаю: у нея въ каждомъ мѣшкѣ сидѣло по два человѣка. А я думалъ, что она только мнѣ одному... вотъ тебѣ и Солоха!»

—

Дѣвушки немного удивились, не найдя одного мѣшка. «Нечего дѣлать, будетъ съ насъ и этого» лепетала Оксана. Всѣ принялись за мѣшокъ и взвалили его на санки. Голова рѣшился

молчать, разсуждая, что если онъ закричитъ, чтобы его выпустили и развязали мѣшокъ — глупыя дѣвчата разбѣгутся, подумаютъ, что въ мѣшкѣ сидитъ дьяволъ, и онъ останется на улицѣ, можетъ-быть, дозавтра. Дѣвушки междутѣмъ, дружно взялись за руки, полетѣли, какъ вихорь, съ санками по скрыпучему снѣгу. Многія изъ нихъ, шаля, садились на санки; другія взбирались на самого голову. Голова рѣшился сносить все. Наконецъ пріѣхали, отворили настежъ дверь въ сѣняхъ и въ хатѣ, и съ хохотомъ втащили мѣшокъ. «Посмотримъ, что-то лежитъ тутъ» закричали всѣ, бросившись развязывать. Тутъ икота, которая не переставала мучить голову во все время сидѣнія его въ мѣшкѣ, такъ усилилась, что онъ началъ икать и кашлять во все горло. «Ахъ, тутъ сидитъ кто-то!» закричали всѣ и въ испугѣ бросились вонъ изъ дверей.

«Что за чортъ! куда вы мечетесь, какъ угорѣлыя?» сказалъ, входя въ дверь, Чубъ.

«Ай, батько!» произнесла Оксана: «въ мѣшкѣ сидитъ кто-то!»

«Въ мѣшкѣ! гдѣ вы взяли этотъ мѣшокъ?»

«Кузнецъ бросилъ его посереди дороги» сказали всѣ вдругъ.

«Ну, такъ, не говорилъ ли я?..» подумалъ просебя Чубъ. «Чего жъ вы испугались? посмотримъ: а ну-ка, человиче, прошу не погнѣваться, что не называемъ по имени и отчеству, вылѣзай изъ мѣшка!»

Голова вылѣзъ.

«Ау!» вскрикнули дѣвушки.

«И голова влѣзъ туда жъ» говорилъ просебя Чубъ въ недоумѣніи, мѣряя его съ головы до ногъ: «вишь какъ!.. Э!..» болѣе онъ ничего не могъ сказать.

Голова самъ былъ не меньше смущенъ и не зналъ, что̀ начать. «Должно-быть, на дворѣ холодно?» сказалъ онъ, обращаясь къ Чубу.

«Морозецъ есть» отвѣчалъ Чубъ: «а позволь спросить тебя: чѣмъ ты смазываешь свои сапоги, смальцемъ, или дегтемъ?» Онъ хотѣлъ не то̀ сказать; онъ хотѣлъ спросить: какъ ты, голова, залѣзъ въ этотъ мѣшокъ? но самъ не понималъ, какъ выговорилъ совершенно другое.

«Дегтемъ лучше» сказалъ голова: «ну, прощай, Чубъ!» и, нахлобучивъ капелюхи, вышелъ изъ хаты.

«Для чего, спросилъ я съ-дуру, чѣмъ онъ мажетъ сапоги!» произнесъ Чубъ, поглядывая на

двери, въ которыя вышелъ голова: «ай да Солоха! эдакого человѣка засадить въ мѣшокъ!... Вишь, чортова баба! А я дуракъ... да гдѣ же тотъ проклятый мѣшокъ?»

«Я кинула его въ уголъ, тамъ больше ничего нѣтъ» сказала Оксана.

«Знаю я эти штуки, ничего нѣтъ! Подайте его сюда: тамъ еще одинъ сидитъ! Встряхните его хорошенько... Что, нѣтъ? Вишь, проклятая баба! А поглядѣть на нее — какъ святая, какъ-будто и скоромнаго никогда не брала въ ротъ».

Но оставимъ Чуба изливать на-досугѣ свою досаду и возвратимся къ кузнецу, потому-что уже на дворѣ, вѣрно, есть часъ девятый.

—

Сначала страшно показалось Вакулѣ, когда поднялся онъ отъ земли на такую высоту, что ничего уже не могъ видѣть внизу и пролетѣлъ, какъ муха, подъ самымъ мѣсяцемъ, такъ-что если бы не наклонился немного, то зацѣпилъ бы его шапкою. Однако жъ, немного спустя, онъ ободрился и уже сталъ подшучивать надъ чортомъ.

Все было свѣтло въ вышинѣ. Воздухъ, въ легкомъ серебряномъ туманѣ, былъ прозраченъ. Все было видно, и даже можно было замѣтить, какъ вихремъ пронесся мимо ихъ, сидя въ горшкѣ, колдунъ; какъ звѣзды, собравшись въ кучу, играли въ жмурки; какъ облакомъ клубился въ сторонѣ цѣлый рой духовъ; какъ плясавшій при мѣсяцѣ чортъ снялъ шапку, увидѣвши кузнеца, скачущаго верхомъ; какъ летѣла возвращавшаяся назадъ метла, на которой, видно, только-что съѣздила, куда нужно, вѣдьма... много еще дряни встрѣчали они. Все, видя кузнеца, на минуту останавливалось поглядѣть на него, и потомъ снова неслось далѣе и продолжало свое; кузнецъ все летѣлъ, и вдругъ заблестѣлъ передъ нимъ Петербургъ весь въ огнѣ. (Тогда была по какому-то случаю иллюминація). Чортъ, перелетѣвъ черезъ шлагбаумъ, оборотился въ коня, и кузнецъ увидѣлъ себя на лихомъ бѣгунѣ середи улицы. Боже мой! стукъ, громъ, блескъ; по обѣимъ сторонамъ громоздятся четырехъ-этажныя стѣны; стукъ конскихъ копытъ и колесъ отзывался громомъ и отдавался съ четырехъ сторонъ; дома росли, и будто подымались изъ земли на каждомъ шагу; мосты дрожали; кареты летѣли;

извощики, форейторы кричали; снѣгъ свистѣлъ подъ тысячью летящихъ со всѣхъ сторонъ саней; пѣшеходы жались и тѣснились подъ домами, унизанными плошками, и огромныя тѣни ихъ мелькали по стѣнамъ, досягая головою трубъ и крышъ. Съ изумленіемъ оглядывался кузнецъ на всѣ стороны. Ему казалось, что всѣ дома устремили на него свои безчисленныя огненныя очи и глядѣли. Господъ въ крытыхъ сукномъ шубахъ, онъ увидѣлъ такъ много, что не зналъ, кому шапку снимать. «Боже ты мой, сколько тутъ панства!» подумалъ кузнецъ: «я думаю, каждый, кто ни пройдетъ по улицѣ въ шубѣ, то и засѣдатель, то и засѣдатель! а тѣ, что катаются въ такихъ чудныхъ бричкахъ со стеклами, тѣ, когда не городничіе, то вѣрно коммисары, а можетъ, еще и больше». Его слова прерваны были вопросомъ чорта: «Прямо ли ѣхать къ царицѣ!» — «Нѣтъ, страшно» подумалъ кузнецъ: «тутъ, гдѣ-то, не знаю, пристали запорожцы, которые проѣзжали осенью чрезъ Диканьку. Они ѣхали изъ Сѣчи съ бумагами къ царицѣ; все бы таки посовѣтоваться съ ними. Эй, сатана! полѣзай ко мнѣ въ карманъ, да веди къ запорожцамъ!» Чортъ въ одну минуту

похудѣлъ и сдѣлался такимъ маленькимъ, что безъ труда влѣзъ къ нему въ карманъ. А Вакула не успѣлъ оглянуться, какъ очутился передъ большимъ домомъ, вошелъ, самъ не зная какъ, на лѣстницу, отворилъ дверь и подался немного назадъ отъ блеска, увидѣвши убранную комнату; но немного ободрился, узнавши тѣхъ самыхъ запорожцевъ, которые проѣзжали черезъ Диканьку, а теперь сидѣли на шолковыхъ диванахъ, поджавъ подъ себя намазанные дегтемъ сапоги, и курили самый крѣпкій табакъ, называемый обыкновенно корешками.

«Здравствуйте, панове! помогай Богъ вамъ! вотъ гдѣ увидѣлись!» сказалъ кузнецъ, подошедши ближе и отвѣсивши поклонъ до земли.

«Что тамъ за человѣкъ?» спросилъ сидѣвшій передъ самымъ кузнецомъ другаго, сидѣвшаго подалѣе.

«А вы не познали?» сказалъ кузнецъ: «это я, Вакула, кузнецъ! Когда проѣзжали осенью черезъ Диканьку, то прогостили, дай Боже вамъ всякаго здоровья и долголѣтія, безъ малаго два дня. Я новую шину тогда поставилъ на переднее колесо вашей кибитки!»

«А!» сказалъ тотъ же запорожецъ: «это тотъ

самый кузнецъ, который малюетъ важно. Здорово, землякъ! зачѣмъ тебя Богъ принесъ?»

«А такъ, захотѣлось поглядѣть, говорятъ...»

«Что жъ, землякъ» сказалъ, пріосанясь, запорожецъ и желая показать, что онъ можетъ говорить и по-русски: «што, балшой городъ?»

Кузнецъ и себя не хотѣлъ осрамить и показаться новичкомъ; притомъ же, какъ имѣли случай видѣть выше сего, онъ зналъ и самъ грамотный языкъ. «Губернія знатная!» отвѣчалъ онъ равнодушно: «нечего сказать, домы балшущіе, картины висятъ скрозь важныя. Многіе домы исписаны буквами изъ сусальнаго золота до чрезвычайности. Нечего сказать, чудная пропорція!»

Запорожцы, услышавши кузнеца, такъ свободно изъясняющагося, вывели заключеніе, очень для него выгодное.

«Послѣ потолкуемъ съ тобою, землякъ, побольше; теперь же мы ѣдемъ сейчасъ къ царицѣ».

«Къ царицѣ? А будьте ласковы, панове, возьмите и меня съ собою!»

«Тебя?» произнесъ запорожецъ съ такимъ видомъ, съ какимъ говоритъ дядька четырехъ-лѣтне-

му своему воспитаннику, который проситъ посадить его на настоящую, на большую лошадь: «Что ты будешь тамъ дѣлать? Нѣтъ, не можно». При этомъ на лицѣ его выразилась значительная мина. «Мы, братъ, будемъ съ царицею толковать про свое».

«Возьмите» настаивалъ кузнецъ. «Проси!» шепнулъ онъ тихо чорту, ударивъ кулакомъ по карману. Не успѣлъ онъ этого сказать, какъ другой запорожецъ проговорилъ: «Возьмемъ его, въ-самомъ-дѣлѣ, братцы!»

«Пожалуй, возьмемъ!» произнесли другіе.

«Надѣвай же платье такое, какъ и мы».

Кузнецъ схватился натянуть на себя зеленый жупанъ, какъ вдругъ дверь отворилась и вошедшій съ позументами человѣкъ сказалъ, что пора ѣхать.

Чудно снова показалось кузнецу, когда онъ понесся въ огромной каретѣ, качаясь на рессорахъ, когда съ обѣихъ сторонъ мимо его бѣжали назадъ четырехъ-этажные дома, и мостовая, гремя, казалось, сама катилась подъ ноги лошадямъ.

«Боже ты мой, какой свѣтъ!» думалъ про-себя кузнецъ: «у насъ днемъ не бываетъ такъ свѣтло».

Кареты остановились передъ дворцомъ. Запорожцы вошли, вступили въ великолѣпныя сѣни и начали подыматься на блистательно-освѣщенную лѣстницу. «Что за лѣстница!» шепталъ про-себя кузнецъ: «жаль ногами топтать. Экія украшенія! Вотъ говорятъ: лгутъ сказки! кой чортъ лгутъ! Боже ты мой, что за перила! какая работа! тутъ одного желѣза рублей на пятьдесятъ пошло!»

Уже взобравшись на лѣстницу, запорожцы прошли первую залу. Робко слѣдовалъ за ними кузнецъ, опасаясь на каждомъ шагу поскользнуться на паркетѣ. Прошли три залы, кузнецъ все еще не переставалъ удивляться. Вступивши въ четвертую, онъ невольно подошелъ къ висѣвшей на стѣнѣ картинѣ. Это была Пречистая Дѣва съ Младенцемъ на рукахъ: «Что за картина! что за чудная живопись!» разсуждалъ онъ: «вотъ, кажется, говоритъ! кажется, живая! а Дитя Святое! и ручки прижало, и усмѣхается, бѣдное! а краски! Боже ты мой, какія краски! тутъ вохры, я думаю, и на копѣйку не пошло, все ярь, да баканъ; а голубая такъ и горитъ! важная работа! Должно-быть грунтъ наведенъ былъ блейвасомъ. Сколь однако жъ ни удивительны

сіи малеванія, но эта мѣдная ручка» продолжалъ онъ, подходя къ двери и щупая замокъ: «еще большаго достойна удивленія; экъ какая чистая выдѣлка! это все, я думаю, нѣмецкіе кузнецы, за самыя дорогія цѣны, дѣлали...» Можетъ-быть, долго еще бы разсуждалъ кузнецъ, если бы лакей съ галунами не толкнулъ его подъ руку и не напомнилъ, чтобы онъ не отставалъ отъ другихъ. Запорожцы прошли еще двѣ залы и остановились. Тутъ велѣно имъ было дожидаться. Въ залѣ толпилось нѣсколько генераловъ въ шитыхъ золотомъ мундирахъ. Запорожцы поклонились на всѣ стороны и стали въ кучу. Минуту, спустя вошелъ, въ сопровожденіи цѣлой свиты, величественнаго роста, довольно плотный человѣкъ въ гетманскомъ мундирѣ и желтыхъ сапожкахъ. Волосы на немъ были растрепаны, одинъ глазъ немного кривъ, на лицѣ изображалась какая-то надменная величавость, во всѣхъ движеніяхъ видна была привычка повелѣвать. Всѣ генералы, которые расхаживали довольно спѣсиво въ золотыхъ мундирахъ, засуетились и съ низкими поклонами, казалось, ловили каждое его слово и даже малѣйшее движеніе, чтобы сейчасъ летѣть выполнять его. Но гетманъ не обратилъ даже и

вниманія на все это, едва кивнулъ головою и подошелъ къ запорожцамъ.

Запорожцы всѣ отвѣсили поклонъ въ-ноги.

«Всѣ ли вы здѣсь?» спросилъ онъ протяжно, произнося слова немного въ носъ.

«Та вси, батько!» отвѣчали запорожцы, кланяясь снова.

«Не забудьте говорить такъ, какъ я васъ училъ!»

«Нѣтъ, батько, не позабудемъ».

«Это царь?» спросилъ кузнецъ одного изъ запорожцевъ.

«Куда тебѣ царь! это самъ Потемкинъ» отвѣчалъ тотъ.

Въ другой комнатѣ послышались голоса, и кузнецъ не зналъ, куда дѣть свои глаза отъ множества вошедшихъ дамъ, въ атласныхъ платьяхъ съ длинными хвостами, и придворныхъ, въ шитыхъ золотомъ кафтанахъ и съ пучками назади. Онъ только видѣлъ одинъ блескъ и больше ничего. Запорожцы вдругъ всѣ пали на землю и закричали въ одинъ голосъ: «Помилуй, мамо! помилуй!» Кузнецъ, не видя ничего, растянулся и самъ, со всѣмъ усердіемъ, на полу.

«Встаньте!» прозвучалъ надъ ними повелитель-

ный и вмѣстѣ пріятный голосъ. Нѣкоторые изъ придворныхъ засуетились и толкали запорожцевъ.

«Не встанемъ, мамо! не встанемъ! умремъ, а не встанемъ!» кричали запорожцы.

Потемкинъ кусалъ себѣ губы; наконецъ подошелъ самъ и повелительно шепнулъ одному изъ запорожцевъ. Запорожцы поднялись.

Тутъ осмѣлился и кузнецъ поднять голову и увидѣлъ стоявшую передъ собою небольшаго роста женщину, нѣсколько даже дородную, напудренную, съ голубыми глазами и вмѣстѣ съ тѣмъ величественно-улыбающимся видомъ, который такъ умѣлъ покорять себѣ все и могъ только принадлежать одной царствующей женщинѣ.

«Свѣтлѣйшій обѣщалъ меня познакомить сегодня съ моимъ народомъ, котораго я до-сихъ-поръ еще не видала» говорила дама съ голубыми глазами, разсматривая съ любопытствомъ запорожцевъ: «хорошо ли васъ здѣсь содержатъ?» продолжала она, подходя ближе.

«*Та спасиби, мамо!* Провіантъ даютъ хорошій, хотя бараны здѣшніе совсѣмъ не то, что у насъ на Запорожьи, — почему жъ не жить какъ-нибудь?...»

Потемкинъ поморщился, видя, что запорожцы говорятъ совершенно не то̀, чему онъ ихъ училъ....

Одинъ изъ запорожцевъ, пріосанясь, выступилъ впередъ: «Помилуй, мамо! чѣмъ тебя твой вѣрный народъ прогнѣвалъ? Развѣ держали мы руку поганаго татарина; развѣ соглашались въ чемъ-либо съ турчиномъ; развѣ измѣнили тебѣ дѣломъ или помышленіемъ! За что̀ жъ немилость? Прежде слышали мы, что приказываешь вездѣ строить крѣпости отъ насъ; послѣ слышали, что хочешь *поворотить въ карабинеры*; теперь слышимъ новыя напасти. Чѣмъ виновато запорожское войско? тѣмъ ли, что перевело твою армію чрезъ Перекопъ и помогло твоимъ енараламъ порубать крымцевъ?...»

Потемкинъ молчалъ и небрежно чистилъ небольшою щеточкою свои брилльянты, которыми были унизаны его руки.

«Чего же хотите вы?» заботливо спросила Екатерина.

Запорожцы значительно взглянули другъ на друга.

«Теперь пора! царица спрашиваетъ, чего хо-

тите?» сказалъ самъ-себѣ кузнецъ и вдругъ повалился на землю:

«Ваше царское величество, не прикажите казнить, прикажите миловать! Изъ чего, не во гнѣвъ будь сказано вашей царской милости, сдѣланы черевики, что на ногахъ вашихъ? Я думаю, ни одинъ швецъ, ни въ одномъ государствѣ на свѣтѣ не съумѣетъ такъ сдѣлать. Боже ты мой, что, если бы моя жинка надѣла такіе черевики!»

Государыня засмѣялась. Придворные засмѣялись тожъ. Потемкинъ и хмурился и улыбался вмѣстѣ. Запорожцы начали толкать подъ руку кузнеца, думая, не съ ума ли онъ сошелъ.

«Встань!» сказала ласково государыня: «если тебѣ такъ хочется имѣть такіе башмаки, то это не трудно сдѣлать. Принесите ему сей же часъ башмаки самые дорогіе, съ золотомъ! Право, мнѣ очень нравится это простодушіе! Вотъ, вамъ» продолжала государыня, устремивъ глаза на стоявшаго подалѣе отъ другихъ господина, съ полнымъ, но нѣсколько блѣднымъ лицомъ, котораго скромный кафтанъ съ большими перламутровыми пуговицами показывалъ, что онъ не принадлежалъ

къ числу придворныхъ: «предметъ, достойный остроумнаго пера вашего!»

«Вы, ваше императорское величество, слишкомъ милостивы. Тутъ нуженъ, по-крайней-мѣрѣ, Лафонтенъ!» отвѣчалъ, поклонясь, господинъ съ перламутровыми пуговицами.

«По-чести, скажу вамъ: я до-сихъ-поръ безъ памяти отъ вашего «Бригадира». Вы удивительно хорошо читаете! Однако жъ» продолжала государыня, обращаясь снова къ запорожцамъ: «я слышала, что на Сѣчѣ у васъ никогда не женятся».

«*Якъ же, мамо!* вѣдь человѣку, сама знаешь, безъ жинки нельзя жить» отвѣчалъ тотъ самый запорожецъ, который разговаривалъ съ кузнецомъ, и кузнецъ удивился, слыша, что этотъ запорожецъ, зная такъ хорошо грамотный языкъ, говоритъ съ царицею, какъ-будто нарочно, самымъ грубымъ, обыкновенно называемымъ мужицкимъ нарѣчіемъ. «Хитрый народъ!» подумалъ онъ самъ-себѣ: «вѣрно, не даромъ онъ это дѣлаетъ».

«Мы не чернецы» продолжалъ запорожецъ: «а люди грѣшные. Падки, какъ и все честное христіанство, до скоромнаго. Есть у насъ не ма-

ло такихъ, которые имѣютъ женъ, только не живутъ съ ними на Сѣчѣ. Есть такіе, что имѣютъ женъ въ Польшѣ; есть такіе, что имѣютъ женъ въ Украйнѣ; есть такіе, что имѣютъ женъ и въ Турещинѣ».

Въ это время кузнецу принесли башмаки. «Боже ты мой, что за украшеніе!» вскрикнулъ онъ радостно, ухвативъ башмаки: «ваше царское величество! что жъ, когда башмаки такіе на ногахъ, и въ нихъ, чаятельно, ваше благородіе, ходите и на ледъ *ковзяться*, какія жъ должны быть самыя ножки? думаю, по малой мѣрѣ, изъ чистаго сахару».

Государыня, которая точно имѣла самыя стройныя и прелестныя ножки, не могла не улыбнуться, слыша такой комплиментъ изъ устъ простодушнаго кузнеца, который въ своемъ запорожскомъ платьи могъ почесться красавцемъ, несмотря на смуглое лицо.

Обрадованный такимъ благосклоннымъ вниманіемъ, кузнецъ уже хотѣлъ-было разспросить хорошенько царицу обо всемъ: правда ли, что цари ѣдятъ одинъ только медъ, да сало, и тому подобное, — но, почувствовавъ, что запорожцы толкаютъ его подъ бока, рѣшился замолчать; и

когда государыня, обратившись къ старикамъ, начала разспрашивать, какъ у нихъ живутъ на Сѣчѣ, какіе обычаи водятся — онъ, отошедши назадъ, нагнулся къ карману, сказалъ тихо: «Выноси меня отсюда скорѣе!» и вдругъ очутился за шлагбаумомъ.

—

«Утонулъ! ейбогу, утонулъ! вотъ, чтобы я не сошла съ этого мѣста, если не утонулъ!» лепетала толстая ткачиха, стоя въ кучѣ диканьскихъ бабъ, посереди улицы.

«Что жъ, развѣ я лгунья какая? развѣ я у кого-нибудь корову украла? развѣ я сглазила кого, что ко мнѣ не имѣютъ вѣры?» кричала баба въ казацкой свиткѣ съ фіолетовымъ носомъ, размахивая руками: «вотъ, чтобы мнѣ воды не захотѣлось пить, если старая Переперчиха не видѣла собственными глазами, какъ повѣсился кузнецъ!»

«Кузнецъ повѣсился? вотъ тебѣ на!» сказалъ голова, выходившій отъ Чуба, остановился и протѣснился ближе къ разговаривавшимъ.

«Скажи лучше, чтобъ тебѣ водки не захотѣлось пить, старая пьяница!» отвѣчала ткачиха: «нужно быть такой сумасшедшей, какъ ты, чтобы повѣситься! Онъ утонулъ! утонулъ въ проруби! Это я такъ знаю, какъ то̀, что ты была сейчасъ у шинкарки».

«Срамница! вишь, чѣмъ стала попрекать?» гнѣвно возразила баба съ фіолетовымъ носомъ: «молчала бы, негодница! Развѣ я не знаю, что къ тебѣ дьякъ ходитъ каждый вечеръ».

Ткачиха вспыхнула.

«Что дьякъ? къ кому дьякъ? что ты врешь?»

«Дьякъ?» пропѣла, тѣснясь къ ссорившимся, дьячиха, въ тулупѣ изъ заячьяго мѣха, крытомъ синею китайкой: «я дамъ знать дьяка! Кто это говоритъ дьякъ?»

«А вотъ къ кому ходитъ дьякъ!» сказала баба съ фіолетовымъ носомъ, указывая на ткачиху.

«Такъ это ты, сука» сказала дьячиха, подступая къ ткачихѣ: «такъ это ты, вѣдьма, напускаешь на него туманъ и поишь нечистымъ зельемъ, чтобы ходилъ къ тебѣ?»

«Отвяжись отъ меня, сатана!» говорила, пятясь, ткачиха.

«Вишь, проклятая вѣдьма, чтобъ ты не до-

ждалась дѣтей своихъ видѣть, негодная! тьфу!..» тутъ дьячиха плюнула прямо въ глаза ткачихѣ.

Ткачиха хотѣла сдѣлать тò же, но вмѣсто того плюнула въ небритую бороду головѣ, который, чтобы лучше все слышать, подобрался къ самымъ спорившимъ. «А, скверная баба!» закричалъ голова, обтирая полою лицо и поднявши кнутъ. Это движеніе заставило всѣхъ разойтись съ ругательствами, въ разныя стороны. «Экая мерзость!» повторялъ голова, продолжая обтираться. «Такъ кузнецъ утонулъ! Боже ты мой, а какой важный живописецъ былъ! Какіе ножи крѣпкіе, серпы, плуги умѣлъ выковывать! Что за сила была! Да» продолжалъ онъ, задумавшись: «такихъ людей мало у насъ на селѣ. То-то я, еще сидя въ проклятомъ мѣшкѣ, замѣчалъ, что бѣдняжка былъ крѣпко не въ духѣ. Вотъ тебѣ и кузнецъ! былъ, а теперь и нѣтъ! А я собирался-было подковать свою рябую кобылу!...» и будучи полонъ такихъ христіанскихъ мыслей, голова тихо побрелъ въ свою хату.

Оксана смутилась, когда до нея дошли такія вѣсти; она мало вѣрила глазамъ Переперчихи и толкамъ бабъ: она знала, что кузнецъ довольно

набоженъ, чтобы рѣшиться погубить свою душу. Но что, если онъ, въ-самомъ-дѣлѣ, ушелъ съ намѣреніемъ никогда не возвращаться въ село? А врядъ-ли и въ другомъ мѣстѣ найдется такой молодецъ, какъ кузнецъ. Онъ же такъ любилъ ее! Онъ долѣе всѣхъ выносилъ ея капризы! Красавица всю ночь подъ своимъ одѣяломъ поворачивалась съ праваго бока на лѣвый, съ лѣваго на правый, и не могла заснуть. То, разметавшись въ обворожительной наготѣ, которую ночной мракъ скрывалъ даже отъ нея самой, она почти вслухъ бранила себя; то, прiутихнувъ, рѣшалась ни о чемъ не думать — и все думала; и вся горѣла; и къ утру влюбилась по-уши въ кузнеца.

Чубъ не изъявилъ ни радости, ни печали объ участи Вакулы. Его мысли заняты были однимъ: онъ никакъ не могъ позабыть вѣроломства Солохи и, сонный, не переставалъ бранить ее.

Настало утро. Вся церковь еще до свѣта была полна народа. Пожилыя женщины, въ бѣлыхъ намиткахъ, въ бѣлыхъ суконныхъ свиткахъ, набожно крестились у самаго входа церковнаго. Дворянки, въ зеленыхъ и желтыхъ кофтахъ, а иныя даже въ синихъ кунтушахъ

съ золотыми назади усами, стояли впереди нихъ. Дѣвчата, у которыхъ на головахъ намотана была цѣлая лавка лентъ, а на шеѣ, монистъ, крестовъ и дукатовъ, старались пробраться еще ближе къ иконостасу. Но впереди всѣхъ стояли дворяне и простые мужики съ усами, съ чубами, съ толстыми шеями, и только-что выбритыми подбородками, всѣ большою частію въ кобенякахъ, изъ-подъ которыхъ выказывалась бѣлая, а у иныхъ и синяя свитка. На всѣхъ лицахъ, куда ни взглянн, видѣнъ былъ праздникъ. Голова облизывался, воображая, какъ онъ разговѣется колбасою; дѣвчата помышляли о томъ, какъ онѣ будутъ *ковзаться съ хлопцами* на льду; старухи усерднѣе, нежели когда-либо, шептали молитвы. По всей церкви слышно было, какъ казакъ Свербыгузъ клалъ поклоны. Одна только Оксана стояла какъ-будто не своя: молилась и не молилась. На сердцѣ у нея столпилось столько разныхъ чувствъ, одно другаго досаднѣе, одно другаго печальнѣе, что лицо ея выражало одно только сильное смущеніе; слезы дрожали на глазахъ. Дѣвчата не могли понять этому причины и не подозрѣвали,

чтобы виною былъ кузнецъ. Однако жъ, не одна Оксана была занята кузнецомъ. Всѣ міряне замѣтили, что праздникъ — какъ-будто не праздникъ; что какъ-будто все чего-то недостаетъ. Какъ на бѣду, дьякъ, послѣ путешествія въ мѣшкѣ, охрипъ и дребезжалъ едва слышнымъ голосомъ; правда, пріѣзжій пѣвчій славно бралъ баса; но куда бы лучше, если бы и кузнецъ былъ, который всегда, бывало, какъ только пѣли «Отче нашъ» или «Иже херувимы» всходилъ на крылосъ и выводилъ оттуда тѣмъ же самымъ напѣвомъ, какимъ поютъ и въ Полтавѣ. Къ тому же онъ одинъ исправлялъ должность церковнаго титора. Уже отошла заутреня; послѣ заутрени отошла обѣдня... куда жъ это, въ-самомъ-дѣлѣ, запропастился кузнецъ?

—

Еще быстрѣе въ остальное время ночи несся чортъ съ кузнецомъ назадъ. И мигомъ очутился Вакула подлѣ своей хаты. Въ это время пропѣлъ

пѣтухъ. «Куда?» закричалъ кузнецъ, ухватя за хвостъ хотѣвшаго убѣжать чорта: «постой, пріятель, еще не все: я еще не поблагодарилъ тебя». Тутъ, схвативши хворостину, отвѣсилъ онъ ему три удара, и бѣдный чортъ припустилъ бѣжать, какъ мужикъ, котораго только-что выпарилъ засѣдатель. Итакъ, вмѣсто того, чтобы провесть, соблазнить и одурачить другихъ, врагъ человѣческаго рода былъ самъ одураченъ. Послѣ сего Вакула вошелъ въ сѣни, зарылся въ сѣно и проспалъ до обѣда. Проснувшись, онъ испугался, когда увидѣлъ, что солнце уже высоко: «Я проспалъ заутреню и обѣдню!» Тутъ благочестивый кузнецъ погрузился въ уныніе, разсуждая, что это, вѣрно Богъ, нарочно, въ наказаніе за грѣшное его намѣреніе погубить свою душу, наслалъ сонъ, который не далъ даже ему побывать, въ такой торжественный праздникъ, въ церкви. Но однако жъ, успокоивъ себя тѣмъ, что въ слѣдующую недѣлю исповѣдается въ этомъ попу, и съ нынѣшняго же дня начнетъ бить по пятидесяти поклоновъ цѣлый годъ, заглянулъ онъ въ хату; но въ ней не было никого. Видно, Солоха еще не возвращалась. Бережно вынулъ онъ изъ-за пазухи башмаки и снова

изумился дорогой работѣ и чудному происшествію минувшей ночи; умылся, одѣлся какъ можно лучше, надѣлъ то самое платье, которое досталъ отъ запорожцевъ, вынулъ изъ сундука новую шапку изъ рѣшетиловскихъ смушекъ съ синимъ верхомъ, которой не надѣвалъ еще ни разу съ того времени, какъ купилъ ее еще въ бытность въ Полтавѣ; вынулъ также новый всѣхъ цвѣтовъ поясъ; положилъ все это вмѣстѣ съ нагайкою въ платокъ и отправился прямо къ Чубу.

Чубъ выпучилъ глаза, когда вошелъ къ нему кузнецъ, и не зналъ, чему дивиться: тому ли, что кузнецъ воскресъ, тому ли, что кузнецъ смѣлъ къ нему притти, или тому, что онъ нарядился такимъ щеголемъ и запорожцемъ. Но еще больше изумился онъ, когда Вакула развязалъ платокъ и положилъ предъ нимъ новехонькую шапку и поясъ, какого не видано было на селѣ, а самъ повалился ему въ ноги и проговорилъ умоляющимъ голосомъ: «Помилуй, батько! не гнѣвись! вотъ тебѣ и нагайка: бей, сколько душа пожелаетъ, отдаюсь самъ; во всемъ каюсь; бей, да не гнѣвись только! Ты жъ, когда-то, братался съ покойнымъ батькомъ, вмѣстѣ хлѣбъ-соль ѣли и магарычь пили».

Чубъ не безъ тайнаго удовольствія видѣлъ, какъ кузнецъ, который никому на селѣ въ усъ не дулъ, сгибалъ въ рукѣ пятаки и подковы, какъ гречневые блины, тотъ самый кузнецъ лежалъ у ногъ его. Чтобъ еще больше не уронить себя, Чубъ взялъ нагайку и ударилъ его три раза по спинѣ: «Ну, будетъ съ тебя, вставай! старыхъ людей всегда слушай! Забудемъ все, что̀ было межъ нами! Ну, теперь говори, чего тебѣ хочется?»

«Отдай, батько, за меня Оксану!»

Чубъ немного подумалъ, поглядѣлъ на шапку и поясъ: шапка была чудная, поясъ также не уступалъ ей; вспомнилъ о вѣроломной Солохѣ и сказалъ рѣшительно: «*добре!* присылай сватовъ!»

«Ай!» вскрикнула Оксана, переступивъ черезъ порогъ и увидѣвъ кузнеца, и вперила съ изумленіемъ и радостію въ него очи.

«Погляди, какіе я тебѣ принесъ черевики!» сказалъ Вакула: «тѣ самые, что носитъ царица».

«Нѣтъ, нѣтъ! мнѣ не нужно черевиковъ!» говорила она, махая руками и не сводя съ него очей: «я и безъ черевиковъ...» далѣе она не договорила и покраснѣла.

Кузнецъ подошелъ ближе, взялъ ее за руку; красавица и очи потупила. Еще никогда не была она такъ чудно-хороша. Восхищенный кузнецъ тихо поцаловалъ ее, и лицо ея пуще загорѣлось, и она стала еще лучше.

—

Проѣзжалъ черезъ Диканьку блаженной памяти архіерей, хвалилъ мѣсто, на которомъ стоитъ село, и проѣзжая по улицѣ, остановился передъ новою хатою. «А чья это такая размалеванная хата?» спросилъ преосвященный у стоявшей близъ дверей красивой женщины съ дитятей на рукахъ. «Кузнеца Вакулы!» сказала ему, кланяясь, Оксана, потому-что это именно была она. «Славно! славная работа!» сказалъ преосвященный, разглядывая двери и окна. А окна всѣ были обведены кругомъ красною краскою; на дверяхъ же вездѣ были казаки на лошадяхъ съ трубками въ зубахъ. Но еще больше похвалилъ преосвященный Вакулу, когда узналъ, что онъ выдержалъ церковное покаяніе и выкрасилъ даромъ весь лѣвый крылосъ зеленою краскою съ

красными цвѣтами. Это, однако жъ, не все: на стѣнѣ сбоку, какъ войдешь въ церковь, намалевалъ Вакула чорта въ аду, такого гадкаго, что всѣ плевали, когда проходили мимо; а бабы, какъ только расплакивалось у нихъ на рукахъ дитя, подносили его къ картинѣ и говорили: «*онъ бачь, яка кака намалевана!*» и дитя, удерживая слезёнки, косилось на картину и жалось къ груди своей матери.

СТРАШНАЯ МЕСТЬ.

СТРАШНАЯ МЕСТЬ.

I.

Шумитъ, гремитъ конецъ Кіева: есаулъ Горобецъ празднуетъ свадьбу своего сына. Наѣхало много людей къ есаулу въ-гости. Въ старину любили хорошенько поѣсть, еще лучше любили попить, а еще лучше любили повеселиться. Пріѣхалъ на гнѣдомъ конѣ своемъ и запорожецъ Микитка прямо съ разгульной попойки съ Перешляя поля, гдѣ поилъ онъ семь дней и семь но-

чей королевскихъ шляхтичей краснымъ виномъ. Пріѣхалъ и названный братъ есаула, Данило Бурульбашъ, съ другаго берега Днѣпра, гдѣ, промежъ двумя горами, былъ его хуторъ, съ молодою женою Катериною и съ годовымъ сыномъ. Дивилися гости бѣлому лицу пани Катерины, чорнымъ, какъ нѣмецкій бархатъ, бровямъ, нарядной сукнѣ и исподницѣ изъ голубаго полутабенеку, сапогамъ съ серебряными подковами; но еще больше дивились тому, что не пріѣхалъ вмѣстѣ съ нею старый отецъ. Всего только годъ жилъ онъ на задпѣпровьи, а двадцать одинъ пропадалъ безъ вѣсти и воротился къ дочкѣ своей, когда уже та вышла замужъ и родила сына. Онъ, вѣрно, много наразсказалъ бы дивнаго. Да какъ и не разсказать, бывши такъ долго въ чужой землѣ! Тамъ все не такъ: и люди не тѣ, и церквей христовыхъ нѣтъ... Но онъ не пріѣхалъ. Гостямъ поднесли варенуху съ изюмомъ и сливами, и на немаломъ блюдѣ каравай. Музыканты принялись за исподку его, испеченную вмѣстѣ съ деньгами и, навремя притихнувъ, положили возлѣ себя цымбалы, скрыпки и бубны. Между-тѣмъ молодицы и дѣвчата, утершись шитыми платками, выступали снова изъ

рядовъ своихъ; а парубки, схватившись въ боки, гордо озираясь на стороны, готовы были понестись имъ на-встрѣчу — какъ старый есаулъ вынесъ двѣ иконы благословить молодыхъ. Тѣ иконы достались ему отъ честнаго схимника, старца Варѳоломея. Не богата на нихъ утварь, не горитъ ни серебро, ни золото, но никакая нечистая сила не посмѣетъ прикоснуться къ тому, у кого онѣ въ домѣ. Приподнявъ иконы вверхъ, есаулъ готовился сказать краткую молитву... какъ вдругъ закричали, перепугавшись, игравшіе на землѣ дѣти, а вслѣдъ за ними попятился народъ, и всѣ показывали со страхомъ пальцами на стоявшаго посреди ихъ казака. Кто онъ таковъ — никто не зналъ. Но уже онъ протанцовалъ на-славу казачка и уже успѣлъ насмѣшить обступившую его толпу. Когда же есаулъ поднялъ иконы, вдругъ все лицо казака перемѣнилось: носъ выросъ и наклонился на-сторону, вмѣсто карихъ, запрыгали зеленыя очи, губы засинѣли, подбородокъ задрожалъ и заострился, какъ копье, изо рта выбѣжалъ клыкъ, изъ-за головы поднялся горбъ, и сталъ казакъ — старикъ. «Это онъ! это онъ!» кричали въ толпѣ, тѣсно прижимаясь другъ къ другу. «Колдунъ

показался снова!» кричали матери, хватая за руки дѣтей своихъ. Величаво и сановито выступилъ впередъ есаулъ и сказалъ громкимъ голосомъ, выставивъ противъ него иконы: «пропади образъ сатаны, тутъ тебѣ нѣтъ мѣста!» и зашипѣвъ и щолкнувъ, какъ волкъ, зубами, пропалъ чудный старикъ. Пошли, пошли и зашумѣли, какъ море въ непогоду, толки и рѣчи между народомъ. «Что это за колдунъ?» спрашивали молодые и небывалые люди. «Бѣда будетъ!» говорили старые, качая головами. И вездѣ, по всему подворью есаула, стали собираться въ кучки и слушать исторіи про чуднаго колдуна. Но всѣ почти говорили разно, и навѣрно никто не могъ разсказать про него. На дворъ выкатили бочку меду и не мало поставили ведеръ грецкаго вина; все повеселѣло снова; музыканты грянули — дѣвчата, молодцы, лихое казачество, въ яркихъ жупанахъ, понеслись. Девяностолѣтнее и столѣтнее старье, подгулявъ, пустилось и себѣ приплясывать, поминая не даромъ пропавшіе годы. Пировали до поздней ночи, и пировали такъ, какъ теперь уже не пируютъ. Стали гости расходиться, но мало побрело во свояси: много осталось ночевать у есаула на ши-

рокомъ дворѣ; а еще больше казачества заснуло, непрошенное, подъ лавками, на полу, возлѣ коня, близъ хлѣва; гдѣ пошатнулась съ хмѣля казацкая голова, тамъ и лежитъ и храпитъ на весь Кіевъ.

II.

Тихо свѣтитъ по всему міру: то мѣсяцъ показался изъ-за горы. Будто дамасскою дорогóю и бѣлою, какъ снѣгъ, кисеею покрылъ онъ гористый берегъ Днѣпра, и тѣнь ушла еще далѣе въ чащу сосенъ.

Посереди Днѣпра плылъ дубъ. Сидятъ впереди два хлопца: чорныя казацкія шапки набекрень, и подъ веслами, какъ-будто отъ огнива огонь, летятъ брызги во всѣ стороны.

Отчего не поютъ казаки? Не говорятъ ни о томъ, какъ уже ходятъ по Украйнѣ ксензы и перекрещиваютъ казацкій народъ въ католиковъ; ни о томъ, какъ два дня билась при Соленомъ озерѣ орда. Какъ имъ пѣть, какъ говорить про лихія дѣла: панъ ихъ Данило призадумался, и рукавъ его кармазиннаго жупана опустился изъ дуба и черпаетъ воду; пани ихъ Катерина тихо колышетъ дитя и не сводитъ съ него очей, а на незастланную полотномъ нарядную сукню сѣрою пылью валится вода. Любо глянуть съ середины Днѣпра на высокія горы, на широкіе луга, на зеленые лѣса! Горы тѣ, не горы: подошвы у нихъ нѣтъ, внизу ихъ, какъ и вверху, острая вершина и подъ ними и надъ ними высокое небо. Тѣ лѣса, что стоятъ на холмахъ, не лѣса: то волосы, поросшіе на косматой головѣ лѣснаго дѣда. Подъ нею въ водѣ моется борода, и подъ бородою, и надъ волосами высокое небо. Тѣ луга, не луга: то зеленый поясъ, перепоясавшій посерединѣ круглое небо, и въ верхней половинѣ и въ нижней половинѣ прогуливается мѣсяцъ. Не глядитъ панъ Данило по сторонамъ, глядитъ онъ на молодую жену свою. «Что, моя молодая жена, моя золотая Катерина

вдалася въ печаль?» — «Я не въ печаль вдалася, панъ мой, Данило! Меня устрашили чудные разсказы про колдуна. Говорятъ, что онъ родился такимъ страшнымъ... и никто изъ дѣтей сызмала не хотѣлъ играть съ нимъ. Слушай, панъ Данило, какъ страшно говорятъ: что будто ему все чудилось, что всѣ смѣются надъ нимъ. Встрѣтится ли подъ темный вечеръ съ какимъ-нибудь человѣкомъ, и ему тотчасъ покажется, что онъ открываетъ ротъ и скалитъ зубы. И на другой день находили мертвымъ того человѣка. Мнѣ чудно, мнѣ страшно было, когда я слушала эти разсказы» говорила Катерина, вынимая платокъ и вытирая имъ лицо спавшаго на рукахъ дитяти. На платкѣ были вышиты ею краснымъ шолкомъ листья и ягоды. Панъ Данило ни слова, и сталъ поглядывать на темную сторону, гдѣ далеко, изъ-за лѣса чернѣлъ земляной валъ, изъ-за вала подымался старый за́мокъ. Надъ бровями вдругъ вырѣзались три морщины; лѣвая рука гладила молодецкіе усы. «Не такъ еще страшно, что колдунъ» говорилъ онъ: «какъ страшно то̀, что онъ недобрый гость. Что ему за блажь пришла притащиться сюда? Я слышалъ, что хотятъ Ляхи строить какую-то крѣ-

ность, чтобы перерѣзать намъ дорогу къ запорожцамъ. Пусть это правда... Я размечу чертовское гнѣздо, если только пронесется слухъ, что у него есть какой-нибудь притонъ. Я сожгу стараго колдуна, такъ-что и воронамъ нечего будетъ расклевать. Однако жъ, думаю, онъ не безъ золота и всякаго добра. Вотъ гдѣ живетъ этотъ дьяволъ! Если у него водится золото... Мы сейчасъ будемъ плыть мимо крестовъ — это кладбище! тутъ гніютъ его нечистые дѣды. Говорятъ, они всѣ готовы были себя продать за денежку сатанѣ и съ душою и съ ободранными жупанами. Если жъ у него точно есть золото, то мѣшкать нечего теперь: не всегда на войнѣ можно добыть...»

«Знаю, что̀ затѣваешь ты; не предвѣщаетъ мнѣ ничего добраго встрѣча съ нимъ. Но ты такъ тяжело дышишь, такъ сурово глядишь, брови твои такъ угрюмо надвинулись на очи!..»

«Молчи, баба!» съ сердцемъ сказалъ Данило: «съ вами кто свяжется, самъ станетъ бабой. Хлопецъ, дай мнѣ огня въ люльку!» Тутъ оборотился онъ къ одному изъ гребцовъ, который, выколотивши изъ своей люльки горячую золу, сталъ перекладывать ее въ люльку своего пана.

«Пугаетъ меня колдуномъ!» продолжалъ панъ Данило: «Казакъ, слава Богу, ни чертей, ни ксензовъ не боится. Много было бы проку, если бы мы стали слушаться женъ; не такъ ли, хлопцы? наша жена люлька, да острая сабля!» Катерина замолчала, потупивши очи въ сонную воду; а вѣтеръ дергалъ воду рябью, и весь Днѣпръ серебрился, какъ волчья шерсть середи ночи. Дубъ повернулъ и сталъ держаться лѣсистаго берега. На берегу видѣлось кладбище: ветхіе кресты толпились въ кучу. Ни калина не растетъ межъ ими, ни трава не зеленѣетъ, только мѣсяцъ грѣетъ ихъ съ небесной вышины. «Слышите ли, хлопцы, крики? Кто-то зоветъ насъ на помощь!» сказалъ панъ Данило, оборотясь къ гребцамъ своимъ. «Мы слышимъ крики, и кажется, съ той стороны» разомъ сказали хлопцы, указывая на кладбище. Но все стихло. Лодка поворотила, и стала огибать выдавшійся берегъ. Вдругъ гребцы опустили весла и недвижно уставили очи. Остановился и панъ Данило: страхъ и холодъ прорѣзался въ казацкія жилы. Крестъ на могилѣ зашатался, и тихо поднялся изъ нея высохшій мертвецъ. Борода до пояса; на пальцахъ когти длинные, еще длин-

нѣе самыхъ пальцевъ. Тихо поднялъ онъ руки вверхъ. Лицо все задрожало у него и покривилось. Страшную муку, видно, терпѣлъ онъ. «Душно мнѣ! душно!» простоналъ онъ дикимъ, не человѣчьимъ голосомъ. Голосъ его, будто ножъ, царапалъ сердце, и мертвецъ вдругъ ушелъ подъ землю. Зашатался другой крестъ, и опять вышелъ мертвецъ, еще страшнѣе, еще выше прежняго; весь заросъ; борода по колѣна и еще длиннѣе костяные когти. Еще дичe закричалъ онъ: «душно мнѣ!» и ушелъ подъ землю. Пошатнулся третій крестъ, поднялся третій мертвецъ. Казалось, однѣ только кости поднялись высоко надъ землею. Борода по самыя пяты; пальцы съ длинными когтями вонзились въ землю. Страшно протянулъ онъ руки вверхъ, какъ-будто хотѣлъ достать мѣсяцъ, и закричалъ такъ, какъ-будто кто-нибудь сталъ пилить его жолтыя кости... Дитя, спавшее на рукахъ Катерины, вскрикнуло и пробудилось; сама пани вскрикнула; гребцы пороняли шапки въ Днѣпръ; самъ панъ вздрогнулъ. Все вдругъ пропало, какъ будто не бывало; однако жъ долго хлопцы не брались за весла. Заботливо поглядѣлъ Буруль-

башъ на молодую жену, которая въ испугѣ качала на рукахъ кричавшее дитя; прижалъ ее къ сердцу и поцаловалъ въ лобъ. «Не пугайся, Катерина! Гляди: ничего нѣтъ!» говорилъ онъ, указывая по сторонамъ: «это колдунъ хочетъ устрашить людей, чтобы никто не добрался до нечистаго гнѣзда его. Бабъ только однѣхъ онъ напугаетъ этимъ! Дай сюда на руки мнѣ сына!» При семъ словѣ поднялъ панъ Данило своего сына вверхъ и поднесъ къ губамъ: «Что, Иванъ, ты не боишься колдуновъ? Нѣтъ, говори: тятя, я казакъ. Полно же, перестань плакать! домой прiѣдемъ! прiѣдемъ домой — мать накормитъ кашею; положитъ тебя спать въ люльку, запоетъ:

Люли, люли, люли!
Люли, сынку, люли!
Да выростай, выростай въ забаву!
Казачеству на славу,
Вороженькамъ на расправу!

«Слушай, Катерина: мнѣ кажется, что отецъ твой не хочетъ жить въ ладу съ нами. Прiѣхалъ угрюмый, суровый, какъ-будто сердится... Ну, недоволенъ, зачѣмъ и прiѣзжать. Не хотѣлъ выпить за казацкую волю! не покачалъ на рукахъ

дитяти! Сперва было я ему хотѣлъ повѣрить все, что лежитъ на сердцѣ, да не беретъ что-то, и рѣчь заикнулась. Нѣтъ, у него не казацкое сердце! Казацкія сердца когда встрѣтятся гдѣ, какъ не выбьются изъ груди на встрѣчу другъ другу! Что, мои любые хлопцы, скоро берегъ? Ну, шапки я вамъ дамъ новыя. Тебѣ, Стецько, дамъ выложенную бархатомъ съ золотомъ; я ее снялъ вмѣстѣ съ головою у татарина; весь его снарядъ достался мнѣ; одну только его душу я выпустилъ на волю. Ну, причаливай! Вотъ, Иванъ, мы и пріѣхали, а ты все плачешь! Возьми его, Катерина!»

Всѣ вышли. Изъ-за горы показалась соломенная кровля: то дѣдовскіе хоромы пана Данила. За ними еще гора, а тамъ уже и поле, а тамъ хоть сто верстъ пройди, не сыщешь ни одного казака.

III.

Хуторъ пана Данила между двумя горами въ узкой долинѣ, сбѣгающей къ Днѣпру. Не высокіе у него хоромы; хата на видъ, какъ и у простыхъ казаковъ, и въ ней одна свѣтлица; но есть гдѣ помѣститься тамъ и ему, и женѣ его, и старой прислужницѣ, и десяти отборнымъ молодцамъ. Вокругъ стѣнъ вверху идутъ дубовыя полки; густо на нихъ стоятъ миски, горшки,

для трапезы; есть межъ ими и кубки серебряные, и чарки, оправленныя въ золото, дарственныя и добытыя на войнѣ; ниже висятъ дорогіе мушкеты, сабли, пищали, копья; волею и неволею перешли они отъ татаръ, турокъ и ляховъ; не мало за то и вызубрены; глядя на нихъ, панъ Данило какъ-будто по значкамъ припоминалъ свои схватки; подъ стѣною, внизу, дубовыя, гладко вытесанныя лавки; возлѣ ихъ, передъ лежанкою, виситъ на веревкахъ, продѣтыхъ въ кольцо, привинченное къ потолку, люлька; во всей свѣтлицѣ полъ гладко убитый и смазанный глиною. На лавкахъ спитъ съ женою панъ Данило; на лежанкѣ старая прислужница; въ люлькѣ тѣшится и убаюкивается малое дитя; на полу покотомъ ночуютъ молодцы. Но казаку лучше спать на гладкой землѣ при вольномъ небѣ; ему не пуховикъ и не перина нужна; онъ моститъ себѣ подъ голову свѣжее сѣно и вольно протягивается на травѣ; ему весело взглянуть, проснувшись середи ночи, на высокое, засѣянное звѣздами небо, и вздрогнуть отъ ночнаго холода, принесшаго свѣжесть казацкимъ косточкамъ; потягиваясь и бормоча

сквозь сонъ, закуриваетъ онъ люльку и закутывается крѣпче въ теплый кожухъ.

Не рано проснулся Бурульбашъ послѣ вчерашняго веселья, и проснувшись, сѣлъ въ углу на лавкѣ и началъ натачивать новую, вымѣнянную имъ, турецкую саблю; а пани Катерина принялась вышивать золотомъ шолковый ручникъ. Вдругъ вошелъ катеринипъ отецъ, разсерженъ, нахмуренъ, съ заморскою люлькою въ зубахъ, приступилъ къ дочкѣ и сурово сталъ выспрашивать ее: что за причина тому, что такъ поздно воротилась она домой.

«Про эти дѣла, тесть, не ее, а меня спрашивать! Не жена, а мужъ отвѣчаетъ. У насъ уже такъ водится, не погнѣвайся!» говорилъ Данило, не оставляя своего дѣла: «можетъ, въ иныхъ невѣрныхъ земляхъ этого не бываетъ — я не знаю».

Краска выступила на суровомъ лицѣ тестя и очи дико блеснули. «Кому жъ, какъ не отцу, смотрѣть за своею дочкой!» бормоталъ онъ просебя: «ну, я тебя спрашиваю: гдѣ таскался до поздней ночи?»

«А вотъ это дѣло, дорогой тесть! На это я тебѣ скажу, что я давно уже вышелъ изъ тѣхъ,

которыхъ бабы пеленаютъ. Знаю, какъ сидѣть на конѣ; умѣю держать въ рукахъ и саблю острую; еще кое-что умѣю... умѣю никому и отвѣта не давать въ томъ, что̀ дѣлаю».

«Я вижу, Данило, я знаю, ты желаешь ссоры! Кто скрывается, у того, вѣрно, на умѣ недоброе дѣло».

«Думай себѣ что̀ хочешь» сказалъ Данило: «думаю и я себѣ. Слава Богу, ни въ одномъ еще безчестномъ дѣлѣ не былъ; всегда стоялъ за вѣру православную и отчизну; не такъ какъ иные бродяги таскаются, Богъ знаетъ гдѣ, когда православные бьются на-смерть, а послѣ нагрянутъ убирать не ими засѣянное жито; на уніатовъ даже не похожи: не заглянутъ въ божію церковь. Такихъ бы нужно допросить порядкомъ, гдѣ они таскаются».

«Э, казакъ! знаешь ли ты... я плохо стрѣляю: всего за сто сажень пуля моя пронизываетъ сердце; я и рублюсь незавидно: отъ человѣка остаются куски мелче крупъ, изъ которыхъ варятъ кашу».

«Я готовъ» сказалъ панъ Данило, бойко перекрестивши воздухъ саблею, какъ-будто зналъ, на что̀ ее выточилъ.

«Данило!» закричала громко Катерина, ухвативши его за руку и повиснувъ на ней: «вспомни, безумный, погляди, на кого ты подымаешь руку! Батько, твои волосы бѣлы, какъ снѣгъ, а ты разгорѣлся, какъ неразумный хлопецъ!»

«Жена!» крикнулъ грозно панъ Данило: «ты знаешь, я не люблю этого; вѣдай свое бабье дѣло!»

Сабли страшно звукнули; желѣзо рубило желѣзо, и искрами, будто пылью, осыпали себя казаки. Съ плачемъ ушла Катерина въ особую свѣтлицу, кинулась въ постель и закрыла уши, чтобы не слышать сабельныхъ ударовъ. Но не такъ худо бились казаки, чтобы можно было заглушить ихъ удары. Сердце ея хотѣло разорваться на части; по всему тѣлу слышала она, какъ проходили звуки: тукъ, тукъ. «Нѣтъ, не вытерплю, не вытерплю... Можетъ, уже алая кровь бьетъ ключемъ изъ бѣлаго тѣла; можетъ, теперь изнемогаетъ мой милый; а я лежу здѣсь!» И вся блѣдная, едва переводя духъ, вошла въ хату.

Ровно и страшно бились казаки; ни тотъ, ни другой не одолѣваетъ. Вотъ наступаетъ катери-

нинъ отецъ — подается панъ Данило; наступаетъ панъ Данило — податся суровый отецъ, и опять наравнѣ. Кипятъ. Размахнулись... ухъ! сабли звенятъ... и, гремя, отлетѣли въ сторону клинки. «Благодарю тебя, Боже!» сказала Катерина и вскрикнула снова, когда увидѣла, что казаки взялись за мушкеты; поправили кремни, взвели курки. Выстрѣлилъ панъ Данило, не попалъ. Нацѣлился отецъ... онъ старъ, онъ видитъ не такъ зорко, какъ молодой, однако жъ не дрожитъ его рука. Выстрѣлъ загремѣлъ... Пошатнулся панъ Данило; алая кровь выкрасила лѣвый рукавъ казацкаго жупана. «Нѣтъ!» закричалъ онъ: «я не продамъ такъ дешево себя; не лѣвая рука, а правая атаманъ. Виситъ у меня на стѣнѣ турецкій пистолетъ: еще ни разу во всю жизнь не измѣнялъ онъ мнѣ; слѣзай со стѣны, старый товарищъ! покажи другу услугу!» Данило протянулъ руку.

«Данило!» закричала въ отчаяніи, схвативши его за руки и бросившись ему въ ноги, Катерина: «не за себя молю; мнѣ одинъ конецъ: та недостойная жена, которая живетъ послѣ своего мужа; Днѣпръ, холодный Днѣпръ будетъ мнѣ могилою... Но погляди на сына, Данило!

погляди на сына! Кто пригрѣетъ бѣдное дитя? Кто приголубитъ его? Кто выучитъ его летать на ворономъ конѣ, биться за волю и вѣру, пить и гулять по-казацки? Пропадай сынъ мой! пропадай! тебя не хочетъ знать отецъ твой! гляди, какъ онъ отворачиваетъ лице свое. О! я теперь знаю тебя! ты звѣрь, а не человѣкъ! у тебя волчье сердце, а дума лукавой гадины. Я думала, что у тебя есть капля жалости, что въ твоемъ каменномъ тѣлѣ человѣчье чувство горитъ. Безумно же я обманулась. Тебѣ это радость принесетъ; твои кости станутъ танцовать въ гробѣ съ веселья, когда услышатъ, какъ нечестивые звѣри ляхи кинутъ въ пламя твоего сына, когда сынъ твой будетъ кричать подъ ножами и окропомъ. О, я знаю тебя! Ты радъ бы изъ гроба встать и раздувать шапкою огонь, взвихрившійся подъ нимъ!»

«Постой, Катерина! ступай мой ненаглядный Иванъ, поцалую тебя! Нѣтъ, дитя мое, никто не тронетъ волоска твоего; ты выростешь на славу отчизны; какъ вихорь, будешь ты летать передъ казаками, съ бархатною шапочкою на головѣ, съ острою саблею въ рукѣ. Дай, отецъ, руку! Забудемъ бывшее межъ нами. Что сдѣ-

лалъ передъ тобою неправаго — винюсь. Что же ты не даешь руки?» говорилъ Данило отцу Катерины, который стоялъ на одномъ мѣстѣ, не выражая на лицѣ своемъ ни гнѣва, ни примиренія.

«Отецъ!» вскричала Катерина, обнявъ и поцаловавъ его: «не будь неумолимъ, прости Данилу: онъ не огорчитъ больше тебя!»

«Для тебя только, моя дочь, прощаю!» отвѣчалъ онъ, поцаловавъ ее и блеснувъ страшно очами. Катерина немного вздрогнула: чуденъ показался ей и поцалуй и странный блескъ очей. Она облокотилась на столъ, на которомъ перевязывалъ раненную свою руку панъ Данило, передумывая, что худо и не по-казацки сдѣлалъ онъ, прося прощенія, когда не былъ ни въ чемъ виноватъ.

═

IV.

Блеснулъ день, но не солнечный: небо хмурилось и тонкій дождь сѣялся на поля, на лѣса, на широкій Днѣпръ. Проснулась пани Катерина, но не радостна: очи заплаканы, и вся она смутна и не спокойна. «Мужъ мой милый, мужъ дорогой, чудный мнѣ сонъ снился!»

«Какой сонъ, моя любая пани Катерина?»

«Снилось мнѣ, чудно, право, и такъ живо, будто на-яву, снилось мнѣ, что отецъ мой есть

тотъ самый уродъ, котораго мы видѣли у есаула. Но прошу тебя, не вѣрь сну: какихъ глупостей не привидится! Будто я стояла передъ нимъ, дрожала вся, боялась, и отъ каждаго слова его стонали мои жилы. Если бъ ты слышалъ, что̀ онъ говорилъ...»

«Что̀ же онъ говорилъ, моя золотая Катерина?»

«Говорилъ: ты посмотри на меня, Катерина, я хорошъ! Люди напрасно говорятъ, что я дуренъ; я буду тебѣ славнымъ мужемъ. Посмотри, какъ я поглядываю очами! — Тутъ навелъ онъ на меня огненныя очи, я вскрикнула и пробудилась».

«Да, сны много говорятъ правды. Однако жъ, знаешь ли ты, что за горою не такъ спокойно; чуть ли не ляхи стали выглядывать снова. Мнѣ Горобецъ прислалъ сказать, чтобы я не спалъ; напрасно только онъ заботится: я и безъ того не сплю. Хлопцы мои въ эту ночь срубили двѣнадцать засѣковъ. Посполитство будемъ угощать свинцовыми сливами, а шляхтичи потанцуютъ и отъ батоговъ».

«А отецъ знаетъ объ этомъ?»

«Сидитъ у меня на шеѣ твой отецъ! я до-сихъ-

поръ разгадать его не могу. Много, вѣрно, онъ грѣховъ надѣлалъ въ чужой землѣ. Что жъ, въ-самомъ-дѣлѣ, за причина: живетъ около мѣсяца, и хоть бы разъ развеселился, какъ добрый казакъ! Не захотѣлъ выпить меду! слышишь, Катерина, не захотѣлъ выпить меду, который я вытрусилъ у брестовскихъ жидовъ. Эй, хлопецъ!» крикнулъ панъ Данило: «бѣги, малый, въ погребъ, да принеси жидовскаго меду! Горѣлки даже не пьетъ! экая пропасть! Мнѣ кажется, пани Катерина, что онъ и въ Господа Христа не вѣруетъ. А? какъ тебѣ кажется?»

«Богъ знаетъ, что̀ говоришь ты, панъ Данило!»

«Чудно, пани?» продолжалъ Данило, принимая глиняную кружку отъ казака: «поганые католики даже падки до водки; одни только турки не пьютъ. Что, Стецько, много хлебнулъ меду въ подвалѣ?»

«Попробовалъ только, панъ!»

«Лжешь, собачій сынъ! вишь, какъ мухи напали на усы! Я по глазамъ вижу, что хватилъ съ полведра. Эхъ, казаки! что за лихой народъ! все отдать готовъ товарищу, а хмѣльное высушитъ

самъ. Я, пани Катерина, что-то давно уже былъ пьянъ. А?»

«Вотъ давно! а въ прошедшій...»

«Не бойся, не бойся, больше кружки не выпью! А вотъ и турецкій игуменъ лѣзетъ въ дверь?» проговорилъ онъ сквозь зубы, увидя тестя, нагнувшагося, чтобъ войти въ дверь.

«А что жъ это, моя дочь!» сказалъ отецъ, снимая съ головы шапку и поправляя поясъ, на которомъ висѣла сабля съ чудными каменьями: «солнце уже высоко, а у тебя обѣдъ не готовъ».

«Готовъ обѣдъ, панъ отецъ, сейчасъ поставимъ! Вынимай горшокъ съ галушками!» сказала пани Катерина старой прислужницѣ, обтиравшей деревянную посуду: «постой, лучше я сама выну» продолжала Катерина: «а ты позови хлопцевъ».

Всѣ сѣли на полу въ кружокъ: противъ покута панъ отецъ, по лѣвую руку панъ Данило, по правую руку пани Катерина и десять найвѣрнѣйшихъ молодцовъ, въ синихъ и жолтыхъ жупанахъ.

«Не люблю я этихъ галушекъ!» сказалъ панъ

отецъ, немного поѣвши и положивши ложку: «никакого вкусу нѣтъ!»

«Знаю, что тебѣ лучше жидовская лапша» подумалъ про-себя Данило. «Отчего же, тесть» продолжалъ онъ вслухъ: «ты говоришь, что вкусу нѣтъ въ галушкахъ? Худо сдѣланы, что ли? Моя Катерина такъ дѣлаетъ галушки, что и гетману рѣдко достается есть такія; а брезгать ими нечего; это христіанское кушанье! Всѣ святые люди и угодники божіи ѣдали галушки».

Ни слова отецъ; замолчалъ и панъ Данило.

Подали жаренаго кабана съ капустою и сливами. «Я не люблю свинины!» сказалъ катеринипъ отецъ, выгребая ложкою капусту.

«Для чего же не любить свинины?» сказалъ Данило: «одни турки и жиды не ѣдятъ свинины».

Еще суровѣе нахмурился отецъ.

Только одну лемишку съ молокомъ и ѣлъ старый отецъ и потянулъ вмѣсто водки изъ флажки, бывшей у него за пазухой, какую-то черную воду.

Пообѣдавши, заснулъ Данило молодецкимъ сномъ и проснулся только около вечера. Сѣлъ и сталъ писать листы въ казацкое войско; а пани

Катерина начала качать ногою люльку, сидя на лежанкѣ. Сидитъ панъ Данило, глядитъ лѣвымъ глазомъ на писаніе, а правымъ въ окошко: а изъ окошка далеко блестятъ горы и Днѣпръ; за Днѣпромъ синѣютъ лѣса; мелькаетъ сверху прояснившееся ночное небо; но не далекимъ небомъ и не синимъ лѣсомъ любуется панъ Данило: глядитъ онъ на выдавшійся мысъ, на которомъ чернѣлъ старый зàмокъ. Ему почудилось, будто блеснуло въ замкѣ огнемъ узенькое окошко. Но все тихо; это вѣрно показалось ему. Слышно только, какъ глухо шумитъ внизу Днѣпръ и съ трехъ сторонъ, одинъ за другимъ, отдаются удары мгновенно пробудившихся волнъ. Онъ не бунтуетъ; онъ, какъ старикъ, ворчитъ и ропщетъ; ему все не мило; все перемѣнилось около его; тихо враждуетъ онъ съ прибережными горами, лѣсами, лугами и несетъ на нихъ жалобу въ Чорное море. Вотъ по широкому Днѣпру зачернѣла лодка и въ зàмкѣ снова какъ-будто блеснуло что-то. Потихоньку свиснулъ Данило и выбѣжалъ на свистъ вѣрный хлопецъ. «Бери, Стецько, съ собою скорѣе острую саблю да винтовку, да ступай за мною!»

«Ты идешь?» спросила пани Катерина.

«Иду, жена. Нужно осмотрѣть всѣ мѣста, все ли въ порядкѣ».

«Мнѣ, однако жъ, страшно оставаться одной. Меня сонъ такъ и клонитъ; что, если мнѣ приснится тò же самое? я даже не увѣрена, точно ли тò сонъ былъ, такъ это происходило живо».

«Съ тобою старуха останется; а въ сѣняхъ и на дворѣ спятъ казаки!»

«Старуха спитъ уже, а казакамъ что-то не вѣрится. Слушай, панъ Данило: замкни меня въ комнатѣ, а ключъ возьми съ собою. Мнѣ тогда не такъ будетъ страшно; а казаки пусть лягутъ передъ дверями».

«Пусть будетъ такъ!» сказалъ Данило, стирая пыль съ винтовки и насыпая на полку порохъ. Вѣрный Стецько уже стоялъ одѣтый во всей казацкой сбруѣ. Данило надѣлъ смушевую шапку, закрылъ окошко, задвинулъ засовами дверь, замкнулъ, и промежъ спавшими своими казаками, вышелъ потихоньку изъ двора въ горы. Небо почти все прочистилось. Свѣжій вѣтеръ чуть-чуть навѣвалъ съ Днѣпра. Если бы не слышно было издали стенанія чайки, то все бы казалось онѣмѣвшимъ. Но вотъ почудился шорохъ... Буруль-

башъ съ вѣрнымъ слугою тихо спрятался за терновникъ, прикрывавшій срубленный засѣкъ. Кто-то въ красномъ жупанѣ, съ двумя пистолетами, съ саблею на боку, спускался съ горы. «Это тесть!» проговорилъ панъ Данило, разглядывая его изъ-за куста: «Зачѣмъ и куда ему итти въ эту пору? Стецько, не зѣвай, смотри въ оба глаза, куда возьметъ дорогу панъ отецъ». Человѣкъ въ красномъ жупанѣ сошелъ на самый берегъ и поворотилъ къ выдавшемуся мысу. «А! вотъ куда!» сказалъ панъ Данило: «Что, Стецько, вѣдь онъ какъ разъ потащился къ колдуну въ дупло».

«Да, вѣрно, не въ другое мѣсто, панъ Данило! иначе мы видѣли бы его на другой сторонѣ; но онъ пропалъ подлѣ замка».

«Постой же, вылѣземъ, а потомъ пойдемъ по слѣдамъ. Тутъ что-нибудь да кроется. Нѣтъ, Катерина, я говорилъ тебѣ, что отецъ твой недобрый человѣкъ; не такъ онъ и дѣлалъ все, какъ православный».

Уже мелькнули панъ Данило и его вѣрный хлопецъ на выдавшемся берегу; вотъ уже ихъ и невидно; непробудный лѣсъ, окружавшій замокъ, спряталъ ихъ. Верхнее окошко тихо засвѣти-

лось; внизу стоятъ казаки и думаютъ, какъ-бы влѣзть имъ: ни воротъ, ни дверей невидно; со двора, вѣрно, есть ходъ; но какъ войти туда? Издали слышно, какъ гремятъ цѣпи и бѣгаютъ собаки. «Что я думаю долго!» сказалъ панъ Данило, увидя передъ окномъ высокій дубъ: «стой тутъ, малый! я полѣзу на дубъ; съ него прямо можно глядѣть въ окошко». Тутъ снялъ онъ съ себя поясъ, бросилъ внизъ саблю, чтобъ не звенѣла, и ухватясь за вѣтви, поднялся вверхъ. Окошко все еще свѣтилось. Присѣвши на сукъ, возлѣ самаго окна, уцѣпился онъ рукою за дерево, и глядитъ: въ комнатѣ и свѣчи нѣтъ, а свѣтитъ. По стѣнамъ чудные знаки; виситъ оружіе, но все странное: такого не носятъ ни турки, ни крымцы, ни ляхи, ни христіане, ни славный народъ шведскій. Подъ потолкомъ взадъ и впередъ мелькаютъ нетопыри, и тѣнь отъ нихъ мелькаетъ по стѣнамъ, по дверямъ, по помосту. Вотъ отворилась безъ скрыпа дверь; входитъ кто-то въ красномъ жупанѣ и прямо къ столу, накрытому бѣлою скатертью. «Это онъ, это тесть!» Панъ Данило опустился немного ниже и прижался крѣпче къ дереву. Но тестю некогда глядѣть, смотритъ ли кто въ окошко, или

нѣтъ. Онъ пришелъ пасмуренъ, не въ духѣ, сдернулъ со стола скатерть — и вдругъ по всей комнатѣ тихо разлился прозрачно-голубой свѣтъ. Только не смѣшавшіяся волны прежняго блѣдно-золотаго переливались, ныряли, словно въ голубомъ морѣ и тянулись слоями, будто на мраморѣ. Тутъ поставилъ онъ на столъ горшокъ и началъ кидать въ него какія-то травы. Панъ Данило сталъ вглядываться и не замѣтилъ уже на немъ краснаго жупана; вмѣсто того показались на немъ широкія шаровары, какія носятъ турки; за поясомъ пистолеты; на головѣ какая-то чудная шапка, исписанная вся не русскою и не польскою грамотою. Глянулъ въ лицо — и лицо стало перемѣняться: носъ вытянулся и повиснулъ надъ губами; ротъ въ минуту раздался до ушей; зубъ выглянулъ изо рта, нагнулся на сторону, и сталъ передъ нимъ тотъ самый колдунъ, который показался на свадьбѣ у есаула. «Правдивъ сонъ твой, Катерина!» подумалъ Бурульбашъ. Колдунъ сталъ прохаживаться вокругъ стола, знаки стали быстрѣе перемѣняться на стѣнѣ, а нетопыри залетали сильнѣе внизъ и вверхъ, взадъ и впередъ. Голубой свѣтъ становился рѣже, рѣже, и совсѣмъ какъ-будто потухъ. И свѣтлица

освѣтилась уже тонкимъ розовымъ свѣтомъ. Казалось, съ тихимъ звономъ разливался чудный свѣтъ по всѣмъ угламъ, и вдругъ пропалъ и настала тьма. Слышался только шумъ, будто вѣтеръ въ тихій часъ вечера наигрывалъ, кружась по водному зеркалу, нагибая еще ниже въ воду серебряныя ивы. И чудится пану Данилѣ, что въ свѣтлицѣ блеститъ мѣсяцъ, ходятъ звѣзды, неясно мелькаетъ темно-синее небо и холодъ ночнаго воздуха пахнулъ даже ему въ лицо. И чудится пану Данилѣ (тутъ онъ сталъ щупать себя за усы, не спитъ ли), что уже не небо въ свѣтлицѣ, а его собственная опочивальня: висятъ на стѣнѣ его татарскія и турецкія сабли; около стѣнъ полки, на полкахъ домашняя посуда и утварь; на столѣ хлѣбъ и соль; виситъ люлька... но вмѣсто образовъ выглядываютъ страшныя лица; на лежанкѣ... но сгустившійся туманъ покрылъ все, и стало опять темно; и опять съ чуднымъ звономъ освѣтилась вся свѣтлица розовымъ свѣтомъ, и опять стоитъ колдунъ неподвижно въ чудной чалмѣ своей. Звуки стали сильнѣе и гуще, тонкій розовый свѣтъ становился ярче, и что-то бѣлое, какъ-будто облако, вѣяло посреди хаты; и чудится пану Данилѣ, что

облако то, не облако, что то́ стоитъ женщина; только изъ чего она: изъ воздуха, что-ли, выткана? Отчего же она стоитъ и земли не трогаетъ, и не опершись ни на что, и сквозь нее просвѣчиваетъ розовый свѣтъ и мелькаютъ на стѣнѣ знаки. Вотъ она какъ-то пошевелила прозрачною головою своею: тихо свѣтятся ея блѣдно-голубыя очи; волосы вьются и падаютъ по плечамъ ея, будто свѣтло-сѣрый туманъ; губы блѣдно алѣютъ, будто сквозь бѣло-прозрачное утреннее небо льется едва примѣтный алый свѣтъ зари; брови слабо темнѣютъ... «Ахъ! это Катерина!» Тутъ почувствовалъ Данило, что члены у него оковались; онъ силился говорить, но губы шевелились безъ звука. Неподвижно стоялъ колдунъ на своемъ мѣстѣ. «Гдѣ ты была?» спросилъ онъ, и стоявшая передъ нимъ затрепетала.

«О! зачѣмъ ты меня вызвалъ?» тихо простонала она. «Мнѣ было такъ радостно. Я была въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ родилась и прожила пятнадцать лѣтъ. О, какъ хорошо тамъ! Какъ зеленъ и душистъ тотъ лугъ, гдѣ я играла въ дѣтствѣ: и полевые цвѣточки тѣ же, и хата наша, и огородъ! О, какъ обняла меня добрая

моя мать! Какая любовь у нея въ очахъ! Она приголубливала меня, цаловала въ уста и щеки, расчесывала частымъ гребнемъ мою русую косу... Отецъ!» тутъ она вперила въ колдуна блѣдныя очи: «зачѣмъ ты зарѣзалъ мать мою!»

Грозно колдунъ погрозилъ пальцемъ. «Развѣ я тебя просилъ говорить про это?» и воздушная красавица задрожала. «Гдѣ теперь пани твоя?»

«Пани моя, Катерина, теперь заснула, а я и обрадовалась тому, вспорхнула и полетѣла. Мнѣ давно хотѣлось увидѣть мать; мнѣ вдругъ сдѣлалось пятнадцать лѣтъ; я вся стала легка, какъ птица. Зачѣмъ ты меня вызвалъ?»

«Ты помнишь все то̀, что̀ я говорилъ тебѣ вчера?» спросилъ колдунъ такъ тихо, что едва можно было разслушать.

«Помню, помню; но чего бы не дала я, чтобы только забыть это. Бѣдная Катерина! она многаго не знаетъ изъ того, что̀ знаетъ душа ея».

«Это катеринина душа» подумалъ панъ Данило; но все еще не смѣлъ пошевелиться.

«Покайся, отецъ! не страшно ли, что послѣ каждаго убійства твоего, мертвецы подымаются изъ могилъ?»

«Ты опять за старое!» грозно прервалъ колдунъ: «я поставлю на своемъ, я заставлю тебя сдѣлать, что̀ мнѣ хочется. Катерина, полюби меня!...»

«О, ты чудовище, а не отецъ мой!» простонала она: «нѣтъ, не будетъ по-твоему! Правда, ты взялъ нечистыми чарами твоими власть вызывать душу и мучить ее; но одинъ только Богъ можетъ заставлять ее дѣлать, что̀ ему угодно. Нѣтъ, никогда Катерина, доколѣ я буду держаться въ ея тѣлѣ, не рѣшится на богопротивное дѣло. Отецъ! близокъ страшный судъ! Если бы ты и не отецъ мой былъ, и тогда бы не заставилъ меня измѣнить моему любому, вѣрному мужу; если бы мужъ мой и не былъ мнѣ вѣренъ и милъ, и тогда бы не измѣнила ему, потому-что Богъ не любитъ клятвопреступныхъ и невѣрныхъ душъ». Тутъ вперила она блѣдныя очи свои въ окошко, подъ которымъ сидѣлъ панъ Данило, и неподвижно остановилась...

«Куда ты глядишь? Кого ты тамъ видишь?» закричалъ колдунъ. Воздушная Катерина задрожала; но уже панъ Данило былъ давно на землѣ и пробирался съ своимъ вѣрнымъ Стецькомъ въ свои горы. «Страшно, страшно!» говорилъ

онъ про-себя, почувствовавъ какую-то робость въ казацкомъ сердцѣ, и скоро прошелъ дворъ свой, на которомъ также крѣпко спали казаки, кромѣ одного, сидѣвшаго на-сторожѣ и курившаго люльку. Небо все было засѣяно звѣздами.

═

V.

«Какъ хорошо ты сдѣлалъ, что разбудилъ меня!» говорила Катерина, протирая очи шитымъ рукавомъ своей сорочки и разглядывая съ ногъ до головы стоявшаго передъ нею мужа: «какой страшный сонъ мнѣ видѣлся! какъ тяжело дышала грудь моя! ухъ!... Мнѣ казалось, что я умираю...»

«Какой же сонъ? ужъ не этотъ ли?» и сталъ Бурульбашъ разсказывать женѣ своей все, имъ видѣнное.

«Ты какъ это узналъ, мой мужъ?» спросила, изумившись, Катерина: «но нѣтъ, многое мнѣ не извѣстно изъ того, что̀ ты разсказываешь. Нѣтъ, мнѣ не снилось, чтобы отецъ убилъ мать мою; ни мертвецовъ, ничего не видѣлось мнѣ; нѣтъ, Данило, ты не такъ разсказываешь. Ахъ, какъ страшенъ отецъ мой!»

«И не диво, что тебѣ многое не видѣлось; ты не знаешь и десятой доли того, что̀ знаетъ душа; знаешь ли, что отецъ твой антихристъ? Еще въ прошломъ году, когда собирался я вмѣстѣ съ ляхами на крымцевъ (тогда еще я держалъ руку этого невѣрнаго народа), мнѣ говорилъ игуменъ братскаго монастыря (онъ, жена, святой человѣкъ), что антихристъ имѣетъ власть вызывать душу каждаго человѣка, а душа гуляетъ по своей волѣ, когда заснетъ онъ, и летаетъ вмѣстѣ съ архангелами около божіей свѣтлицы. Мнѣ съ перваго раза не показалось лицо твоего отца; если бы я зналъ, что у тебя такой отецъ, я бы не женился на тебѣ; я бы ки-

нулъ тебя и не принялъ бы на душу грѣха, породнившись съ антихристовымъ племенемъ».

«Данило!» сказала Катерина, закрывъ лицо руками, и рыдая: «я ли виновна въ чемъ передъ тобою? я ли измѣнила тебѣ, мой любый мужъ? чѣмъ же навела на себя гнѣвъ твой? невѣрно развѣ служила тебѣ? сказала ли противное слово, когда ты ворочался на-веселѣ съ молодецкой пирушки? тебѣ ли не родила черноброваго сына?...»

«Не плачь, Катерина, я тебя теперь знаю и не брошу ни за что! грѣхи всѣ лежатъ на отцѣ твоемъ».

«Нѣтъ, не называй его отцомъ моимъ! Онъ не отецъ мнѣ. Богъ свидѣтель, я отрекаюсь отъ него, отрекаюсь отъ отца! Онъ антихристъ, богоотступникъ! пропадай онъ, тони онъ — не подамъ руки спасти его; сохни онъ отъ тайной травы — не подамъ воды напиться ему. Ты у меня отецъ мой!»

═

VI.

Въ глубокомъ подвалѣ у пана Данила, за тремя замками, сидитъ колдунъ, закованный въ желѣзныя цѣпи; а подалѣ надъ Днѣпромъ горитъ бѣсовскій его зàмокъ, и алыя, какъ кровь, волны хлебещутъ и толпятся вокругъ старинныхъ стѣнъ. Не за колдовство и не за богопротивныя дѣла сидитъ въ глубокомъ подвалѣ колдунъ — имъ судія Богъ: сидитъ онъ за тайное предательство,

за сговоры съ врагами православной русской земли продать католикамъ украинскій народъ и выжечь христіанскія церкви. Угрюмъ колдунъ; дума черная, какъ ночь, у него въ головѣ; всего только одинъ день остается жить ему; а завтра пора распрощаться съ міромъ: завтра ждетъ его казнь. Не совсѣмъ легкая казнь его ждетъ: это еще милость, когда сварятъ его живаго въ котлѣ, или сдерутъ съ него грѣшную кожу. Угрюмъ колдунъ, поникнулъ головою; можетъ-быть, онъ уже и кается передъ смертнымъ часомъ; только не такіе грѣхи его, чтобы Богъ простилъ ему. Вверху передъ нимъ узкое окно, переплетенное желѣзными палками. Гремя цѣпями, поднялся онъ къ окну поглядѣть, не пройдетъ ли его дочь. Она кротка, не памятозлобна, какъ голубка, не умилосердится ли надъ отцомъ... Но никого нѣтъ; внизу бѣжитъ дорога; по ней никто не пройдетъ; пониже ея, гуляетъ Днѣпръ; ему ни до кого нѣтъ дѣла: онъ бушуетъ, и уныино слышать колоднику однозвучный шумъ его. Вотъ кто-то показался по дорогѣ — это казакъ! и тяжело вздохнулъ узникъ; опять все пусто; вотъ, кто-то вдали спускается... развѣвается зеленый кунтушъ... го-

ритъ на головѣ золотой кораблинъ... Это она! Еще ближе приникнулъ онъ къ окну. Вотъ уже подходитъ близко... «Катерина! дочь! умилосердись, подай милостыню!...» Она нѣма, она не хочетъ слушать, она и глазъ не наведетъ на тюрьму, и уже прошла, уже и скрылась. Пусто во всемъ мірѣ; уныло шумитъ Днѣпръ; грусть залегаетъ въ сердце; но вѣдаетъ ли эту грусть колдунъ? День клонится къ вечеру. Уже солнце сѣло; уже и нѣтъ его; уже и вечеръ: свѣжо; гдѣ-то мычитъ волъ; откуда-то навѣваются звуки: вѣрно гдѣ-нибудь народъ идетъ съ работы и веселится; по Днѣпру мелькаетъ лодка... кому нужда до колодника? Блеснулъ на небѣ серебряный серпъ; вотъ, кто-то идетъ съ противной стороны по дорогѣ; трудно разглядѣть въ темнотѣ; это возвращается Катерина. «Дочь! Христа ради, и свирѣпые волченята не станутъ рвать свою мать, дочь, хотя взгляни на преступнаго отца своего!» Она не слушаетъ, и идетъ. «Дочь, ради несчастной матери!...» Она остановилась. «Приди принять послѣднее мое слово!»

«Зачѣмъ ты зовешь меня, богоотступникъ? Не называй меня дочерью! Между нами нѣтъ ни-

какого родства. Чего ты хочешь отъ меня ради несчастной моей матери?»

«Катерина! мнѣ близокъ конецъ: я знаю, меня твой мужъ хочетъ привязать къ кобыльему хвосту и пустить по полю, а можетъ, еще и страшнѣйшую выдумаетъ казнь...»

«Да развѣ есть на свѣтѣ казнь равная твоимъ грѣхамъ? Жди ее; никто не станетъ просить за тебя».

«Катерина! меня не казнь страшитъ, но муки на томъ свѣтѣ... Ты невинна, Катерина, душа твоя будетъ летать въ раю около Бога; а душа богоотступнаго отца твоего будетъ горѣть въ огнѣ вѣчномъ, и никогда не угаснетъ тотъ огонь: все сильнѣе и сильнѣе будетъ онъ разгораться; ни капли росы никто не уронитъ, ни вѣтеръ не пахнетъ...»

«Этой казни я не властна умалить» сказала Катерина, отвернувшись.

«Катерина! постой на одно слово: ты можешь спасти мою душу; ты не знаешь еще, какъ добръ и милосердъ Богъ; слышала ли ты про апостола Павла, какой былъ онъ грѣшный человѣкъ, но послѣ покаялся — и сталъ святымъ».

«Что̀ я могу сдѣлать, чтобы спасти твою душу?» сказала Катерина: «мнѣ ли, слабой женщинѣ, объ этомъ подумать?»

«Если бы мнѣ удалось отсюда выйти, я бы все кинулъ; покаюсь: пойду въ пещеры, надѣну на тѣло жесткую власяницу, день и ночь буду молиться Богу; не только скоромнаго, не возьму рыбы въ ротъ! не постелю одежды, когда стану спать! и все буду молиться, все молиться! И когда не сниметъ съ меня милосердіе Божіе хотя сотой доли грѣховъ, закопаюсь по шею въ землю, или замуруюсь въ каменную стѣну; не возьму ни пищи, ни питія, и умру; а все добро свое отдамъ чернецамъ, чтобы сорокъ дней и сорокъ ночей правили по мнѣ панихиду».

Задумалась Катерина. «Хотя я отопру, но мнѣ не расковать твоихъ цѣпей».

«Я не боюсь цѣпей» началъ онъ: «ты говоришь, что они заковали мои руки и ноги? Нѣтъ; я напустилъ имъ въ глаза туманъ и, вмѣсто руки, протянулъ сухое дерево; вотъ я, гляди: на мнѣ нѣтъ теперь ни одной цѣпи!» сказалъ онъ, выходя на средину: «я бы и стѣнъ этихъ не побоялся и прошелъ бы сквозь нихъ, но мужъ твой и не знаетъ, какія это̀ стѣны: ихъ стро-

илъ святой схимникъ, и никакая нечистая сила не можетъ отсюда вывесть колодника, не отомкнувъ тѣмъ самымъ ключомъ, которымъ замыкалъ святой свою келью. Такую самую келью вырою и я себѣ, неслыханный грѣшникъ, когда выйду на волю».

«Слушай: я выпущу тебя; но если ты меня обманешь?» сказала Катерина, остановившись передъ дверью: «и, вмѣсто того, чтобы покаяться, будешь опять братомъ чорту?»

«Нѣтъ, Катерина, мнѣ уже не долго остается жить; близокъ и безъ казни мой конецъ; неужели ты думаешь, что я предамъ самъ-себя на вѣчную муку?»

Замки загремѣли. «Прощай! храни тебя Богъ милосердый, дитя мое!» сказалъ колдунъ, поцаловавъ ее.

«Не прикасайся ко мнѣ, неслыханный грѣшникъ; уходи скорѣе!...» говорила Катерина. Но его уже не было.

«Я выпустила его» сказала она, испугавшись и дико осматривая стѣны: «что̂ я стану теперь отвѣчать мужу? я пропала! мнѣ живой теперь остается зарыться въ могилу!» и зарыдавъ, почти упала она на пень, на которомъ сидѣлъ ко-

лодникъ. «Но я спасла душу» сказала она тихо: «я сдѣлала богоугодное дѣло; но мужъ мой... я въ первый разъ обманула его. О! какъ страшно, какъ трудно будетъ мнѣ передъ нимъ говорить неправду! кто-то идетъ! это онъ! мужъ!» вскрикнула она отчаянно, и безъ чувствъ упала на землю.

═

VII.

«Это я, моя родная дочь! Это я, мое серденько!» услышала Катерина, очнувшись, и увидѣла передъ собою старую прислужницу. Баба, наклонившись, казалось, что-то шептала, и протянувъ надъ нею изсохшую руку свою, опрыскивала ее холодною водою.

«Гдѣ я?» говорила Катерина, подымаясь и оглядываясь; «передо мною шумитъ Днѣпръ, за мною горы... Куда завела меня ты, баба?»

«Я тебя не завела, а вывела; вынесла на рукахъ моихъ изъ душнаго подвала; замкнула ключикомъ дверь, чтобы тебѣ не досталось чего отъ папа Данила».

«Гдѣ же ключъ?» сказала Катерина, поглядывая на свой поясъ. «Я его не вижу».

«Его отвязалъ мужъ твой, поглядѣть на колдуна, дитя мое».

«Поглядѣть?... Баба, я пропала!» вскрикнула Катерина.

«Пусть Богъ милуетъ насъ отъ этого, дитя мое! Молчи только, моя паняночка, никто ничего не узнаетъ!»

«Онъ убѣжалъ, проклятый антихристъ! Ты слышала, Катерина, онъ убѣжалъ?» сказалъ панъ Данило, приступая къ женѣ своей. Очи метали огонь; сабля, звеня, тряслась на боку его. Помертвѣла жена.

«Его выпустилъ кто-нибудь, мой любой мужъ?» проговорила она, дрожа.

«Выпустилъ, правда твоя; но выпустилъ чортъ. Погляди, вмѣсто его, бревно заковано въ желѣзо. Сдѣлалъ же Богъ такъ, что чортъ не боится казачьихъ лапъ! Если бы только думу объ этомъ держалъ въ головѣ хоть одинъ изъ

моихъ казаковъ, и я бы узналъ... то бы и казни ему не нашелъ!»

«А если бы я?...» невольно вымолвила Катерина и, испугавшись, остановилась.

«Если бы ты вздумала, тогда бы ты не жена мнѣ была. Я бы тебя зашилъ тогда въ мѣшокъ и утопилъ бы на самой срединѣ Днѣпра!...»

Духъ занялся у Катерины, и ей чудилось, что волосы стали отдѣляться на головѣ ея.

═

VIII.

На пограничной дорогѣ, въ корчмѣ, собрались ляхи и пируютъ уже два дня. Что-то не мало всей сволочи. Сошлись вѣрно на какой-нибудь наѣздъ: у иныхъ и мушкеты есть; чокаются шпоры; брякаютъ сабли; паны веселятся и хвастаютъ, говорятъ про небывалыя дѣла свои, насмѣхаются надъ православьемъ, зовутъ народъ украинскій своими холопьями, и важно крутятъ

усы, и важно, задравши головы, разваливаются на лавкахъ. Съ ними и ксензъ вмѣстѣ; только и ксензъ у нихъ на ихъ же стать: и съ виду даже не похожъ на христіанскаго попа: пьетъ и гуляетъ съ ними и говоритъ нечестивымъ языкомъ своимъ срамныя рѣчи. Ни въ чемъ не уступаетъ имъ и челядь: позакидали назадъ рукава оборванныхъ жупановъ своихъ, и ходятъ козыремъ, какъ-будто бы что̀ путное. Играютъ въ карты, бьютъ картами одинъ другаго по носамъ; набрали съ собою чужихъ женъ; крикъ, драка!.. Паны бѣснуются и отпускаютъ штуки: хватаютъ за бороду жида, малюютъ ему на нечестивомъ лбу крестъ; стрѣляютъ въ бабъ холостыми зарядами и танцуютъ краковякъ съ нечестивымъ попомъ своимъ. Не бывало такого соблазна на русской землѣ и отъ татаръ: видно уже ей Богъ опредѣлилъ за грѣхи терпѣть такое посрамленіе! Слышно между общимъ содомомъ, что говорятъ про заднѣпровскій хуторъ пана Данилы, про красавицу жену его... Не на доброе дѣло собралась эта шайка!

═

IX.

Сидитъ панъ Данило за столомъ въ своей свѣтлицѣ, подпершись локтемъ, и думаетъ. Сидитъ на лежанкѣ пани Катерина и поетъ пѣсню.

«Что-то грустно мнѣ, жена моя!» сказалъ панъ Данило: «и голова болитъ у меня, и сердце болитъ; какъ-то тяжело мнѣ! видно, гдѣ-то недалеко уже ходитъ смерть моя».

«О, мой ненаглядный мужъ! приникни ко мнѣ

головою своею! Зачѣмъ ты приголубливаешь къ себѣ такія черныя думы» подумала Катерина, да не посмѣла сказать. Горько ей было, повинной головѣ, принимать мужнія ласки.

«Слушай, жена моя!» сказалъ Данило: «не оставляй сына, когда меня не будетъ; не будетъ тебѣ отъ Бога счастія, если ты кинешь его, ни въ томъ, ни въ этомъ свѣтѣ; тяжело будетъ гнить моимъ костямъ въ сырой землѣ; а еще тяжелѣе будетъ душѣ моей!»

«Что̀ говоришь ты, мужъ мой? не ты ли издѣвался надъ нами, слабыми женами? а теперь самъ говоришь, какъ слабая жена; тебѣ еще долго нужно жить».

«Нѣтъ, Катерина, чуетъ душа близкую смерть. Что-то грустно становится на свѣтѣ; времена лихія приходятъ. Охъ! помню, помню я годы; имъ, вѣрно, не воротиться! Онъ былъ еще живъ, честь и слава нашего войска, старый Конашевичъ! Какъ-будто передъ очами моими проходятъ теперь казацкіе полки! Это было золотое время, Катерина! Старый гетманъ сидѣлъ на ворономъ конѣ; блестѣла въ рукѣ булава; вокругъ сердюки; по сторонамъ шевелилось красное море запорожцевъ. Началъ говорить

*

гетманъ — и все стало, какъ вкопаное. Заплакалъ старичина, какъ зачалъ воспоминать намъ прежнія дѣла и сѣчи. Эхъ, если бы ты знала, Катерина, какъ рѣзались мы тогда съ турками! На головѣ моей видѣнъ и донынѣ рубецъ; четыре пули пролетѣло въ четырехъ мѣстахъ сквозь меня, и ни одна изъ ранъ не зажила совсѣмъ. Сколько мы тогда набрали золота! дорогіе каменья шапками черпали казаки; какихъ коней, Катерина, если бъ ты знала, какихъ коней мы тогда угнали! Охъ, не воевать уже мнѣ такъ! Кажется, и не старъ, и тѣломъ бодръ, а мечь казацкій вываливается изъ рукъ, живу безъ дѣла, и самъ не знаю для чего живу; порядку нѣтъ въ Украйнѣ: полковники и есаулы грызутся, какъ собаки, между собою; нѣтъ старшей головы надъ всѣми; шляхетство наше все перемѣнило на польскій обычай, переняло лукавство... продало душу, принявши унію; жидовство угнѣтаетъ бѣдный народъ; о время, время! минувшее время! куда подѣвались вы, лѣта мои?... Ступай, малый, въ подвалъ, принеси мнѣ кухоль меду! выпью за прежнюю долю и за давніе годы!»

«Чѣмъ будемъ принимать гостей, панъ? Съ

луговой стороны идутъ ляхи!» сказалъ, вошедши въ хату, Стецько.

«Знаю, зачѣмъ идутъ они» вымолвилъ Данило, подымаясь съ мѣста. «Сѣдлайте, мои вѣрные слуги, коней! надѣвайте сбрую! сабли на-голо! не забудьте набрать и свинцоваго толокна: съ честью нужно встрѣтить гостей!»

Но еще не успѣли казаки сѣсть на коней и зарядить мушкеты, а уже ляхи, будто упавшій осенью съ дерева на землю листъ, усѣяли собою гору.

«Э, да тутъ есть съ кѣмъ перевѣдаться!» сказалъ Данило, поглядывая на толстыхъ пановъ, важно качавшихся впереди на коняхъ, въ золотой сбруѣ: «Видно, еще разъ доведется намъ погулять на-славу! Натѣшься же, казацкая душа въ послѣдній разъ! Гуляйте, хлопцы, пришелъ нашъ праздникъ!»

И пошла по горамъ потѣха, и запировалъ пиръ: гуляютъ мечи, летаютъ пули, ржутъ и топочутъ кони; отъ крику безумѣетъ голова; отъ дыму слѣпнутъ очи; все перемѣшалось; но казакъ чуетъ, гдѣ другъ, гдѣ недругъ; прошумитъ ли пуля — валится лихой сѣдокъ съ коня; свиснетъ сабля — катится по землѣ голова, бор-

моча языкомъ несвязныя рѣчи. Но видѣнъ въ толпѣ красный верхъ казацкой шапки пана Данила; мечется въ глаза золотой поясъ на синемъ жупанѣ; вихремъ вьется грива воронаго коня; какъ птица мелькаетъ онъ тамъ и тамъ; покрикиваетъ и машетъ дамасской саблей, и рубитъ съ праваго и лѣваго плеча. Руби, казакъ! гуляй, казакъ! тѣшь молодецкое сердце; но не заглядывайся на золотыя сбруи и жупаны: топчи подъ ноги золото и каменья! коли, казакъ! гуляй, казакъ! но оглянись назадъ: нечестивые ляхи зажигаютъ уже хаты и угоняютъ напуганный скотъ. И, какъ вихорь, поворотилъ панъ Данило назадъ, и шапка съ краснымъ верхомъ мелькаетъ уже возлѣ хатъ, и рѣдѣетъ вокругъ его толпа. Не часъ, не другой бьются ляхи и казаки; не много становится тѣхъ и другихъ; но не устаетъ панъ Данило: сбиваетъ съ сѣдла длиннымъ копьемъ своимъ, топчетъ лихимъ конемъ пѣшихъ. Уже очищается дворъ, уже начали разбѣгаться ляхи; уже обдираютъ казаки съ убитыхъ золотые жупаны и богатую сбрую; уже панъ Данило сбирается въ погоню, и взглянулъ, чтобы созвать своихъ.... и весь закипѣлъ отъ ярости: ему показался катеринииъ отецъ. Вотъ

онъ стоитъ на горѣ и цѣлитъ въ него мушкетомъ. Данило погналъ коня прямо къ нему... Казакъ, на гибель идешь!... Мушкетъ гремитъ — и колдунъ пропалъ за горою. Только вѣрный Стецько видѣлъ, какъ мелькнула красная одежда и чудная шапка. Зашатался казакъ и свалился на землю. Кинулся вѣрный Стецько къ своему пану — лежитъ панъ его, протянувшись на землѣ и закрывши ясныя очи; алая кровь закипѣла на груди. Но, видно, почуялъ вѣрнаго слугу своего; тихо приподнялъ вѣки, блеснулъ очами: «прощай, Стецько! скажи Катеринѣ, чтобы не покидала сына! не покидайте и вы его, мои вѣрные слуги!» и затихъ. Вылетѣла казацкая душа изъ дворянскаго тѣла; посинѣли уста; спитъ казакъ непробудно; зарыдалъ вѣрный слуга и машетъ рукою Катеринѣ: «Ступай, пани, ступай: подгулялъ твой панъ; лежитъ онъ пьяпехонекъ на сырой землѣ; долго не протрезвиться ему!» Всплеснула руками Катерина и повалилась, какъ снопъ, на мертвое тѣло. «Мужъ мой! ты ли лежишь тутъ закрывши очи? Встань, мой ненаглядный соколъ, протяни ручку свою! приподымись! погляди хоть разъ на твою Катерину, пошевели устами, вымолви хоть одно словеч-

ко!... Но ты молчишь, ты молчишь, мой ясный панъ! ты посинѣлъ, какъ черное море; сердце твое не бьется! отчего ты такой холодный, мой панъ? видно, не горючи мои слезы, не въ мочь имъ согрѣть тебя! видно, не громокъ плачъ мой, не разбудить имъ тебя! Кто же поведетъ теперь полки твои? кто понесется на твоемъ ворономъ коникѣ? громко загукаетъ и замашетъ саблей предъ казаками? Казаки, казаки! гдѣ честь и слава ваша! Лежитъ честь и слава ваша, закрывши очи, на сырой землѣ. Похороните же меня, похороните вмѣстѣ съ нимъ! засыпьте мнѣ очи землею! надавите мнѣ кленовыя доски на бѣлыя груди! Мнѣ не нужна больше красота моя!»

Плачетъ и убивается Катерина; а даль вся покрывается пылью: скачетъ старый есаулъ Горобецъ на помощь.

═

X.

Чуденъ Днѣпръ при тихой погодѣ, когда вольно и плавно мчитъ сквозь лѣса и горы полныя воды свои. Ни зашелохнетъ, ни прогремитъ: глядишь, и не знаешь, идетъ, или не идетъ его величавая ширина, и чудится, будто весь вылитъ онъ изъ стекла, и будто голубая зеркальная дорога, безъ мѣры въ ширину, безъ конца въ длину, рѣетъ и вьется по зеленому

міру. Любо тогда и жаркому солнцу оглядѣться съ вышины и погрузить лучи въ холодъ стеклянныхъ водъ, и прибережнымъ лѣсамъ ярко отразиться въ водахъ. Зеленокудрые! они толпятся вмѣстѣ съ полевыми цвѣтами къ водамъ, и наклонившись, глядятъ въ нихъ и не наглядятся, и не налюбуются свѣтлымъ своимъ зракомъ, и усмѣхаются ему, и привѣтствуютъ его, кивая вѣтвями; въ середину же Днѣпра они не смѣютъ глянуть: никто кромѣ солнца и голубаго неба, не глядитъ въ него; рѣдкая птица долетитъ до середины Днѣпра. Пышный! ему нѣтъ равной рѣки въ мірѣ. Чуденъ Днѣпръ и при теплой лѣтней ночи, когда все засыпаетъ, и человѣкъ, и звѣрь, и птица; а Богъ одинъ величаво озираетъ небо и землю, и величаво сотрясаетъ ризу. Отъ ризы сыплются звѣзды; звѣзды горятъ и свѣтятъ надъ міромъ, и всѣ разомъ отдаются въ Днѣпрѣ. Всѣхъ ихъ держитъ Днѣпръ въ темномъ лонѣ своемъ; ни одна не убѣжитъ отъ него — развѣ погаснетъ на небѣ; черный лѣсъ, унизанный спящими воронами, и древле разломанныя горы, свѣсясь, силятся закрыть его хотя длинною тѣнью своею — напрасно! Нѣтъ ничего въ мірѣ, что бы могло прикрыть Днѣпръ.

Синій, синій ходитъ онъ плавнымъ разливомъ и середь ночи, какъ середь дня, видѣнъ за столько въ даль, за сколько видѣть можетъ человѣчье око. Нѣжась и прижимаясь ближе къ берегамъ отъ ночнаго холода, даетъ онъ по себѣ серебряную струю, и она вспыхиваетъ, будто полоса дамасской сабли, а онъ, синій, снова заснулъ; чуденъ и тогда Днѣпръ, и нѣтъ рѣки равной ему въ мірѣ! Когда же пойдутъ горами по небу синія тучи, черный лѣсъ шатается до корня, дубы трещатъ и молнія, изламываясь между тучъ, разомъ освѣщаетъ цѣлый міръ — страшенъ тогда Днѣпръ! Водяные холмы гремятъ, ударяясь о горы, и съ блескомъ и стономъ отбѣгаютъ назадъ, и плачутъ, и заливаются вдали. Такъ убивается старая мать казака, выпровожая своего сына въ войско; разгульный и бодрый, ѣдетъ онъ на ворономъ конѣ, подбоченившись и молодецки заломивъ шапку; а она, рыдая, бѣжитъ за нимъ, хватаетъ его за стремя, ловитъ удила и ломаетъ надъ нимъ руки и заливается горючими слезами.

Дико чернѣютъ промежъ ратующими волнами обгорѣлые пни и камни на выдавшемся берегу. И бьется о берегъ, подымаясь вверхъ и опус-

каясь внизъ, пристающая лодка. Кто изъ казаковъ осмѣлился гулять въ челнѣ, въ то время, когда разсердился старый Днѣпръ? видно, ему не вѣдомо, что онъ глотаетъ людей, какъ мухъ. Лодка причалила, и вышелъ изъ нея колдунъ; невеселъ онъ; ему горька тризна, которую свершили казаки надъ убитымъ своимъ паномъ. Не мало поплатились ляхи: сорокъ четыре пана со всею сбруею и жупанами, да тридцать три холопа изрублены въ куски; а остальныхъ вмѣстѣ съ конями угнали въ плѣнъ продать татарамъ. По каменнымъ ступенямъ спустился онъ между обгорѣлыми пнями, внизъ, гдѣ, глубоко въ землѣ, вырыта была у него землянка; тихо вошелъ онъ, не скрыпнувши дверью, поставилъ на столъ, закрытый скатертью, горшокъ, и сталъ бросать длинными руками своими какія-то невѣдомыя травы; взялъ кухоль, выдѣланный изъ какого-то чуднаго дерева, почерпнулъ имъ воды, и сталъ лить, шевеля губами и творя какія-то заклинанія. Показался розовый свѣтъ въ свѣтлицѣ; и страшно было глядѣть тогда ему въ лицо; оно казалось кровавымъ, глубокія морщины только чернѣли на немъ, а глаза были какъ въ огнѣ. Нечестивый грѣшникъ! уже и борода давно по-

сѣдѣла, и лицо изрыто морщинами, и высохъ весь, а все еще творитъ богопротивный умыселъ. Посреди хаты стало вѣять бѣлое облако и что-то похожее на радость сверкнуло въ лицѣ его; но отчего же вдругъ сталъ онъ недвижимъ съ разинутымъ ртомъ, не смѣя пошевелиться, и отчего волосы щетиною поднялись на его головѣ? Въ облакѣ передъ нимъ свѣтилось чье-то чудное лицо. Непрошенное, незванное, явилось оно къ нему въ-гости; чѣмъ далѣе, выяснивалось больше и вперило неподвижныя очи. Черты его, брови, глаза, губы, все незнакомое ему; никогда во всю жизнь свою онъ его не видывалъ. И страшнаго, кажется, въ немъ мало; а непреодолимый ужасъ напалъ на него. А незнакомая дивная голова сквозь облако также неподвижно глядѣла на него. Облако уже и пропало; а невѣдомыя черты еще рѣзче выказывались и острыя очи не отрывались отъ него. Колдунъ весь побѣлѣлъ, какъ полотно; дикимъ, не своимъ голосомъ вскрикнулъ, опрокинулъ горшокъ..... Все пропало.

═

XI.

«Успокой себя, моя любая сестра!» говорилъ старый есаулъ Горобецъ: «сны рѣдко говорятъ правду».

«Прилягъ, сестрица!» говорила молодая его невѣстка: «я позову старуху, ворожею: противъ нея никакая сила не устоитъ: она выльетъ переполохъ тебѣ».

«Ничего не бойся!» говорилъ сынъ его, хватаясь за саблю: «никто тебя не обидитъ».

Пасмурно, мутными глазами, глядѣла на всѣхъ Катерина и не находила рѣчи. «Я сама устроила себѣ погибель; я выпустила его». Наконецъ она сказала: «мнѣ нѣтъ отъ него покоя! вотъ уже десять дней я у васъ въ Кіевѣ, а горя ни капли не убавилось; думала, буду хоть въ тишинѣ растить на месть сына... страшенъ, страшенъ привидѣлся онъ мнѣ во снѣ! Боже сохрани и вамъ увидѣть его! сердце мое до-сихъ-поръ бьется.—Я зарублю твое дитя, Катерина!—кричалъ онъ — если не выйдешь за меня замужъ...» и, зарыдавъ, кинулась она къ колыбели, а испуганное дитя протянуло ручонки и кричало.

Кипѣлъ и сверкалъ сынъ есаула отъ гнѣва, слыша такія рѣчи.

Расходился и самъ есаулъ Горобецъ: «Пусть попробуетъ онъ, окаянный антихристъ, притти сюда: отвѣдаетъ, бываетъ ли сила въ рукахъ стараго казака. Богъ видитъ» говорилъ онъ, подымая кверху прозорливыя очи: «не летѣлъ ли я подать руку брату Данилу? Его святая воля! засталъ уже на холодной постели, на которой много, много улеглось казацкаго народа; за то развѣ не пышна была тризна по немъ? выпустили ли хоть одного ляха живаго? Успо-

коися же, дитя мое! никто не посмѣетъ тебя обидѣть, развѣ ни меня не будетъ, ни моего сына». Кончивъ слова свои, старый есаулъ пришелъ къ колыбели, и дитя, увидѣвши висѣвшую на ремнѣ у него въ серебряной оправѣ красную люльку и гаманъ съ блестящимъ огнивомъ, протянуло къ нему ручонки и засмѣялось. «По отцу пойдетъ!» сказалъ старый есаулъ, снимая съ себя люльку и отдавая ему: «еще отъ колыбели не отсталъ, а ужъ думаетъ курить люльку».

Тихо вздохнула Катерина и стала качать колыбель. Сговорились провесть ночь вмѣстѣ, и немного погодя уснули всѣ; уснула и Катерина.

На дворѣ и въ хатѣ все было тихо; не спали только казаки, стоявшіе на-сторожѣ. Вдругъ Катерина, вскрикнувъ, проснулась, и за нею проснулись всѣ. «Онъ убитъ, онъ зарѣзанъ! кричала она и кинулась къ колыбели. Всѣ обступили колыбель и окаменѣли отъ страха, увидѣвши, что въ ней лежало не живое дитя. Ни звука не вымолвилъ ни одинъ изъ нихъ, не зная, что думать о неслыханномъ злодѣйствѣ.

═

XII.

Далеко отъ украинскаго края, проѣхавши Польшу, минуя и многолюдный городъ Лембергъ, идутъ рядами высоковерхія горы. Гора за горою, будто каменными цѣпями, перекидываютъ онѣ вправо и влѣво землю и обковываютъ ее каменною толщей, чтобы не прососало шумное и буйное море. Идутъ каменныя цѣпи въ Валахію, и въ Седмиградскую область, и грома-

дою стали въ видѣ подковы между галичскимъ и венгерскимъ народомъ. Нѣтъ такихъ горъ въ нашей сторонѣ. Глазъ не смѣетъ оглянуть ихъ; а на вершину иныхъ не заходила и нога человѣчья. Чуденъ и видъ ихъ: не задорное ли море выбѣжало въ бурю изъ широкихъ береговъ, вскинуло вихремъ безобразныя волны и онѣ, окаменѣвъ, остались недвижимы въ воздухѣ? Не оборвались ли съ неба тяжелыя тучи и загромоздили собою землю? ибо и на нихъ такой же сѣрый цвѣтъ, а бѣлая верхушка блеститъ и искрится при солнцѣ. Еще до Карпатскихъ горъ услышишь русскую молвь, и за горами еще, кой-гдѣ, отзовется какъ-будто родное слово; а тамъ уже и вѣра не та, и рѣчь не та. Живетъ не малолюдный народъ венгерскій; ѣздитъ на коняхъ, рубится и пьетъ не хуже казака; а за конную сбрую и дорогіе кафтаны не скупится вынимать изъ кармана червонцы. Раздольны и велики есть между горами озера. Какъ стекло, недвижимы они и, какъ зеркало, отдаютъ въ себѣ голыя вершины горъ и зеленыя ихъ подошвы. Но кто середи ночи, блещутъ, или не блещутъ звѣзды, ѣдетъ на огромномъ ворономъ конѣ? Какой богатырь съ нечеловѣчьимъ ростомъ ска-

четъ подъ горами, надъ озерами, отсвѣчивается съ исполинскимъ конемъ въ недвижныхъ водахъ, и безконечная тѣнь его страшно мелькаетъ по горамъ? Блещутъ чеканеныя латы; на плечѣ пика; гремитъ при сѣдлѣ сабля; шеломъ надвинутъ; усы чернѣютъ; очи закрыты; рѣсницы опущены — онъ спитъ и, сонный, держитъ повода́; и за нимъ сидитъ на томъ же конѣ младенецъ-пажъ, и также спитъ и, сонный, держится за богатыря. Кто онъ, куда, зачѣмъ ѣдетъ? кто его знаетъ! Не день, не два уже онъ переѣзжаетъ горы. Блеснетъ день, взойдетъ солнце, его невидно; изрѣдка только замѣчали горцы, что по горамъ мелькаетъ чья-то длинная тѣнь, а небо ясно, и тучи не пройдетъ по немъ. Чуть же ночь наведетъ темноту, снова онъ виденъ и отдается въ озерахъ и за нимъ, дрожа, скачетъ тѣнь его. Уже проѣхалъ много онъ горъ и взъѣхалъ на Криванъ. Горы этой нѣтъ выше между Карпатами: какъ царь подымается она надъ другими. Тутъ остановился конь и всадникъ, и еще глубже погрузился въ сонъ, и тучи, спустясь, закрыли его.

═

XIII.

«Тс... тише, баба! не стучи такъ, дитя мое заснуло. Долго кричалъ сынъ мой, теперь спитъ. Я пойду въ лѣсъ, баба! Да что же ты такъ глядишь на меня? Ты страшна: у тебя изъ глазъ вытягиваются желѣзныя клещи... ухъ, какія дивныя! и горятъ какъ огонь! Ты, вѣрно, вѣдьма! О, если ты вѣдьма, то пропади отсюда! ты украдешь моего сына. Какой безтолковый этотъ

есаулъ: онъ думаетъ, мнѣ весело жить въ Кіевѣ; нѣтъ, здѣсь и мужъ мой и сынъ; кто же будетъ смотрѣть за хатой? Я ушла такъ тихо, что ни кошка, ни собака не услышали. Ты хочешь, баба, сдѣлаться молодою — это совсѣмъ не трудно: нужно танцовать только; гляди, какъ я танцую...» и проговоривъ такія несвязныя рѣчи, уже неслась Катерина, безумно поглядывая на всѣ стороны и упираясь руками въ боки. Съ визгомъ притопывала она ногами; безъ мѣры, безъ такта звенѣли серебряныя подковы. Незаплетенныя черныя косы метались по бѣлой шеѣ. Какъ птица, не останавливаясь, летѣла она, размахивая руками и кивая головой, и казалось, будто, обезсилѣвъ, или грянется на земь, или вылетитъ изъ міра. Печально стояла старая няня и слезами налились ея глубокія морщины; тяжкій камень лежалъ на сердцѣ у вѣрныхъ хлопцевъ, глядѣвшихъ на свою пани. Уже совсѣмъ ослабѣла она и лѣниво топала ногами на одномъ мѣстѣ, думая, что танцуетъ горлицу. «А у меня монисто есть, парубки!» сказала она наконецъ, остановившись: «а у васъ нѣтъ!.... Гдѣ мужъ мой?» вскричала она вдругъ, выхвативъ изъ-за пояса турецій кинжалъ. «О! это

не такой ножъ, какой нужно». При этомъ и слезы, и тоска показались у нея на лицѣ. «У отца моего далеко сердце: онъ не достанетъ до него. У него сердце изъ желѣза выковано; ему выковала одна вѣдьма на пекельномъ огнѣ. Что жъ нейдетъ отецъ мой? развѣ онъ не знаетъ, что пора заколоть его? Видно онъ хочетъ, чтобъ я сама пришла...» и не докончивъ, чудно засмѣялась. «Мнѣ пришла на умъ забавная исторія: я вспомнила, какъ погребали моего мужа. Вѣдь его живаго погребли... какой смѣхъ забиралъ меня... Слушайте, слушайте!» и, вмѣсто словъ, начала она пѣть пѣсню:

Бижыть возокъ кровавенькій:
Утимъ возку казакъ лежить,
Пострѣляный, порубаный.
Въ правій ручци дротыкъ держить,
Съ того дроту кривця бижыть;
Бижыть рика кровавая.
Надъ ричкою яворъ стоить:
Надъ яворомъ воронъ кряче.
За казакомъ маты плаче.
Не плачь, маты, не журыся!
Бо вже твій сынъ оженывся.
Та взявъ жинку паняночку,
Въ чистомъ поли земляночку,
И безъ дверець, безъ оконець.
Та вжи писни вышовъ конецъ.
Танціовала рыба зъ ракомъ...
Ахто мене неполюбить трясця его матерь!

Такъ перемѣшивались у нея всѣ пѣсни. Уже день и два живетъ она въ своей хатѣ и не хочетъ слышать о Кіевѣ, и не молится, и бѣжитъ отъ людей; и съ утра до поздняго вечера бродитъ по темнымъ дубравамъ. Острые сучья царапаютъ бѣлое лицо и плеча; вѣтеръ треплетъ расплетенныя косы; осенніе листья шумятъ подъ ногами ея — ни на что не глядитъ она. Въ часъ, когда вечерняя заря тухнетъ, еще не являются звѣзды, не горитъ мѣсяцъ, а уже страшно ходить въ лѣсу: по деревьямъ царапаются и хватаются за сучья некрещеныя дѣти, рыдаютъ, хохочутъ, катятся клубомъ по дорогамъ и въ широкой крапивѣ; изъ днѣпровскихъ волнъ выбѣгаютъ вереницами погубившія свои души дѣвы; волосы льются съ зеленой головы на плечи; вода, звучно журча, бѣжитъ съ длинныхъ волосъ на землю, и дѣва свѣтится сквозь воду, какъ-будто бы сквозь стеклянную рубашку; уста чудно усмѣхаются, щеки пылаютъ, очи выманиваютъ душу... она сгорѣла бы отъ любви, она зацѣловала бы... Бѣги, крещеный человѣкъ! уста ея — ледъ, постель — холодная вода; она защекочетъ тебя и утащитъ въ рѣку. Катерина не глядитъ ни на кого, не боится, безумная, ру-

салокъ, бѣгаетъ поздно съ ножемъ своимъ и ищетъ отца.

Съ раннимъ утромъ пріѣхалъ какой-то гость, статный собою, въ красномъ жупанѣ, и освѣдомляется о панѣ Данилѣ; слышитъ все, утираетъ рукавомъ заплаканныя очи и пожимаетъ плечами. Онъ-де воевалъ вмѣстѣ съ покойнымъ Бурульбашемъ; вмѣстѣ рубились они съ крымцами и турками; ждалъ ли онъ, чтобы такой конецъ былъ пана Данила. Разсказываетъ еще гость о многомъ другомъ и хочетъ видѣть пани Катерину.

Катерина сначала не слушала ничего, что́ говорилъ гость; напослѣдокъ стала, какъ разумная, вслушиваться въ его рѣчи. Онъ повелъ про то̀, какъ они жили вмѣстѣ съ Даниломъ, будто братъ съ братомъ; какъ укрылись разъ подъ греблею отъ крымцевъ... Катерина все слушала и не спускала съ него очей. «Она отойдетъ!» думали хлопцы, глядя на нее: «этотъ гость вылечитъ ее! она уже слушаетъ, какъ разумная!» Гость началъ разсказывать между-тѣмъ, какъ панъ Данило, въ часъ откровенной бесѣды, сказалъ ему: «Гляди, братъ Копрянъ: когда волею божіей не будетъ меня на свѣтѣ,

возьми къ себѣ жену, и пусть будетъ она твоею женою...» Страшно вонзила въ него очи Катерина. «А!» вскрикнула она: «это онъ! это отецъ!» и кинулась на него съ ножемъ. Долго боролся тотъ, стараясь вырвать у нея ножъ; наконецъ вырвалъ, замахнулся — и совершилось страшное дѣло: отецъ убилъ безумную дочь свою. Изумившіеся казаки кинулись-было на него; но колдунъ уже успѣлъ вскочить на коня и пропалъ изъ виду.

═

XIV.

За Кіевомъ показалось неслыханное чудо. Всѣ паны и гетманы собирались дивиться этому чуду: вдругъ стало видимо далеко во всѣ концы свѣта. Вдали засинѣлъ Лиманъ, за Лиманомъ разливалось Черное море. Бывалые люди узнали и Крымъ, горою подымавшійся изъ моря, и болотный Сивашъ. По лѣвую руку видна была земля галичская. «А то̀ что̀ такое?» допраши-

валъ собравшійся народъ старыхъ людей, указывая на далеко мерещившіеся на небѣ и больше похожіе на облака сѣрые и бѣлые верхи. «То Карпатскія горы!» говорили старые люди: «межъ ними есть такія, съ которыхъ вѣкъ не сходитъ снѣгъ, а тучи пристаютъ и ночуютъ тамъ». Тутъ показалось новое диво: облака слетѣли съ самой высокой горы, и на вершинѣ ея показался во всей рыцарской сбруѣ человѣкъ на конѣ съ закрытыми очами, и такъ виденъ, какъ бы стоялъ вблизи. Тутъ, межъ дивившимся со страхомъ народомъ, одинъ вскочилъ на коня и, дико озираясь по сторонамъ, какъ-будто ища очами, не гонится ли кто за нимъ, торопливо, во всю мочь, погналъ коня своего. То былъ колдунъ. Чего же такъ перепугался онъ? Со страхомъ вглядѣвшись въ чуднаго рыцаря, узналъ онъ на немъ то же самое лицо, которое незванное показалось ему, когда онъ ворожилъ. Самъ не могъ онъ разумѣть, отчего въ немъ все смутилось при такомъ видѣ и, робко озираясь, мчался онъ на конѣ, покамѣстъ не застигнулъ его вечеръ и не проглянули звѣзды. Тутъ поворотилъ онъ домой, можетъ-быть, допросить нечистую силу, что̀ значитъ такое диво. Уже

онъ хотѣлъ перескочить съ конемъ черезъ узкую рѣку, выступившую рукавомъ середи дороги, какъ вдругъ конь на всемъ скаку остановился, заворотилъ къ нему морду, и — чудо, засмѣялся! бѣлые зубы страшно блеснули двумя рядами во мракѣ. Дыбомъ поднялись волоса на головѣ колдуна. Дико закричалъ онъ и заплакалъ, какъ изступленный, и погналъ коня прямо къ Кіеву. Ему чудилось, что все со всѣхъ сторонъ бѣжало ловить его: деревья, обступивши темнымъ лѣсомъ, и какъ-будто живыя, кивая чорными бородами и вытягивая длинныя вѣтви, силились задушить его; звѣзды, казалось, бѣжали впереди передъ нимъ, указывая всѣмъ на грѣшника; сама дорога, чудилось, мчалась по слѣдамъ его. Отчаянный колдунъ летѣлъ въ Кіевъ ко святымъ мѣстамъ.

XV.

Одиноко сидѣлъ въ своей пещерѣ передъ лампадою схимникъ и не сводилъ очей съ святой книги. Уже много лѣтъ, какъ онъ затворился въ своей пещерѣ; уже сдѣлалъ себѣ и досчатый гробъ, въ который ложился спать вмѣсто постели. Закрылъ святой старецъ свою книгу и сталъ молиться... Вдругъ вбѣжалъ человѣкъ чуднаго, страшнаго вида. Изумился святой схимникъ въ

первый разъ, и отступилъ, увидѣвъ такого человѣка. Весь дрожалъ онъ, какъ осиновый листъ; очи дико косились; страшный огонь пугливо сыпался изъ очей; дрожь наводило на душу уродливое его лицо.

«Отецъ, молись! молись!» закричалъ онъ отчаянно: «молись о погибшей душѣ!» и грянулся на землю.

Святой схимникъ перекрестился, досталъ книгу, развернулъ и, въ ужасѣ, отступилъ назадъ и выронилъ книгу: «Нѣтъ, неслыханный грѣшникъ! нѣтъ тебѣ помилованія! бѣги отсюда! не могу молиться о тебѣ!»

«Нѣтъ?» закричалъ, какъ безумный, грѣшникъ.

«Гляди: святыя буквы въ книгѣ налились кровью... Еще никогда въ мірѣ не бывало такого грѣшника!»

«Отецъ! ты смѣешься надо мною!»

«Иди, окаянный грѣшникъ! не смѣюсь я надъ тобою. Боязнь овладѣваетъ мною. Не добро быть человѣку съ тобою вмѣстѣ!»

«Нѣтъ, нѣтъ! ты смѣешься, не говори... я вижу, какъ раздвинулся ротъ твой: вотъ бѣлѣютъ рядами твои старые зубы!...»

И, какъ бѣшеный, кинулся онъ — и убилъ святаго схимника.

Что-то тяжко застонало и стонъ перенесся черезъ поле и лѣсъ. Изъ-за лѣса поднялись тощія, сухія руки съ длинными когтями: затряслись и пропали.

И уже ни страха, ничего не чувствовалъ онъ. Все чудится ему какъ-то смутно: въ ушахъ шумитъ, въ головѣ шумитъ, какъ-будто отъ хмѣля, и все, что̀ ни есть передъ глазами, покрывается какъ-бы паутиною. Вскочивши на коня, поѣхалъ онъ прямо въ Каневъ, думая оттуда черезъ Черкасы направить путь къ татарамъ прямо въ Крымъ, самъ не зная для чего. Ѣдетъ онъ уже день, другой, а Канева все нѣтъ. Дорога та самая; пора бы ему уже давно показаться, но Канева не видно. Вдали блеснули верхушки церквей: но это не Каневъ, а Шумскъ. Изумился колдунъ, видя, что онъ заѣхалъ совсѣмъ въ другую сторону. Погналъ коня назадъ къ Кіеву и черезъ день показался городъ; но не Кіевъ, а Галичь, городъ еще далѣе отъ Кіева, чѣмъ Шумскъ, и уже не далеко отъ Венгровъ. Не зная что̀ дѣлать, поворотилъ онъ коня снова назадъ; но чувствуетъ снова, что ѣдетъ

въ противную сторону и все впередъ. Не могъ бы ни одинъ человѣкъ въ свѣтѣ разсказать, что̀ было на душѣ у колдуна; а если бы онъ заглянулъ и увидѣлъ что̀ тамъ дѣялось, то уже не досыпалъ бы онъ ночей и не засмѣялся бы ни разу. То была не злость, не страхъ, и не лютая досада. Нѣтъ такого слова на свѣтѣ, которымъ бы можно было его назвать. Его жгло, пекло, ему хотѣлось бы весь свѣтъ вытоптать конемъ своимъ, взять всю землю отъ Кіева до Галича съ людьми, со всѣмъ, и затопить ее въ Черномъ морѣ. Но не отъ злобы хотѣлось ему это сдѣлать: нѣтъ, самъ онъ не зналъ отъ чего. Весь вздрогнулъ онъ, когда уже показались близко передъ нимъ Карпатскія горы и высокій Криванъ, накрывшій свое темя, будто шапкою, сѣрою тучею; а конь все неслся и уже рыскалъ по горамъ. Тучи разомъ очистились, и передъ нимъ показался въ страшномъ величіи всадникъ... Онъ силится остановиться; крѣпко натягиваетъ удила; дико ржалъ конь, подымая гриву, и мчался къ рыцарю. Тутъ чудится колдуну, что все въ немъ замерло, что недвижный всадникъ шевелится и вдругъ открылъ свои очи;

увидѣлъ несшагося къ нему колдуна, и засмѣялся. Какъ громъ, разсыпался дикій смѣхъ по горамъ и зазвучалъ въ сердцѣ колдуна, потрясши все, что было внутри его. Ему чудилось, что будто кто-то сильный влѣзъ въ него и ходилъ внутри его и билъ молотами по сердцу, по жиламъ... такъ страшно отдался въ немъ этотъ смѣхъ!

Ухватилъ всадникъ страшною рукою колдуна и поднялъ его на воздухъ. Вмигъ умеръ колдунъ и открылъ послѣ смерти очи; но уже былъ мертвецъ, и глядѣлъ, какъ мертвецъ. Такъ страшно не глядитъ ни живой, ни воскресшій. Ворочалъ онъ по сторонамъ мертвыми глазами и увидѣлъ поднявшихся мертвецовъ отъ Кіева, и отъ земли галичской, и отъ Карпата, какъ двѣ капли воды схожихъ лицомъ на него.

Блѣдны, блѣдны, одинъ другаго выше, одинъ другаго костистѣй, стали они вокругъ всадника, державшаго въ рукѣ страшную добычу. Еще разъ засмѣялся рыцарь, и кинулъ ее въ пропасть. И всѣ мертвецы вскочили въ пропасть, подхватили мертвеца и вонзили въ него свои зубы. Еще одинъ всѣхъ выше, всѣхъ страшнѣе, хотѣлъ подняться отъ земли; но не могъ, не въ силахъ

былъ этого сдѣлать — такъ великъ выросъ онъ въ землѣ; а если бы поднялся, то опрокинулъ бы и Карпатъ, и Семиградскую и Турецкую земли. Немного только подвинулся онъ — и пошло отъ того трясеніе по всей землѣ, и много поопрокидывалось вездѣ хатъ, и много задавило народу.

Слышится часто по Карпату свистъ, какъ-будто тысяча мельницъ шумитъ колесами на водѣ: тò, въ безвыходной пропасти, которой не видалъ еще ни одинъ человѣкъ, страшащійся проходить мимо, мертвецы грызутъ мертвеца. Нерѣдко бывало по всему міру, что земля тряслась отъ одного конца до другаго: тò оттого дѣлается, толкуютъ грамотные люди, что есть гдѣ-то, близъ моря, гора, изъ которой выхватывается пламя и текутъ горящія рѣки. Но старики, которые живутъ и въ Венгріи, и въ галичской землѣ, лучше знаютъ это, и говорятъ, что тò хочетъ подняться выросшій въ землѣ великій, великій мертвецъ, и трясетъ землю.

═

XVI.

Въ городѣ Глуховѣ собрался народъ около старца бандуриста, и уже съ часъ слушалъ, какъ слѣпецъ игралъ на бандурѣ. Еще такихъ чудныхъ пѣсенъ и такъ хорошо не пѣлъ ни одинъ бандуристъ. Сперва повелъ онъ про прежнюю гетманщину за Сагайдачнаго и Хмѣльницкаго. Тогда иное было время: казачество было въ славѣ, топтало конями непріятелей, и никто

не смѣлъ посмѣяться надъ нимъ. Пѣлъ и веселыя пѣсни старецъ и поваживалъ своими очами на народъ, какъ-будто зрящій; а пальцы, съ придѣланными къ нимъ костями, летали какъ муха по струнамъ и, казалось, струны сами играли; а кругомъ народъ, старые люди понуривъ головы, а молодые поднявъ очи на старца, не смѣли и шептать между собою.

Постойте, сказалъ старецъ, я вамъ запою про одно давнее дѣло. Народъ сдвинулся еще тѣснѣе и слѣпецъ запѣлъ:

«За пана Степана, князя седмиградскаго (былъ князь седмиградскій королемъ и у ляховъ) жило два казака: Иванъ да Петро. Жили они такъ, какъ братъ съ братомъ. «Гляди, Иванъ, все, что̀ ни добудешь — все пополамъ: когда кому веселье, веселье и другому; когда кому горе — горе и обоимъ; когда кому добыча — пополамъ добычу; когда кто въ полонъ попадетъ — другой продай все и дай выкупъ, а не то, самъ ступай въ полонъ». И правда, все, что̀ ни доставали казаки, все дѣлили пополамъ; угоняли ли чужой скотъ, или коней, все дѣлили пополамъ.

* *
*

«Воевалъ король Степанъ съ турчиномъ. Уже три недѣли воюетъ онъ съ турчиномъ, а все не можетъ его выгнать. А у турчина былъ паша такой, что самъ съ десятью янычарами могъ порубить цѣлый полкъ. Вотъ объявилъ король Степанъ, что если сыщется смѣльчакъ и приведетъ къ нему пашу живаго, или мертваго, дастъ ему одному столько жалованья, сколько дастъ на все войско. «Пойдемъ, братъ, ловить пашу!» сказалъ братъ Иванъ Петру. И поѣхали казаки, одинъ въ одну сторону, другой въ другую.

* *
*

«Поймалъ ли бы еще, или не поймалъ Петро, а уже Иванъ ведетъ пашу арканомъ за шею къ самому королю. «Бравый молодецъ!» сказалъ король Степанъ, и приказалъ выдать ему одному такое жалованье, какое получаетъ все войско; и приказалъ отвесть ему земли тамъ, гдѣ онъ задумаетъ себѣ, и дать скота, сколько пожелаетъ. Какъ получилъ Иванъ жалованье отъ короля, въ тотъ же день раздѣлилъ все поровну между собою и Петромъ. Взялъ Петро половину королевскаго жалованья, но не могъ вынесть того, что

Иванъ получилъ такую честь отъ короля, и затаилъ глубоко на душѣ месть.

* *
*

«Ѣхали оба рыцаря на жалованную королемъ землю, за Карпатъ. Посадилъ казакъ Иванъ съ собою на коня своего сына, привязавъ его къ себѣ. Уже настали сумерки — они все ѣдутъ. Младенецъ заснулъ; сталъ дремать и самъ Иванъ. Не дремли, казакъ, по горамъ дороги опасныя!... Но у казака такой конь, что самъ вездѣ знаетъ дорогу: не спотыкнется и не оступится. Есть между горами провалъ, въ провалѣ дна никто не видалъ; сколько отъ земли до неба, столько до дна того провала. По надъ самымъ проваломъ дорога — два человѣка еще могутъ проѣхать, а трое ни за что. Сталъ бережно ступать конь съ дремавшимъ казакомъ. Рядомъ ѣхалъ Петро, весь дрожалъ и притаилъ духъ отъ радости. Оглянулся и толкнулъ названнаго брата въ провалъ; и конь съ казакомъ и младенцемъ полетѣли въ провалъ.

* *
*

«Ухватился, однако жъ, казакъ за сукъ, и одинъ только конь полетѣлъ на дно. Сталъ онъ карабкаться, съ сыномъ за плечами, вверхъ; не много уже не добрался, подпялъ глаза и увидѣлъ, что Петро наставилъ пику, чтобы столкнуть его назадъ. «Боже ты мой, праведный! лучше бъ мнѣ не подымать глазъ, чѣмъ видѣть, какъ родной братъ наставляетъ пику столкнуть меня назадъ!... Братъ мой милый! коли меня пикой, когда уже мнѣ такъ написано на роду; но возьми сына: чѣмъ невинный младенецъ виноватъ, чтобы ему пропасть такою лютою смертью?» Засмѣялся Петро и толкнулъ его пикой, и казакъ съ младенцемъ полетѣлъ на дно. Забралъ себѣ Петро все добро и сталъ жить, какъ паша. Табуновъ ни у кого такихъ не было, какъ у Петра; овецъ и барановъ нигдѣ столько не было. И умеръ Петро.

* *
*

«Какъ умеръ Петро, призвалъ Богъ души обоихъ братьевъ, Петра и Ивана, на судъ. «Великій есть грѣшникъ сей человѣкъ!» сказалъ Богъ. «Иване! не выберу я ему скоро казни; выбери ты самъ ему казнь!» Долго думалъ Иванъ, вы-

мышляя казнь, и наконецъ сказалъ: «Великую обиду нанесъ мнѣ сей человѣкъ: предалъ своего брата, какъ Іуда, и лишилъ меня честнаго моего рода и потомства на землѣ. А человѣкъ безъ честнаго рода и потомства, что̀ хлѣбное сѣмя, кинутое въ землю, и пропавшее даромъ въ землѣ. Всходу нѣтъ — никто и не узнаетъ, что кинуто было сѣмя.

* *
*

«Сдѣлай же, Боже, такъ, чтобы все потомство его не имѣло на землѣ счастья; чтобы послѣдній въ родѣ былъ такой злодѣй, какого еще и не бывало на свѣтѣ! и отъ каждаго его злодѣйства, чтобы дѣды и прадѣды его не нашли бы покоя въ гробахъ, и терпя муку, невѣдомую на свѣтѣ, подымались бы изъ могилъ! А Іуда Петро, чтобы не въ силахъ былъ подняться, и отъ того терпѣлъ бы муку еще горшую; и ѣлъ бы, какъ бѣшеный, землю, и корчился бы подъ землею.

* *
*

«И когда придетъ часъ мѣры въ злодѣйствахъ тому человѣку, подыми меня, Боже, изъ того

провала на конѣ на самую высокую гору, и пусть придетъ онъ ко мнѣ, и брошу я его съ той горы въ самый глубокій провалъ, и всѣ мертвецы, его дѣды и прадѣды, гдѣ бы ни жили при жизни, чтобы всѣ потянулись отъ разныхъ сторонъ земли грызть его, за тѣ муки, что̀ онъ наносилъ имъ, и вѣчно бы его грызли, и повеселился бы я, глядя на его муки! А Іуда Петро чтобы не могъ подняться изъ земли, чтобы рвался грызть и себѣ, но грызъ бы самого-себя, а кости его расли бы чѣмъ дальше, больше, чтобы чрезъ то еще сильнѣе становилась его боль. Та мука для него будетъ самая страшная: ибо для человѣка нѣтъ бо̀льшей муки, какъ хотѣть отмстить, и не мочь отмстить».

* *
*

«Страшна казнь, тобою выдуманная, человѣче!» сказалъ Богъ: «пусть будетъ все такъ, какъ ты сказалъ; но и ты сиди вѣчно тамъ на конѣ своемъ, и не будетъ тебѣ царствія небеснаго, покамѣстъ ты будешь сидѣть тамъ на конѣ своемъ!» И то̀ все такъ сбылось, какъ было сказано: и донынѣ стоитъ на Карпатѣ на конѣ дивный рыцарь, и видитъ, какъ въ бездонномъ

провалѣ грызутъ мертвецы мертвеца, и чуетъ, какъ лежащій подъ землею мертвецъ растетъ, гложетъ въ страшныхъ мукахъ свои кости и страшно трясетъ всю землю...»

—

Ужъ слѣпецъ кончилъ свою пѣсню; уже снова сталъ перебирать струны; уже сталъ пѣть смѣшныя присказки про Хому и Ерему, про Стклира Стокозу... но старые и малые все еще не думали очнуться и долго стояли, потупивъ головы, раздумывая о страшномъ, въ старину случившемся дѣлѣ.

ИВАНЪ ѲЕДОРОВИЧЪ

ШПОНЬКА

и

ЕГО ТЕТУШКА.

Съ этой исторіей случилась исторія: намъ разсказывалъ ее пріѣзжавшій изъ Гадяча Степанъ Ивановичъ Курочка. Нужно вамъ знать, что память у меня, невозможно сказать, что за дрянь: хоть говори, хоть не говори, все одно. Тоже самое, что въ рѣшето воду лей. Зная за собою такой грѣхъ, нарочно просилъ его списать ее въ тетрадку. Ну, дай Богъ ему здоровья, человѣкъ онъ былъ всегда добрый для меня, взялъ и списалъ. Положилъ я ее въ маленькій столикъ; вы, думаю, его хорошо знаете: онъ стоитъ въ углу, когда войдешь въ

дверь... Да, я и позабылъ, что вы у меня никогда не были. Старуха моя, съ которой живу уже лѣтъ тридцать вмѣстѣ, грамотѣ съ-роду не училась; нечего и грѣха таить. Вотъ замѣчаю я, что она пирожки печетъ на какой-то бумагѣ. Пирожки она, любезные читатели, удивительно хорошо печетъ; лучшихъ пирожковъ вы нигдѣ не будете ѣсть. Посмотрѣлъ какъ-то на сподку пирожка — смотрю: писанныя слова. Какъ-будто сердце у меня знало: прихожу къ столику — тетрадки и половины нѣтъ! Остальные листки всѣ растаскала на пироги. Что̀ прикажешь дѣлать? на старости лѣтъ не подраться же!—Прошлый годъ случилось проѣзжать чрезъ Гадячь; нарочно еще, не доѣзжая города, завязалъ узелокъ, чтобы не забыть попросить объ этомъ Степана Ивановича. Этого мало: взялъ обѣщаніе съ самого-себя: какъ-только чихну въ городѣ, то чтобы при этомъ вспомнить о немъ. Все напрасно. Проѣхалъ чрезъ городъ, и чихнулъ, и высморкался въ платокъ, а все позабылъ; да уже вспомнилъ, какъ верстъ за шесть отъѣхалъ отъ заставы.

Нечего дѣлать, пришлось печатать безъ конца. Впрочемъ, если кто желаетъ непремѣнно знать, о чемъ говорится далѣе въ этой повѣсти, то ему стоитъ только нарочно пріѣхать въ Гадячь, и попросить Степана Ивановича. Онъ съ большимъ удовольствіемъ разскажетъ ее, хоть, пожалуй, снова отъ начала до конца. Живетъ онъ недалеко возлѣ каменной церкви. Тутъ есть сейчасъ маленькій переулокъ: какъ-только поворотишь въ переулокъ, то будутъ вторыя или третьи ворота. Да вотъ лучше: когда увидите на дворѣ большой шестъ съ перепеломъ и выйдетъ на-встрѣчу вамъ толстая баба въ зеленой юбкѣ (онъ, не мѣшаетъ сказать, ведетъ жизнь холостую), то это его дворъ. Впрочемъ, вы можете его встрѣтить на базарѣ, гдѣ бываетъ онъ каждое утро до девяти часовъ, выбираетъ рыбу и зелень для своего стола и разговариваетъ съ отцомъ Антипомъ, или съ жидомъ-откупщикомъ. Вы его тотчасъ узнаете, потому-что ни у кого нѣтъ, кромѣ его, панталонъ изъ цвѣтной выбойки и китайчатаго жолтаго сюртука. Вотъ вамъ еще примѣта: когда хо-

дитъ онъ, то всегда размахиваетъ руками. Еще покойный тамошній засѣдатель, Денисъ Петровичъ, всегда, бывало, увидѣвши его издали, говорилъ: «глядите, глядите, вонъ идетъ вѣтряная мельница!»

ИВАНЪ ѲЕДОРОВИЧЪ ШПОНЬКА

и

ЕГО ТЕТУШКА.

—

I

ИВАНЪ ѲЕДОРОВИЧЪ ШПОНЬКА.

Уже четыре года, какъ Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька въ отставкѣ и живетъ на хуторѣ своемъ Вытребенькахъ. Когда былъ онъ еще Ванюшею, то обучался въ гадячскомъ повѣтовомъ училищѣ и, надобно сказать, былъ преблагонравный и престарательный мальчикъ. Учитель россійской грамматики, Никифоръ Тимофеевичъ Дѣепричастіе, говаривалъ, что если бы всѣ у

него были такъ старательны, какъ Шпонька, то онъ не носилъ бы съ собою въ классъ кленовой линейки, которою, какъ самъ онъ признавался, уставалъ бить по рукамъ лѣнивцевъ и шалуновъ. Тетрадка у него всегда была чистенькая, кругомъ облинеенная, нигдѣ ни пятнышка. Сидѣлъ онъ всегда смирно, сложивъ руки и уставивъ глаза на учителя, и никогда не привѣшивалъ, сидѣвшему впереди его товарищу, на спину бумажекъ, не рѣзалъ скамьи и не игралъ до прихода учителя въ *тѣсной бабы*. Когда кому нужда была въ ножикѣ очинить перо, тотъ немедленно обращался къ Ивану Ѳедоровичу, зная, что у него всегда водился ножикъ; и Иванъ Ѳедоровичъ, тогда еще просто Ваноша, вынималъ его изъ небольшаго кожаннаго чехольчика, привязаннаго къ петлѣ своего сѣренькаго сюртука, и просилъ только не скоблить пера остріемъ ножика, увѣряя, что для этого есть тупая сторона. Такое благонравіе скоро привлекло на него вниманіе даже самого учителя латинскаго языка, котораго одинъ кашель въ сѣняхъ, прежде нежели высовывалась въ дверь его фризовая шинель и лицо, изукрашенное оспою, наводилъ страхъ на весь классъ. Этотъ

страшный учитель, у котораго на каѳердѣ всегда лежало два пучка розогъ и половина слушателей стояла на колѣнахъ, сдѣлалъ Ивана Ѳедоровича аудиторомъ, не-смотря на то̀, что въ классѣ было много съ гораздо лучшими способностями. Тутъ не можно пропустить одного случая, сдѣлавшаго вліяніе на всю его жизнь. Одинъ изъ ввѣренныхъ ему учениковъ, чтобы склонить своего аудитора написать ему въ спискѣ *scit*, тогда, какъ онъ своего урока въ-зубъ не зналъ, принесъ въ классъ завернутый въ бумагу облитый масломъ блинъ. Иванъ Ѳедоровичъ хотя и держался справедливости, но на эту пору былъ голоденъ и не могъ противиться обольщенію: взялъ блинъ, поставилъ передъ собою книгу и началъ ѣсть, и такъ былъ занятъ этимъ, что даже не замѣтилъ, какъ въ классѣ сдѣлалась вдругъ мертвая тишина. Тогда только съ ужасомъ очнулся онъ, когда страшная рука, протянувшись изъ фризовой шинели, ухватила его за ухо и вытащила на средину класса. «Подай сюда блинъ! подай, говорятъ тебѣ, негодяй!» сказалъ грозный учитель; схватилъ пальцами масляный блинъ и выбросилъ его за окно, строго запретивъ, бѣгавшимъ по двору школьникамъ

подпимать его. Послѣ этого тутъ же высѣкъ онъ пребольно Ивана Ѳедоровича по рукамъ; и дѣло: руки виноваты, зачѣмъ брали, а не другая часть тѣла. Какъ бы то ни было, только съ этихъ поръ робость, и безъ того неразлучная съ нимъ, увеличилась еще болѣе. Можетъ-быть, это самое происшествіе было причиною того, что онъ не имѣлъ никогда желанія вступить въ штатскую службу, видя на опытѣ, что не всегда удается хоронить концы. Было уже безъ малаго пятнадцать лѣтъ ему, когда перешелъ онъ во второй классъ, гдѣ, вмѣсто сокращеннаго катихизиса и четырехъ правилъ ариѳметики, принялся онъ за пространный, за книгу о должностяхъ человѣка и за дроби. Но увидѣвши, что чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ, и получивши извѣстіе, что батюшка приказалъ долго жить, пробылъ еще два года и, съ согласія матушки, вступилъ потомъ въ П*** пѣхотный полкъ. П*** пѣхотный полкъ былъ совсѣмъ не такого сорта, къ какому принадлежатъ многіе пѣхотные полки: несмотря на то, что онъ большею частію стоялъ по деревнямъ, онъ былъ на такой ногѣ, что не уступалъ инымъ и кавалерійскимъ. Большая часть офицеровъ пила

выморозки и умѣла таскать жидовъ за пейсики не хуже гусаровъ; нѣсколько человѣкъ даже танцовали мазурку, и полковникъ П*** полка никогда не упускалъ случая замѣтить объ этомъ, разговаривая съ кѣмъ-нибудь въ обществѣ. «У меня-съ» говорилъ онъ обыкновенно, трепля себя по брюху послѣ каждаго слова: «многіе пляшутъ-съ мазурку; весьма многіе-съ, очень многіе-съ». Чтобы еще болѣе показать читателямъ образованность П*** пѣхотнаго полка, мы прибавимъ, что двое изъ офицеровъ были страшные игроки въ банкъ, и проигрывали мундиръ, фуражку, шинель, темлякъ и даже исподнее платье, чего не вездѣ и между кавалеристами можно сыскать. Обхожденіе съ такими товарищами однако же ни чуть не уменьшило робости Ивана Ѳедоровича; и такъ-какъ онъ не пилъ выморозокъ, предпочитая имъ рюмку водки предъ обѣдомъ и ужиномъ, не танцовалъ мазурки и не игралъ въ банкъ, то, натурально, долженъ былъ всегда оставаться одинъ. Такимъ образомъ, когда другіе разъѣзжали на обывательскихъ по мелкимъ помѣщикамъ, онъ, сидя въ своей квартирѣ, упражнялся въ занятіяхъ, сродныхъ одной кроткой и доброй душѣ: то чистилъ пуговицы, то

читалъ гадательную книгу, то ставилъ мышеловки по угламъ своей комнаты, то, наконецъ, скинувши мундиръ, лежалъ на постели. Зато не было никого исправнѣе Ивана Ѳедоровича въ полку, и взводомъ своимъ онъ такъ командовалъ, что ротный командиръ всегда ставилъ его въ образецъ. Зато въ скоромъ времени, спустя одиннадцать лѣтъ послѣ полученія прапорщичьяго чина, произведенъ онъ былъ въ подпоручики. Въ продолженіе этого времени онъ получилъ извѣстіе, что матушка скончалась; а тетушка, родная сестра матушки, которую онъ зналъ только потому, что она привозила ему въ дѣтствѣ, и посылала даже въ Гадячь, сушеныя груши и дѣланные ею-самою превкусные пряники (съ матушкой она была въ ссорѣ и потому Иванъ Ѳедоровичъ послѣ не видалъ ея). Эта тетушка, по своему добродушію, взялась управлять небольшимъ его имѣніемъ; о чемъ извѣстила его въ свое время письмомъ. Иванъ Ѳедоровичъ, будучи совершенно увѣренъ въ благоразуміи тетушки, началъ по-прежнему исполнять свою службу. Иной на его мѣстѣ, получивши такой чинъ, возгордился бы; но гордость совершенно была ему неизвѣстна, и сдѣлавшись поручикомъ, онъ былъ

тотъ же самый Иванъ Ѳедоровичъ, какимъ былъ нѣкогда въ прапорщичьемъ чинѣ. Пробывъ четыре года послѣ этого замѣчательнаго для него событія, онъ готовился выступить вмѣстѣ съ полкомъ изъ Могилевской губерніи въ Великороссію, какъ получилъ письмо такого содержанія:

Любезный племянникъ,

Иванъ Ѳедоровичъ!

Посылаю тебѣ бѣлье: пять паръ нитяныхъ карпетокъ и четыре рубашки тонкаго холста; да еще хочу поговорить съ тобою о дѣлѣ: такъ-какъ ты уже имѣешь чинъ немаловажный, что̀, думаю, тебѣ извѣстно, и пришелъ въ такія лѣта, что пора и хозяйствомъ позаняться, то въ воинской службѣ тебѣ незачѣмъ болѣе служить. Я уже стара и не могу всего присмотрѣть въ твоемъ хозяйствѣ; да и дѣйствительно многое притомъ имѣю тебѣ открыть лично. Пріѣзжай, Ванюша; въ ожиданіи подлиннаго удовольствія тебя видѣть, остаюсь многолюбящая твоя тетка

Василиса Цупчевьска.

Чудная въ огородѣ у насъ выросла рѣпа: больше похожа на картофель, чѣмъ на рѣпу.

Черезъ недѣлю послѣ полученія этого письма, Иванъ Ѳедоровичъ написалъ такой отвѣтъ:

Милостивая государыня, тетушка,

Василиса Кашпоровна!

Много благодарю васъ за присылку бѣлья. Особенно карпетки у меня очень старыя, что даже деньщикъ што-

палъ ихъ четыре раза, и очень отъ того стали узкія. Па-счетъ вашего мнѣнія о моей службѣ, я совершно согласенъ съ вами, и третьяго дня подалъ отставку. А какъ только получу увольненіе, то найму извощика. Прежней вашей коммисіи, па-счетъ сѣмянъ пшеницы сибирской арнаутки, не могъ исполнить: во всей Могилевской губерніи нѣтъ такой. Свиней же здѣсь кормятъ большею частію брагой, подмѣшивая немного выигравшагося пива.

Съ совершеннымъ почтеніемъ, милостивая государыня тетушка, пребываю племянникомъ

Иваномъ Шпонькою.

Наконецъ Иванъ Ѳедоровичъ получилъ отставку съ чиномъ поручика, нанялъ за сорокъ рублей жида отъ Могилева до Гадяча и сѣлъ въ кибитку въ то самое время, когда деревья одѣлись молодыми, еще рѣдкими листьями, вся земля ярко зазеленѣла свѣжею зеленью и по всему полю пахло весною.

═

II.

ДОРОГА.

Въ дорогѣ ничего не случилось слишкомъ замѣчательнаго. Ѣхали съ небольшимъ двѣ недѣли. Можетъ-быть еще и этого скорѣе пріѣхалъ бы Иванъ Ѳедоровичъ, но набожный жидъ шабашовалъ по субботамъ, и, накрывшись своею попоной, молился весь день. Впрочемъ Иванъ Ѳедоровичъ, какъ уже имѣлъ я случай замѣтить

прежде, былъ такой человѣкъ, который не допускалъ къ себѣ скуки. Въ то время развязывалъ онъ чемоданъ, вынималъ бѣлье, разсматривалъ его хорошенько: такъ ли вымыто, такъ ли сложено; снималъ осторожно пушокъ съ новаго мундира, сшитаго уже безъ погончиковъ, и снова все это укладывалъ наилучшимъ образомъ. Книгъ онъ, вообще сказать, не любилъ читать; а если заглядывалъ иногда въ гадательную книгу, такъ это потому, что любилъ встрѣчать тамъ знакомое, читанное уже нѣсколько разъ. Такъ городской житель отправляется каждый день въ клубъ, не для того, чтобы услышать тамъ что-нибудь новое, но чтобы встрѣтить тѣхъ пріятелей, съ которыми онъ уже съ незапамятныхъ временъ привыкъ болтать въ клубѣ. Такъ чиновникъ съ большимъ наслажденіемъ читаетъ адресъ-календарь по нѣскольку разъ въ день, не для какихъ-нибудь дипломатическихъ затѣй, но его тѣшитъ до крайности печатная роспись именъ. «А! Иванъ Гавриловичъ такой-то!» повторяетъ онъ глухо про-себя. «А! вотъ и я! гм!...» и на слѣдующій разъ снова перечитываетъ его съ тѣми же восклицаніями.

Послѣ двухъ-недѣльной ѣзды, Иванъ Ѳедоро-

вичъ достигнулъ деревушки, находившейся во ста верстахъ отъ Гадяча. Это было въ пятницу. Солнце давно уже зашло, когда онъ въѣхалъ съ кибиткою и съ жидомъ на постоялый дворъ. Этотъ постоялый дворъ ничѣмъ не отличался отъ другихъ, выстроенныхъ по небольшимъ деревушкамъ. Въ нихъ обыкновенно съ большимъ усердіемъ потчуютъ путешественника сѣномъ и овсомъ, какъ-будто бы онъ былъ почтовая лошадь. Но если бы онъ захотѣлъ позавтракать, какъ обыкновенно завтракаютъ порядочные люди, то сохранилъ бы въ ненарушимости свой аппетитъ до другаго случая. Иванъ Ѳедоровичъ, зная все это, заблаговременно запасся двумя вязками бубликовъ и колбасою, и спросивши рюмку водки, въ которой не бываетъ недостатка ни на одномъ постояломъ дворѣ, началъ свой ужинъ, усѣвшись на лавкѣ передъ дубовымъ столомъ, неподвижно вкопаннымъ въ глиняный полъ. Въ продолженіе этого времени послышался стукъ брички. Ворота заскрыпѣли; но бричка долго не въѣзжала на дворъ. Громкій голосъ бранился со старухою, содержавшею трактиръ. «Я въѣду» услышалъ Иванъ Ѳедоровичъ: «но если хоть одинъ клопъ укуситъ меня въ твоей хатѣ, то

прибью, ейбогу прибью, старая колдунья! и за сѣно ничего не дамъ!» Минуту спустя дверь отворилась, и вошелъ, или, лучше сказать, влѣзъ толстый человѣкъ въ зеленомъ сюртукѣ. Голова его неподвижно покоилась на короткой шеѣ, которая казалась еще толще отъ двухъ-этажнаго подбородка. Казалось, и съ виду онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые не ломали никогда головы надъ пустяками, и которыхъ вся жизнь катилась по маслу.

«Желаю здравствовать, милостивый государь!» проговорилъ онъ, увидѣвши Ивана Өедоровича.

Иванъ Өедоровичъ безмолвно поклонился.

«А позвольте спросить, съ кѣмъ имѣю честь говорить?» продолжалъ толстый пріѣзжій.

При такомъ допросѣ Иванъ Өедоровичъ невольно поднялся съ мѣста и сталъ въ-вытяжку, что̀ обыкновенно онъ дѣлывалъ, когда спрашивалъ его о чемъ полковникъ. «Отставной поручикъ, Иванъ Өедоровъ Шпонька» отвѣчалъ онъ.

«А смѣю ли спросить, въ какія мѣста изволите ѣхать?»

«Въ собственный хуторъ-съ, Вытребенки».

«Вытребенки!» воскликнулъ строгій допрощикъ.

«Позвольте, милостивый государь, позвольте!» говорилъ онъ, подступая къ нему и размахивая руками, какъ-будто бы кто-нибудь его не допускалъ, или онъ продирался сквозь толпу, и приблизившись, принялъ Ивана Ѳедоровича въ объятія и облобызалъ сначала въ правую, потомъ въ лѣвую, и потомъ снова въ правую щеку. Ивану Ѳедоровичу очень понравилось это лобызаніе, потому-что губы его приняли большія щеки незнакомца за мягкія подушки. «Позвольте, милостивый государь, познакомиться!» продолжалъ толстякъ: «я помѣщикъ того же гадячскаго повѣта и вашъ сосѣдъ; живу отъ хутора вашего Вытребенки не дальше пяти верстъ, въ селѣ Хортыщѣ; а фамилія моя Григорій Григорьевичъ Сторченко. Непремѣнно, непремѣнно, милостивый государь, и знать васъ не хочу, если не пріѣдете въ-гости въ село Хортыще. Я теперь спѣшу по-надобности... А что это?» проговорилъ онъ кроткимъ голосомъ вошедшему своему жокею, мальчику въ казацкой свиткѣ съ заплатанными локтями, съ недоумѣвающею миною ставившему на столъ узлы и ящики. «Что это? что?» и голосъ Григорія Григорьевича незамѣтно дѣлался грознѣе и грознѣе. «Развѣ я это сю-

да велѣлъ ставить тебѣ, любезный? развѣ я это сюда говорилъ ставить тебѣ, подлецъ? Развѣ я не говорилъ тебѣ, напередъ разогрѣть курицу, мошенникъ: пошелъ!» вскрикнулъ онъ, топнувъ ногою. «Постой, рожа! гдѣ погребецъ со штофиками? Иванъ Ѳедоровичъ!» говорилъ онъ, наливая рюмку настойки: «прошу покорно лекарственной!»

«Ейбогу-съ, не могу.... я уже имѣлъ случай....» проговорилъ Иванъ Ѳедоровичъ съ запинкою.

«И слушать не хочу, милостивый государь!» возвысилъ голосъ помѣщикъ: «и слушать не хочу! съ мѣста не сойду, покамѣстъ не выкушаете...»

Иванъ Ѳедоровичъ, увидѣвши, что нельзя отказаться, не безъ удовольствія выпилъ.

«Это курица, милостивый государь» продолжалъ толстый Григорій Григорьевичъ, разрѣзывая ее ножемъ въ деревянномъ ящикѣ. «Надобно вамъ сказать, что повариха моя Явдоха иногда любитъ куликнуть и отъ того часто пересушиваетъ. Эй, хлопче!» тутъ оборотился онъ къ мальчику въ казацкой свиткѣ, принесшему перину и подушки: «постели постель мнѣ на полу посс-

реди хаты! Смотри же, сѣна повыше наклади подъ подушку! да выдерни у бабы изъ мычки клочекъ пеньки заткнуть мнѣ уши на ночь! Надобно вамъ знать, милостивый государь, что я имѣю обыкновеніе затыкать на ночь уши съ того проклятаго случая, когда въ одной русской корчмѣ залѣзъ мнѣ въ лѣвое ухо таракань. Проклятые кацапы, какъ я послѣ узналъ, ѣдятъ даже щи съ тараканами. Невозможно описать, что̀ происходило со мною: въ ухѣ такъ и щекочетъ, такъ и щекочетъ... ну, хоть на стѣну! Мнѣ помогла уже въ нашихъ мѣстахъ простая старуха; и чѣмъ бы вы думали? просто, зашоптываніемъ. Что̀ вы скажите, милостивый государь, о лекаряхъ? я думаю, что они, просто, морочатъ и дурачатъ насъ: иная старуха въ двадцать разъ лучше знаетъ всѣхъ этихъ лекарей».

«Дѣйствительно, вы изволите говорить совершенную-съ правду. Иная точно бываетъ...» Тутъ онъ остановился, какъ-бы не прибирая далѣе приличнаго слова. Не мѣшаетъ здѣсь и мнѣ сказать, что онъ вообще не былъ щедръ на слова. Можетъ-быть, это происходило отъ робости, а можетъ, и отъ желанія выразиться красивѣе.

«Хорошенько, хорошенько перетряси сѣно!» говорилъ Григорій Григорьевичъ своему лакею: «тутъ сѣно такое гадкое, что, того и гляди, какъ-нибудь попадетъ сучокъ. Позвольте, милостивый государь, пожелать спокойной ночи! Завтра уже не увидимся: я выѣзжаю до зари. Вашъ жидъ будетъ шабашевать, потому-что завтра суббота, такъ вамъ нечего и вставать рано. Не забудьте же моей просьбы: и знать васъ не хочу, когда не пріѣдете въ село Хортыще».

Тутъ камердинеръ Григорья Григорьевича стащилъ съ него сюртукъ и сапоги, натянувъ на него вмѣсто того халатъ; а Григорій Григорьевичъ повалился на постель, и казалось, огромная перина легла на другую. «Эй, хлопче! куда же ты, подлецъ? поди сюда, поправь мнѣ одѣяло! Эй, хлопче, подмости подъ голову сѣна! Да что, коней уже напоили? Еще сѣна! сюда, подъ этотъ бокъ! да поправь, подлецъ, хорошенько одѣяло! Вотъ такъ, еще! охъ!..» Тутъ Григорій Григорьевичъ еще вздохнулъ раза два и пустилъ страшный носовой свистъ по всей комнатѣ, взхрапывая повременамъ такъ, что дремавшая на лежанкѣ старуха, пробудившись, вдругъ смотрѣла въ оба гла-

за на всѣ стороны, но, не видя ничего, успокоивалась и засыпала снова.

На другой день, когда проснулся Иванъ Ѳедоровичъ, толстаго помѣщика уже не было. Это было одно только замѣчательное происшествіе, случившееся съ нимъ на дорогѣ. На третій день послѣ того, приближался онъ къ своему хуторку. Тутъ почувствовалъ онъ, что сердце въ немъ сильно забилось, когда выглянула, махая крыльями, вѣтряная мельница и когда, по мѣрѣ того, какъ жидъ гналъ своихъ клячъ на гору, показывался внизу рядъ вербъ. Живо и ярко блестѣлъ сквозь нихъ прудъ и дышалъ свѣжестью. Здѣсь когда-то онъ купался; въ этомъ самомъ прудѣ онъ когда-то съ ребятишками брелъ по шею въ водѣ за раками. Кибитка взъѣхала на гребло, и Иванъ Ѳедоровичъ увидѣлъ тотъ же самый старинный домикъ, покрытый очеретомъ, тѣ же самыя яблони и черешни, по которымъ онъ когда-то украдкою лазилъ. Только-что въѣхалъ онъ во дворъ, какъ сбѣжались со всѣхъ сторонъ собаки всѣхъ сортовъ: бурыя, черныя, сѣрыя, пѣгія. Нѣкоторыя съ лаемъ кидались подъ ноги лошадямъ, другія бѣжали сзади, замѣтивъ, что ось вымазана саломъ; одна, стоя

возлѣ кухни и накрывъ лапою кость, заливалась во все горло; другая лаяла издали и бѣгала взадъ и впередъ, помахивая хвостомъ и какъ-бы приговаривая: «посмотрите, люди крещеные, какой я молодой человѣкъ!» Мальчишки, въ запачканныхъ рубашкахъ, бѣжали глядѣть. Свинья, прохаживавшаяся по двору съ шестнадцатью поросятами, подняла вверхъ съ испытующимъ видомъ свое рыло и хрюкала громче обыкновеннаго. На дворѣ лежало на землѣ множество рядень съ пшеницею, просомъ и ячменемъ, сушившимися на солнцѣ. На крышѣ тоже не мало сушилось разнаго рода травъ: петровыхъ батоговъ, нечуй-вѣтера, и другихъ. Иванъ Ѳедоровичъ такъ былъ занятъ разсматриваніемъ этого, что очнулся тогда только, когда пѣгая собака укусила слѣзавшаго съ козелъ жида за икру. Сбѣжавшаяся дворня, состоявшая изъ поварихи, одной бабы и двухъ дѣвокъ въ шерстяныхъ исподницахъ, послѣ первыхъ восклицаній: «*та сėжъ паньичь нашъ!*» объявила, что тетушка садила въ огородѣ пшеничку, вмѣстѣ съ дѣвкою Палашкою и кучеромъ Омелькомъ, исправлявшимъ часто должность огородника и сторожа. Но тетушка, которая еще издали завидѣла рогожную кибит-

ку, была уже здѣсь. И Иванъ Ѳедоровичъ изумился, когда она почти подняла его на рукахъ, какъ-бы не довѣряя, та ли это тетушка, которая писала къ нему о своей дряхлости и болѣзни.

=

III.

ТЕТУШКА.

Тетушка Василиса Кашпаровна въ это время имѣла лѣтъ около пятидесяти. Замужемъ она никогда не была, и обыкновенно говорила, что жизнь дѣвическая для нея дороже всего. Впрочемъ, сколько мнѣ помнится, никто и не сваталъ ее. Это происходило оттого, что всѣ мужчины чувствовали при ней какую-то робость и никакъ не имѣли духу сдѣлать ей признаніе.

«Весьма съ большимъ характеромъ Василиса Кашпаровна!» говорили женихи, и были совершенно правы, потому-что Василиса Кашпаровна хоть кого умѣла сдѣлать тише травы. Пьяницу мельника, который совершенно былъ ни къ чему негоденъ, она, собственною своею мужественною рукою дергая каждый день за чубъ, безъ всякаго посторонняго средства, умѣла сдѣлать золотомъ, а не человѣкомъ. Ростъ она имѣла почти исполинскій, дородность и силу совершено соразмѣрную. Казалось, что природа сдѣлала непростительную ошибку, опредѣливъ ей носить темно-коричневый по будиямъ капотъ съ мелкими сборками и красную кашемировую шаль въ день Свѣтлаго Воскресенья и своихъ именинъ, тогда-какъ ей болѣе всего шли бы драгунскіе усы и длинныя ботфорты. Зато занятія ея совершенно соотвѣтствовали ея виду: она каталась сама на лодкѣ, гребя весломъ искуснѣе всякаго рыболова; стрѣляла дичь; стояла неотлучно надъ косарями; знала наперечетъ число дынь и арбузовъ на баштанѣ; брала пошлину по пяти копеекъ съ воза, проѣзжавшаго черезъ ея греблю; взлѣзала на дерево и трясла груши; била лѣнивыхъ вассаловъ своею страш-

ною рукою и подносила достойнымъ рюмку водки тою же грозною рукою. Почти въ одно время она бранилась, красила пряжу, бѣгала на кухню, дѣлала квасъ, варила медовое варенье и хлопотала во весь день и вездѣ поспѣвала. Слѣдствіемъ этого было то̀, что маленькое имѣньице Ивана Ѳедоровича, состоявшее изъ осьмнадцати душъ по послѣдней ревизіи, процвѣтало въ полномъ смыслѣ слова. Къ-тому жъ она слишкомъ горячо любила своего племянника и тщательно собирала для него копейку. По пріѣздѣ домой, жизнь Ивана Ѳедоровича рѣшительно измѣнилась и пошла совершенно другою дорогою. Казалось, натура именно создала его для управленія осьмнадцати-душнымъ имѣніемъ. Сама тетушка замѣтила, что онъ будетъ хорошимъ хозяиномъ, хотя впрочемъ не во всѣ еще отрасли хозяйства позволяла ему вмѣшиваться. «*Воно ще молода дытына!*» обыкновенно она говаривала, несмотря на то̀, что Ивану Ѳедоровичу было безъ малаго сорокъ лѣтъ: «гдѣ ему все знать!» Однако жъ онъ неотлучно бывалъ въ полѣ при жнецахъ и косаряхъ, и это доставляло наслажденіе неизъяснимое его кроткой душѣ. Единодушный взмахъ десятка и болѣе блестящихъ

косъ; шумъ падающей стройными рядами травы; изрѣдка заливающіяся пѣсни жницъ, то веселыя, какъ встрѣча гостей, то заунывныя, какъ разлука; спокойный, чистый вечеръ, и что за вечеръ! какъ воленъ и свѣжъ воздухъ! какъ тогда оживлено все: степь краснѣетъ, синѣетъ и горитъ цвѣтами; перепелы, дрофы, чайки, кузнечики, тысячи насѣкомыхъ, отъ нихъ свистъ, жужжаніе, трескъ, крикъ и вдругъ стройный хоръ; и все не молчитъ ни на минуту; а солнце садится и кроется. У! какъ свѣжо и хорошо! По полю, то тамъ, то тамъ, раскладываются огни и ставятъ котлы, и вкругъ котловъ садятся усатые косари; паръ отъ галушекъ несется; сумерки сѣрѣютъ... Трудно разсказать, что̀ дѣлалось тогда съ Иваномъ Ѳедоровичемъ. Онъ забывалъ, присоединясь къ косарямъ, отвѣдать ихъ галушекъ, которыя очень любилъ, и стоялъ недвижимо на одномъ мѣстѣ, слѣдя глазами пропадавшую въ небѣ чайку, или считая копы нажатаго хлѣба, унизавшія поле.

Въ непродолжительномъ времени объ Иванѣ Ѳедоровичѣ вездѣ пошли рѣчи, какъ о великомъ хозяинѣ. Тетушка не могла нарадоваться своимъ племянникомъ, и никогда не упускала случая имъ

похвастаться. Въ одинъ день, это было уже по окончаніи жатвы и именно въ концѣ іюля, Василиса Кашпаровна, взявши Ивана Ѳедоровича съ таинственнымъ видомъ за руку, сказала, что она теперь хочетъ поговорить съ нимъ о дѣлѣ, которое съ давнихъ поръ уже ее занимаетъ.

«Тебѣ, любезный Иванъ Ѳедоровичъ» такъ она начала: «извѣстно, что въ твоемъ хуторѣ осьмнадцать душъ, впрочемъ это по ревизіи, а безъ того, можетъ, наберется больше, можетъ, будетъ до двадцати-четырехъ. Но не объ этомъ дѣло: ты знаешь тотъ лѣсокъ, что за нашею левадою, и вѣрно знаешь за тѣмъ же лѣсомъ широкій лугъ: въ немъ двадцать безъ малаго десятинъ; а травы столько, что можно каждый годъ продавать больше чѣмъ на сто рублей, особенно, если, какъ говорятъ, въ Гадячѣ будетъ конный полкъ».

«Какъ же-съ, тетушка, знаю: трава очень хорошая».

«Это я сама знаю, что очень хорошая; но знаешь ли ты, что вся эта земля, по-настоящему, твоя? Что жъ ты такъ выпучилъ глаза? Слушай, Иванъ Ѳедоровичъ! Ты помнишь Степана Кузьмича? Что̀ я говорю, помнишь! ты тогда былъ

такимъ маленькимъ, что не могъ выговорить даже его имени; куда жъ! Я помню, когда пріѣхала на самое пущенье, передъ филиповкою, и взяла-было тебя на руки, ты чуть не испортилъ мнѣ всего платья; къ-счастію, что успѣла передать тебя мамкѣ Матренѣ; такой ты тогда былъ гадкій!... Но не объ этомъ дѣло: вся земля, которая за нашимъ хуторомъ, и самое село Хортыще, было Степана Кузьмича. Онъ, надобно тебѣ объявить, еще тебя не было на свѣтѣ, какъ началъ ѣздить къ твоей матушкѣ; правда, въ такое время, когда отца твоего не бывало дома; но я, однакожъ, это не въ укоръ ей говорю; упокой Господи ея душу! хотя покойница была всегда неправа противъ меня. Но не объ этомъ дѣло: какъ бы то ни было, только Степанъ Кузмичъ сдѣлалъ тебѣ дарственную запись на то самое имѣніе, о которомъ я тебѣ говорила. Но покойница, твоя матушка, между нами будь сказано, была пречуднаго права. Самъ чортъ (Господи, прости меня за это гадкое слово!) не могъ бы понять ее. Куда она дѣла эту запись — одинъ Богъ знаетъ. Я думаю, просто, что она въ рукахъ этого стараго холостяка Григорія Григорьевича Сторченка. Этой пузатой

шельмѣ досталось все имѣніе. Я готова ставить, Богъ знаетъ что̀, если онъ не утаилъ записи».

«Позвольте-съ доложить, тетушка: не тотъ ли это Сторченко, съ которымъ я познакомился на станціи?» Тутъ Иванъ Ѳедоровичъ разсказалъ про свою встрѣчу.

«Кто его знаетъ!» отвѣчала, немного подумавъ, тетушка: «можетъ-быть, онъ и не негодяй. Правда, онъ всего только полгода какъ переѣхалъ къ намъ жить; въ такое время человѣка не узнаешь. Старуха-то, матушка его, я слышала, очень разумная женщина, и говорятъ, большая мастерица солить огурцы; ковры собственныя дѣвки ея умѣютъ отлично хорошо выдѣлывать. Но такъ-какъ ты говоришь, что онъ тебя хорошо принялъ, поѣзжай къ нему: можетъ-быть, старый грѣшникъ послушается совѣсти и отдастъ, что̀ принадлежитъ не ему. Пожалуй, можешь поѣхать и въ бричкѣ, только проклятая дитвора повыдергала сзади всѣ гвозди; нужно будетъ сказать кучеру Омелькѣ, чтобы прибилъ вездѣ получше кожу».

«Для чего, тетушка? я возьму повозку, въ которой вы ѣздите иногда стрѣлять дичь».

Этимъ кончился разговоръ.

═

IV.

ОБѢДЪ.

Въ обѣденную пору Иванъ Ѳедоровичъ въѣхалъ въ село Хортыще, и немного оробѣлъ, когда сталъ приближаться къ господскому дому. Домъ этотъ былъ длинный и не подъ очеретяною, какъ у многихъ окружныхъ помѣщиковъ, но подъ деревянною крышею. Два амбара на дворѣ то же подъ деревянною крышею; ворота дубовыя. Иванъ Ѳедоровичъ похожъ былъ на то-

го франта, который, заѣхавъ на балъ, видитъ всѣхъ, куда ни оглянется, одѣтыхъ щеголеватѣе его. Изъ почтенія онъ остановилъ свой возокъ возлѣ амбара и подошелъ пѣшкомъ къ крыльцу.

«А! Иванъ Ѳедоровичъ!» закричалъ толстый Григорій Григорьевичъ, ходившій по двору въ сюртукѣ, но безъ галстуха, жилета и подтяжекъ; однако жъ и этотъ нарядъ, казалось, обременялъ его тучную ширину, потому-что потъ катился съ него градомъ. «Что жъ вы говорили, что сейчасъ, какъ-только увидитесь съ тетушкой, пріѣдете, да и не пріѣхали?» Послѣ этихъ словъ, губы Ивана Ѳедоровича встрѣтили тѣ же самыя знакомыя подушки.

«Большею частію по хозяйству... Я-съ пріѣхалъ къ вамъ на минутку, собственно по-дѣлу...»

«На минутку? вотъ этого-то не будетъ. Эй, хлопче!» закричалъ толстый хозяинъ, и тотъ же самый мальчикъ въ казацкой свиткѣ выбѣжалъ изъ кухни. «Скажи Касьяну, чтобы ворота сейчасъ заперъ, слышишь, заперъ крѣпче! а коней вотъ этого пана, распрегъ бы сію минуту. Прошу въ комнату; здѣсь такая жара, что у меня вся рубашка мокра».

Иванъ Ѳедоровичъ, вошедши въ комнату, рѣ-

шился не терять напрасно времени и, несмотря на свою робость, наступать рѣшительно.

«Тетушка имѣла честь... сказывала мнѣ, что дарственная запись покойнаго Степана Кузьмича....»

Трудно изобразить, какую непріятную мину сдѣлало при этихъ словахъ обширное лицо Григорія Григорьевича. «Ейбогу, ничего не слышу!» отвѣчалъ онъ: «надобно вамъ сказать, что у меня въ лѣвомъ ухѣ сидѣлъ таракань; въ русскихъ избахъ проклятые кацапы вездѣ поразводили тараканов. Невозможно описать никакимъ перомъ, что за мученіе было; такъ вотъ и щекочетъ, такъ и щекочетъ. Мнѣ помогла уже одна старуха самымъ простымъ средствомъ...»

«Я хотѣлъ сказать...» осмѣлился прервать Иванъ Ѳедоровичъ, видя, что Григорій Григорьевичъ съ умысломъ хочетъ поворотить рѣчь на другое, «что въ завѣщаніи покойнаго Степана Кузьмича упоминается, такъ сказать, о дарственной записи... по ней слѣдуетъ мнѣ...»

«Я знаю, это вамъ тетушка успѣла наговорить. Это ложь, ейбогу, ложь! Никакой дарственной записи дядюшка не дѣлалъ. Хотя, правда, въ завѣщаніи и упоминается о какой-то

записи; но гдѣ же она? никто не представилъ ее. Я вамъ это говорю потому, что искренно желаю вамъ добра; ейбогу это ложь!»

Иванъ Θедоровичъ замолчалъ, разсуждая, что, можетъ-быть, и въ-самомъ-дѣлѣ тетушкѣ такъ только показалось.

«А вотъ идетъ сюда матушка съ сестрами!» сказалъ Григорій Григорьевичъ: «слѣдовательно обѣдъ готовъ; пойдемте!» Тутъ онъ потащилъ Ивана Θедоровича за руку въ комнату, въ которой стояли на столѣ водка и закуска.

Въ то самое время вошла старушка, низенькая, совершенный кофейникъ въ чепчикѣ, съ двумя барышнями — бѣлокурой и черноволосой. Иванъ Θедоровичъ, какъ воспитанный кавалеръ, подошелъ сначала къ старушкиной ручкѣ, а послѣ къ ручкамъ обѣихъ барышень.

«Это, матушка, нашъ сосѣдъ, Иванъ Θедоровичъ Шпонька!» сказалъ Григорій Григорьевичъ.

Старушка смотрѣла пристально на Ивана Θедоровича, или, можетъ-быть, только казалась смотрящею. Впрочемъ, это была совершенная доброта; казалось, она такъ и хотѣла спросить Ивана Θедоровича: «сколько вы на зиму насаливаете огурцовъ?»

«Вы водку пили?« спросила старушка.

«Вы, матушка, вѣрно, не выспались» сказалъ Григорій Григорьевичъ: «кто жъ спрашиваетъ гостя, пилъ ли онъ? Вы потчуйте только; а пили ли мы, или нѣтъ, наше дѣло. Иванъ Ѳедоровичъ! прошу, золототысячниковой, или трохимовской сивушки, какую вы лучше любите? Иванъ Ивановичъ, а ты что стоишь?» произнесъ Григорій Григорьевичъ, оборотившись назадъ, и Иванъ Ѳедоровичъ увидѣлъ подходившаго къ водкѣ Ивана Ивановича, въ долгополомъ сюртукѣ съ огромнымъ стоячимъ воротникомъ, закрывавшимъ весь его затылокъ, такъ-что голова его сидѣла въ воротникѣ, какъ-будто въ бричкѣ. Иванъ Ивановичъ подошелъ къ водкѣ, потеръ руки, разсмотрѣлъ хорошенько рюмку, налилъ, поднесъ къ свѣту, вылилъ разомъ изъ рюмки всю водку въ ротъ, но не проглатывая, пополоскалъ ею хорошенько во рту, послѣ чего уже проглотилъ, и, закусивши хлѣбомъ съ солеными опёнками, оборотился къ Ивану Ѳедоровичу.

«Не съ Иваномъ ли Ѳедоровичемъ, господиномъ Шпонькою имѣю честь говорить?»

«Такъ точно-съ» отвѣчалъ Иванъ Ѳедоровичъ.

«Очень много изволили перемѣниться съ того времени, какъ я васъ знаю. Какъ же» продолжалъ Иванъ Ивановичъ: «я еще помню васъ вотъ этакими!» При этомъ поднялъ онъ ладонь на аршинъ отъ пола. «Покойный батюшка вашъ, дай Боже ему царствіе небесное, рѣдкій былъ человѣкъ. Арбузы и дыни всегда бывали у него такіе, какихъ теперь нигдѣ не найдете. Вотъ хоть бы и тутъ» продолжалъ онъ, отводя его въ сторону: «подадутъ вамъ за столомъ дыни. Что за дыни? смотрѣть не хочется! Вѣрите ли, милостивый государь, что у него были арбузы» произнесъ онъ съ таинственнымъ видомъ, разставляя руки, какъ-будто бы хотѣлъ обхватить толстое дерево: «ейбогу, вотъ какіе!»

«Пойдемте за столъ!» сказалъ Григорій Григорьевичъ, взявши Ивана Ѳедоровича за руку. Григорій Григорьевичъ сѣлъ на обыкновенномъ своемъ мѣстѣ, въ концѣ стола, завѣсившись огромною салфеткою и походя въ этомъ видѣ на тѣхъ героевъ, которыхъ рисуютъ цырюльники на своихъ вывѣскахъ. Иванъ Ѳедоровичъ, краснѣя, сѣлъ на указанное ему мѣсто противъ двухъ барышень; а Иванъ Ивановичъ не преминулъ по-

мѣститься возлѣ него, радуясь душевно, что будетъ кому сообщать свои познанія.

«Вы напрасно взяли куприкъ, Иванъ Ѳедоровичъ! это индѣйка!» сказала старушка, обратившись къ Ивану Ѳедоровичу, которому въ это время поднесъ блюдо деревенскій официантъ въ сѣромъ фракѣ съ чорною заплатою. «Возьмите спинку!»

«Матушка! вѣдь васъ никто не проситъ мѣшаться!» произнесъ Григорій Григорьевичъ: «будьте увѣрены, что гость самъ знаетъ, что̀ ему взять! Иванъ Ѳедоровичъ! возьмите крылышко, вонъ, другое, съ пупкомъ! Да что жъ вы такъ мало взяли? возьмите стегнушко! Ты что разинулъ ротъ съ блюдомъ? проси! становись, подлецъ, на колѣна! говори сейчасъ: Иванъ Ѳедоровичъ, возьмите стегнушко!»

«Иванъ Ѳедоровичъ, возьмите стегнушко!» проревѣлъ, ставъ на колѣна, официантъ съ блюдомъ.

«Гм! что это за индѣйки!» сказалъ въ полголоса Иванъ Ивановичъ съ видомъ пренебреженія, оборотившись къ своему сосѣду: «такія ли должны быть индѣйки! Если бы вы увидѣли у меня индѣекъ! Я васъ увѣряю, что жиру въ

одной больше, чѣмъ въ десяткѣ такихъ, какъ эти. Вѣрите ли, государь мой, что даже противно смотрѣть, когда ходятъ онѣ у меня по двору, такъ жирны!...»

«Иванъ Ивановичъ, ты лжешь!» произнесъ Григорій Григорьевичъ, вслушавшись въ его рѣчь.

«Я вамъ скажу» продолжалъ все также своему сосѣду Иванъ Ивановичъ, показывая видъ, будто-бы онъ не слышалъ словъ Григорья Григорьевича: «что прошлый годъ, когда я отправлялъ ихъ въ Гадячь, давали по пятидесяти копеекъ за штуку, и то еще не хотѣлъ брать».

«Иванъ Ивановичъ! я тебѣ говорю, что ты лжешь!» произнесъ Григорій Григорьевичъ, для лучшей ясности, по складамъ, и громче прежняго.

Но Иванъ Ивановичъ, показывая видъ, будто это совершенно относилось не къ нему, продолжалъ также, но только гораздо тише: «именно, государь мой, не хотѣлъ брать. Въ Гадячѣ ни у одного помѣщика...»

«Иванъ Ивановичъ! вѣдь ты глупъ и больше ничего» громко сказалъ Григорій Григорьевичъ.

«Вѣдь Иванъ Ѳедоровичъ знаетъ все это лучше тебя и, вѣрно, не повѣритъ тебѣ».

Тутъ Иванъ Ивановичъ совершенно обидѣлся, замолчалъ и принялся убирать индѣйку, несмотря на то̀, что она не такъ была жирна, какъ тѣ, на которыя противно смотрѣть.

Стукъ ножей, ложекъ и тарелокъ замѣнилъ на-время разговоръ; но громче всего слышалось высмактываніе Григорьемъ Григорьевичемъ мозгу изъ бараньей кости.

«Читали ли вы» спросилъ Иванъ Ивановичъ, послѣ нѣкотораго молчанія, высовывая голову изъ своей брички къ Ивану Ѳедоровичу: «книгу: Путешествіе Коробейникова ко святымъ мѣстамъ? Истинное услажденіе души и сердца! Теперь такихъ книгъ не печатаютъ. Очень сожалительно, что не посмотрѣлъ, котораго году».

Иванъ Ѳедоровичъ, услышавши, что дѣло идетъ о книгѣ, прилежно началъ набирать себѣ соусу.

«Истинно удивительно, государь мой, какъ подумаешь, что простой мѣщанинъ прошелъ всѣ мѣста эти: болѣе трехъ тысячъ верстъ, государь мой! болѣе трехъ тысячъ верстъ! Подлинно его самъ Господь сподобилъ побывать въ Палестинѣ и Іерусалимѣ».

«Такъ вы говорите, что онъ» сказалъ Иванъ Ѳедоровичъ, который много наслышался о Іерусалимѣ еще отъ своего деньщика: «былъ и въ Іерусалимѣ!...»

«О чемъ вы говорите, Иванъ Ѳедоровичъ?» произнесъ съ конца стола Григорій Григорьевичъ.

«Я, то есть, имѣлъ случай замѣтить, что какія есть на свѣтѣ далекія страны!» сказалъ Иванъ Ѳедоровичъ, будучи сердечно доволенъ тѣмъ, что выговорилъ столь длинную и трудную фразу.

«Не вѣрьте ему, Иванъ Ѳедоровичъ!» сказалъ Григорій Григорьевичъ, не вслушавшись хорошенько: «все вретъ!»

Между-тѣмъ обѣдъ кончился. Григорій Григорьевичъ отправился въ свою комнату, по обыкновенію, немножко всхрапнуть; а гости пошли вслѣдъ за старушкою-хозяйкою и барышнями въ гостиную, гдѣ тотъ самый столъ, на которомъ оставили они, выходя обѣдать, водку, какъ бы превращеніемъ какимъ, покрылся блюдечками съ вареньемъ разныхъ сортовъ и блюдами съ арбузами, вишнями и дынями. Отсутствіе Григорія Григорьевича замѣтно было во всемъ: хозяйка сдѣлалась словоохотнѣе и открывала сама,

безъ просьбы, множество секретовъ на-счетъ дѣланія пастилы и сушенія грушъ. Даже барышни стали говорить; но бѣлокурая, которая казалась моложе шестью годами своей сестры и которой по виду было около двадцати-пяти лѣтъ, была молчаливѣе. Но болѣе всѣхъ говорилъ и дѣйствовалъ Иванъ Ивановичъ. Будучи увѣренъ, что его теперь никто не собьетъ и не смѣшаетъ, онъ говорилъ и объ огурцахъ и о посѣвѣ картофеля, и о томъ, какіе въ старину были разумные люди, куда противъ теперешнихъ! и о томъ, какъ все, чѣмъ далѣе, умнѣетъ и доходитъ къ выдумыванію мудрѣйшихъ вещей. Словомъ, это былъ одинъ изъ числа тѣхъ людей, которые съ величайшимъ удовольствіемъ любятъ позаняться услаждающимъ душу разговоромъ, и будутъ говорить обо всемъ, о чемъ только можно говорить. Если разговоръ касался важныхъ и благочестивыхъ предметовъ, то Иванъ Ивановичъ вздыхалъ послѣ каждаго слова, кивая слегка головою; ежели до хозяйственныхъ, то высовывалъ голову изъ своей брички и дѣлалъ такія мины, глядя на которыя, кажется, можно было прочитать, какъ нужно дѣлать грушевый квасъ, какъ велики тѣ дыни, о которыхъ онъ

говорилъ, и какъ жирны тѣ гуси, которые бѣгаютъ у него по двору. Наконецъ съ великимъ трудомъ, уже ввечеру, удалось Ивану Ѳедоровичу распрощаться, и несмотря на свою сговорчивость, и на то́, что его насильно оставляли ночевать, онъ устоялъ-таки въ своемъ намѣреніи ѣхать, — и уѣхалъ.

V.

НОВЫЙ ЗАМЫСЕЛЪ ТЕТУШКИ.

«Ну, что, выманилъ у стараго лиходѣя запись?» Такимъ вопросомъ встрѣтила Ивана Ѳедоровича тетушка, которая съ нетерпѣніемъ дожидалась его уже нѣсколько часовъ на крыльцѣ и не вытерпѣла наконецъ, чтобы не выбѣжать за ворота.

«Нѣтъ, тетушка!» сказалъ Иванъ Ѳедоровичъ, слѣзая съ повозки: «у Григорія Григорьевича нѣтъ никакой записи».

«И ты повѣрилъ ему? Врётъ онъ, проклятый! Когда-нибудь попаду, право поколочу его собственными руками. О, я ему поспущу жиру! Впрочемъ, нужно напередъ поговорить съ нашимъ подсудкомъ, нельзя ли судомъ съ него стребовать... Но не объ этомъ теперь дѣло: ну, что жъ, обѣдъ былъ хорошій?»

«Очень... да, весьма, тетушка».

«Ну, какія жъ были кушанья? разскажи. Старуха-то, я знаю, мастерица присматривать за кухней».

«Сырники были со сметаною, тетушка. Соусъ съ голубями, начиненными...»

«А индѣйка со сливами была?» спросила тетушка, потому-что сама была большая искусница приготовлять это блюдо.

«Была и индѣйка!... Весьма красивыя барышни, сестрицы Григорья Григорьевича, особенно бѣлокурая!»

«А!» сказала тетушка, и посмотрѣла пристально на Ивана Ѳедоровича, который, покраснѣвъ, потупилъ глаза въ землю. Новая мысль быстро промелькнула въ ея головѣ. «Ну чтожъ?» спросила она съ любопытствомъ и живо: «какія у ней брови?» Не мѣшаетъ замѣтить, что тетушка

всегда поставляла первую красоту женщины въ бровяхъ.

«Брови, тетушка, совершенно-съ такія, какія, вы разсказывали, въ молодости были у васъ. И по всему лицу небольшія веснушки».

«А!» сказала тетушка, будучи довольна замѣчаніемъ Ивана Ѳедоровича, который однакожъ не имѣлъ и въ мысляхъ сказать этимъ комплиментъ. «Какое же было на ней платье? хотя впрочемъ теперь трудно найти такихъ плотныхъ матерій, какая, вотъ хоть бы, напримѣръ, у меня на этомъ капотѣ. Но не объ этомъ дѣло. Ну, что жъ, ты говорилъ о чемъ-нибудь съ нею?»

«То есть, какъ... я-съ, тетушка? Вы, можетъ-быть, уже думаете...»

«А что жъ, что̀ тутъ диковиннаго? такъ Богу угодно! Можетъ-быть, тебѣ съ нею на роду написано жить парочкою».

«Я не знаю, тетушка, какъ вы можете это говорить; это доказываетъ, что вы совершенно не знаете меня...»

«Ну, вотъ уже и обидѣлся!» сказала тетушка: «*Ще молода дытына!*» подумала она про-себя: «ничего не знаетъ! Нужно ихъ свести вмѣстѣ:

пусть познакомятся!» Тутъ тетушка пошла заглянуть въ кухню и оставила Ивана Ѳедоровича. Но съ этого времени она только и думала о томъ, какъ увидѣть скорѣе своего племянника женатымъ и понянчить маленькихъ внучатъ. Въ головѣ ея громоздились однѣ только приготовленія къ свадьбѣ, и замѣтно было, что она во всѣхъ дѣлахъ суетилась гораздо болѣе, нежели прежде, хотя впрочемъ эти дѣла болѣе шли хуже, нежели лучше. Часто, дѣлая какое-нибудь пирожное, котораго вообще она никогда не довѣряла кухаркѣ, она, позабывшись, и воображая, что возлѣ нея стоитъ маленькій внучекъ, просящій пирога, разсѣянно протягивала къ нему руку съ лучшимъ кускомъ, а дворовая собака, пользуясь этимъ, схватывала лакомый кусокъ и своимъ громкимъ чваканьемъ выводила ее изъ задумчивости, за что и бывала всегда бита кочергою. Даже оставила она любимыя свои занятія и не ѣздила на охоту, особливо когда, вмѣсто куропатки, застрѣлила ворону, чего никогда съ нею не бывало.

Наконецъ, спустя дня четыре послѣ этого, всѣ увидѣли выкаченную изъ сарая на дворъ бричку. Кучеръ Омелько, онъ же и огородникъ

и сторожъ, еще съ ранняго утра стучалъ молоткомъ и приколачивалъ кожу, отгоняя безпрестанно собакъ, лизавшихъ колеса. Долгомъ почитаю предувѣдомить читателей, что это была именно та самая бричка, въ которой ѣздилъ еще Адамъ; и потому, если кто будетъ выдавать другую за адамовскую, то это сущая ложь, и бричка непремѣнно поддѣльная. Совершенно не извѣстно, какимъ образомъ спаслась она отъ потопа: должно думать, что въ ноевомъ ковчегѣ былъ особенный для нея сарай. Жаль очень, что читателямъ нельзя описать живо ея фигуры. Довольно сказать, что Василиса Кашпаровна была очень довольна ея архитектурою, и всегда изъявляла сожалѣніе, что вывелись изъ моды старинные экипажи. Самое устройство брички немного на-бокъ, то есть такъ, что правая сторона ея была гораздо выше лѣвой, ей очень нравилось, потому-что съ одной стороны можетъ, какъ она говорила, влѣзать малорослый, а съ другой великорослый. Впрочемъ внутри брички могло помѣститься штукъ пять малорослыхъ и трое такихъ, какъ тетушка. Около полудня, Омелько, управившись около брички, вывелъ изъ конюшни тройку лошадей немно-

го чѣмъ моложе брички и началъ привязывать ихъ веревкою къ величественному экипажу. Иванъ Ѳедоровичъ и тетушка, одинъ съ лѣвой стороны, другая съ правой, влѣзли въ бричку, и она тронулась. Попадавшіеся на дорогѣ мужики, видя такой богатый экипажъ (тетушка очень рѣдко выѣзжала въ немъ), почтительно останавливались, снимали шапки и кланялись въ-поясъ. Часа черезъ два кибитка остановилась передъ крыльцомъ, думаю, не нужно говорить: предъ крыльцомъ дома Сторченка. Григорія Григорьевича не было дома. Старушка съ барышнями вышла встрѣтить гостей въ столовую. Тетушка подошла величественнымъ шагомъ, съ большою ловкостію отставила одну ногу впередъ, и сказала громко:

«Очень рада, государыня моя, что имѣю честь лично доложить вамъ мое почтеніе; а вмѣстѣ съ решпектомъ позвольте поблагодарить за хлѣбосольство ваше къ племяннику моему, Ивану Ѳедоровичу, который много имъ хвалится. Прекрасная у васъ гречиха, сударыня! я видѣла ее, подъѣзжая къ селу. А позвольте узнать, сколько копъ вы получаете съ десятины?»

Послѣ этого послѣдовало всеобщее лобызаніе. Когда же усѣлись въ гостиной, то старушка-хозяйка начала:

«Насчетъ гречихи я не могу вамъ сказать: это часть Григорья Григорьевича; я уже давно не занимаюсь этимъ; да и не могу: уже стара! Въ-старину у насъ, бывало, я помню, гречиха была по поясъ, теперь Богъ знаетъ что; хотя впрочемъ и говорятъ, что теперь все лучше». Тутъ старушка вздохнула, и какому-нибудь наблюдателю послышался бы въ этомъ вздохѣ — вздохъ стариннаго осьмнадцатаго столѣтія.

«Я слышала, моя государыня, что у васъ собственныя ваши дѣвки отличныя умѣютъ выдѣлывать ковры» сказала Василиса Кашпаровна и этимъ задѣла старушку за самую чувствительную струну. При этихъ словахъ, она какъ-будто оживилась, и рѣчи у нея полилися о томъ, какъ должно красить пряжу, какъ приготовлять для этого нитку. Съ ковровъ быстро съѣхалъ разговоръ на соленіе огурцовъ и сушеніе грушъ. Словомъ, не прошло часу, какъ обѣ дамы такъ разговорились между собою, будто вѣкъ были знакомы. Василиса Кашпаровна мно-

гое уже начала говорить съ нею такимъ тихимъ голосомъ, что Иванъ Ѳедоровичъ ничего не могъ разслушать.

«Да не угодно ли посмотрѣть?» сказала, вставая, старушка-хозяйка. За нею встали барышни, и Василиса Кашпаровна, и всѣ потянулись въ дѣвичью. Тетушка однакожъ дала знакъ Ивану Ѳедоровичу остаться и сказала что-то тихо старушкѣ.

«Машенька!» сказала старушка, обращаясь къ бѣлокурой барышнѣ: «останься съ гостемъ, да поговори съ нимъ, чтобы гостю не было скучно!»

Бѣлокурая барышня осталась и сѣла на диванъ. Иванъ Ѳедоровичъ сидѣлъ на своемъ стулѣ, какъ на иголкахъ, краснѣлъ и потуплялъ глаза; но барышня, казалось, вовсе этого не замѣчала и равнодушно сидѣла на диванѣ, разсматривая прилежно окна и стѣны или слѣдуя глазами за кошкою, трусливо пробѣгавшею подъ стульями.

Иванъ Ѳедоровичъ немного ободрился и хотѣлъ-было начать разговоръ; но казалось, что всѣ слова свои растерялъ онъ на дорогѣ. Ни одна мысль не приходила ему на умъ.

Молчаніе продолжалось около четверти часа. Барышня все такъ же сидѣла.

Наконецъ Иванъ Ѳедоровичъ собрался съ духомъ: «Лѣтомъ очень много мухъ, сударыня!» произнесъ онъ полудрожащимъ голосомъ.

«Чрезвычайно много!» отвѣчала барышня. «Братецъ нарочно сдѣлалъ хлопушку изъ стараго маменькинаго башмака; но все еще очень много».

Тутъ разговоръ опять прекратился, и Иванъ Ѳедоровичъ никакимъ образомъ уже не находилъ рѣчи.

Наконецъ хозяйка съ тетушкою и чернявою барышнею возвратилась. Поговоривши еще немного, Василиса Кашпаровна распростилась съ старушкою и барышнями, несмотря на всѣ приглашенія остаться ночевать. Старушка и барышни вышли на крыльцо проводить гостей и долго еще кланялись тетушкѣ и племяннику, выглядывавшимъ изъ брички.

«Ну, Иванъ Ѳедоровичъ! о чемъ же вы говорили вдвоемъ съ барышнею?» спросила дорогою тетушка.

«Весьма скромная и благонравная дѣвица Марья Григорьевна!» сказалъ Иванъ Ѳедоровичъ.

«Слушай, Иванъ Ѳедоровичъ! я хочу поговорить съ тобою сурьезно. Вѣдь тебѣ, слава Богу, тридцать осьмой годъ; чинъ ты уже имѣешь хорошій: пора подумать и объ дѣтяхъ! Тебѣ непремѣнно нужна жена...»

«Какъ, тетушка!» вскричалъ, испугавшись, Иванъ Ѳедоровичъ: «какъ, жена! Нѣтъ-съ, тетушка, сдѣлайте милость... Вы совершенно въ стыдъ меня приводите.... я еще никогда не былъ женатъ... Я совершенно не знаю, что̀ съ нею дѣлать!»

«Узнаешь, Иванъ Ѳедоровичъ, узнаешь» промолвила улыбаясь тетушка; и подумала про-себя: *«куды жъ! ще зовсимъ молода дытына,* ничего не знаетъ! Да, Иванъ Ѳедоровичъ!» продолжала она вслухъ: «лучшей жены нельзя сыскать тебѣ, какъ Марья Григорьевна. Тебѣ же она притомъ очень понравилась. Мы уже насчетъ этого много переговорили съ старухою: она очень рада видѣть тебя своимъ зятемъ; еще неизвѣстно, правда, что̀ скажетъ этотъ грѣходѣй Григорьевичъ; но мы не посмотримъ на него, и пусть только онъ вздумаетъ не отдать приданаго, мы его судомъ...» Въ это время бричка подъѣхала къ двору и древнія клячи ожили,

чуя близкое стойло. «Слушай, Омелько! конямъ дай прежде отдохнуть хорошенько, а не веди тотчасъ распрегши къ водопою: они лошади горячія. Ну, Иванъ Θедоровичъ!» продолжала, вылѣзая, тетушка: «я совѣтую тебѣ хорошенько подумать объ этомъ; мнѣ еще нужно забѣжать въ кухню: я позабыла Солохѣ заказать ужинъ, а она, негодная, я думаю, сама и не подумала объ этомъ».

Но Иванъ Θедоровичъ стоялъ, какъ-будто громомъ оглушенный. Правда, Марья Григорьевна очень недурная барышня; но жениться!... это казалось ему такъ страшно, такъ чудно, что онъ никакъ не могъ подумать безъ страха. Жить съ женою!... непонятно! Онъ не одинъ будетъ въ своей комнатѣ, но ихъ должно быть вездѣ двое!... Потъ проступалъ у него на лицѣ по мѣрѣ того, какъ углублялся онъ въ размышленіе.

Ранѣе обыкновеннаго легъ онъ въ постель, но несмотря на всѣ старанія, никакъ не могъ заснуть. Наконецъ желанный сонъ, этотъ всеобщій успокоитель, посѣтилъ его; но какой сонъ! еще несвязнѣе сновидѣній онъ никогда не видывалъ: то снилось ему, что вкругъ него все шумитъ, вертится; а онъ бѣжитъ, бѣжитъ, не чув-

ствуетъ подъ собою ногъ... вотъ уже выбивается изъ силъ... вдругъ кто-то хватаетъ его за ухо. «Ай! кто это?»—«Это я, твоя жена!» съ шумомъ говорилъ ему какой-то голосъ, — и онъ вдругъ пробуждался. То представлялось ему, что онъ уже женатъ, что все въ домикѣ ихъ такъ чудно, такъ странно: въ его комнатѣ стоитъ, вмѣсто одинокой, двойная кровать; на стулѣ сидитъ жена. Ему странно: онъ не знаетъ какъ подойти къ ней, что́ говорить съ нею, и замѣчаетъ, что у нея гусиное лицо. Нечаянно поворачивается онъ въ-сторону и видитъ другую жену, тоже съ гусинымъ лицомъ. Поворачивается въ другую сторону—стоитъ третья жена; назадъ—еще одна жена. Тутъ его беретъ тоска; онъ бросился бѣжать въ садъ, но въ саду жарко; онъ снялъ шляпу, видитъ: и въ шляпѣ сидитъ жена. Потъ выступилъ у него на лицѣ. Полѣзъ въ карманъ за платкомъ — и въ карманѣ жена; вынулъ изъ уха хлопчатую бумагу — и тамъ сидитъ жена... То вдругъ онъ прыгалъ на одной ногѣ; а тетушка, глядя на него, говорила съ важнымъ видомъ: да, ты долженъ прыгать, потому-что ты теперь женатый человѣкъ. Онъ къ ней — но тетушка, уже не тетушка, а колокольня. И чув-

ствуетъ, что его кто-то тащитъ веревкою на колокольню. «Кто это тащитъ меня?» жалобно проговорилъ Иванъ Өедоровичъ. «Это я, жена твоя, тащу тебя, потому-что ты колоколъ». — «Нѣтъ, я не колоколъ, я Иванъ Өедоровичъ!» кричалъ онъ. «Да, ты колоколъ» говорилъ, проходя мимо, полковникъ П*** пѣхотнаго полка. То вдругъ снилось ему, что жена вовсе не человѣкъ, а какая-то шерстяная матерія; что онъ въ Могилевѣ приходитъ въ лавку къ купцу. «Какой прикажете матеріи? говоритъ купецъ: «вы возьмите жены, это самая модная матерія! очень добротная! изъ нея всѣ теперь шьютъ себѣ сюртуки». Купецъ мѣряетъ и рѣжетъ жену. Иванъ Өедоровичъ беретъ ее подъ мышку, идетъ къ жиду, портному. «Нѣтъ» говоритъ жидъ: «это дурная матерія! изъ нея никто не шьетъ себѣ сюртука...» Въ страхѣ и безпамятствѣ просыпается Иванъ Өедоровичъ; холодный потъ льется съ него градомъ.

Какъ только всталъ онъ поутру, тотчасъ обратился къ гадательной книгѣ, въ концѣ которой одинъ добродѣтельный книгопродавецъ, по своей рѣдкой добротѣ и безкорыстію, помѣстилъ сокращенный снотолкователь. Но тамъ совер-

шенно не было ничего, даже хотя немного похожаго на такой безсвязный сонъ.

Между-тѣмъ въ головѣ тетушки созрѣлъ совершенно новый замыселъ, о которомъ узнаете въ слѣдующей главѣ.

ЗАКОЛДОВАННОЕ МѢСТО.

ЗАКОЛДОВАННОЕ МѢСТО,

БЫЛЬ,

РАЗСКАЗАННАЯ ДЬЯЧКОМЪ ***СКОЙ ЦЕРКВИ.

═

Ейбогу, уже надоѣло разсказывать! да что̀ вы думаете? право скучно: разсказывай, да и разсказывай, и отвязаться нельзя! ну, извольте, я разскажу, только, ей-ей, въ послѣдній разъ. Да, вотъ вы говорили на-счетъ того, что человѣкъ можетъ совладать, какъ говорятъ, съ нечистымъ духомъ. Оно конечно, то есть, если хорошенько подумать, бываютъ на свѣтѣ всякіе слу-

чаи… однакожъ не говорите этого: захочетъ обморочить дьявольская сила, то обморочитъ; ейбогу обморочитъ! Вотъ извольте видѣть: насъ всѣхъ у отца было четверо; я тогда былъ еще дурень: всего мнѣ было лѣтъ одиннадцать; такъ нѣтъ же, не одиннадцать: я помню какъ теперь, когда разъ побѣжалъ-было на четверенькахъ и сталъ лаять по-собачьи, батько закричалъ на меня, покачавъ головою: «эй, Ѳома, Ѳома! тебя женить пора, а ты дурѣешь, какъ молодой лошакъ!» Дѣдъ былъ еще тогда живъ, и на ноги, пусть ему легко икнется на томъ свѣтѣ, довольно крѣпокъ; бывало вздумаетъ.... да что жъ этакъ разсказывать? Одинъ выгребаетъ изъ печки цѣлый часъ уголь для своей трубки, другой зачѣмъ-то побѣжалъ за комору. Что, въ-самомъ-дѣлѣ!… добро бы по неволѣ, а то вѣдь сами же напросились; слушать, такъ слушать! Батько еще въ началѣ весны повезъ въ Крымъ на продажу табакъ; не помню только, два, или три воза снарядилъ онъ; табакъ былъ тогда въ цѣнѣ. Съ собою взялъ онъ трехгодоваго брата, пріучать заранѣе чумаковать; насъ осталось: дѣдъ, мать, я, да братъ, да еще братъ. Дѣдъ засѣялъ баштанъ на самой дорогѣ и перешелъ

жить въ курень; взялъ и насъ съ собою гонять воробьевъ и сорокъ съ баштана. Намъ это было, нельзя сказать, чтобы худо; бывало, наѣшься въ день столько огурцовъ, дынь, рѣпы, цыбули, гороху, что въ животѣ, ейбогу, какъ-будто пѣтухи кричатъ. Ну, оно притомъ же и прибыльно: проѣзжіе толкутся по дорогѣ, всякому захочется полакомиться арбузомъ, или дынею; да изъ окрестныхъ хуторовъ, бывало, нанесутъ на обмѣнъ куръ, яицъ, индѣекъ; житье было хорошее. Но дѣду более всего любо было то̀, что чумаковъ каждый день возовъ пятьдесятъ проѣдетъ; народъ, знаете, бывалый: пойдетъ разсказывать — только уши развѣшивай! а дѣду это все равно, что голодному галушки; иной разъ, бывало, случится встрѣча со старыми знакомыми; дѣда всякій уже зналъ: можете посудить сами, что̀ бываетъ, когда соберется старье: тара, тара, тогда-то, да тогда-то, такое-то, да такое-то было... ну, и разольются! вспомянутъ, Богъ знаетъ, когдашнее. Разъ, ну вотъ право, какъ-будто теперь случилось, солнце стало уже садиться; дѣдъ ходилъ по баштану и снималъ съ кавуновъ листья, которыми прикрывалъ ихъ днемъ, чтобы не попеклись на солнцѣ. «Смотри,

Остапъ!» говорю я брату: «вонъ чумаки ѣдутъ!» — «Гдѣ чумаки?» сказалъ дѣдъ, положивши значекъ на большой дынѣ, чтобы на случай не съѣли хлопцы. По дорогѣ тянулось точно возовъ шесть. Впереди шелъ чумакъ уже съ сизыми усами; не дошедши шаговъ, какъ-бы вамъ сказать, на десять, онъ остановился. «Здорово, Максимъ! вотъ привелъ Богъ гдѣ увидѣться!» Дѣдъ прищурилъ глаза: «а! здорово, здорово! откуда Богъ несетъ? И Болячка здѣсь? здорово, здорово, братъ! Что за дьяволъ! да тутъ всѣ: и Крутотрыщенко! и Печерыця! и Ковелекъ! и Стецько! здорово! А, га, га! го, го!...» и пошли цаловаться! Воловъ распрягли и пустили пастись на траву; возы оставили на дорогѣ, а сами сѣли всѣ въ кружокъ впереди куреня и закурили люльки. Но куда же тутъ до люлекъ? за росказнями, да за раздобарами врядъ-ли и по одной досталось. Послѣ полдника сталъ дѣдъ потчивать гостей дынями; вотъ, каждый взявши по дынѣ, обчистилъ ее чистенько ножикомъ (калачи всѣ были тертые, мыкали не мало, знали уже какъ ѣдятъ на свѣтѣ — пожалуй и за панскій столъ, хоть сейчасъ, готовы сѣсть); обчистивши хорошенько, проткнулъ каждый пальцемъ дырочку,

вынилъ изъ нея кисель, сталъ рѣзать по кусочкамъ и класть въ ротъ. «Что жъ вы, хлопцы» сказалъ дѣдъ: «рты свои разинули? танцуйте, собачьи дѣти! Гдѣ, Остапъ, твоя сопилка? А ну-ка казачка! Ѳома, берись въ боки! ну! вотъ такъ! гей, гопъ!» Я былъ тогда малый подвижной. Старость проклятая! теперь уже не пойду такъ; вмѣсто всѣхъ выкрутасовъ, ноги только спотыкаются. Долго глядѣлъ дѣдъ на насъ, сидя съ чумаками. Я замѣчаю, что у него ноги не постоять на мѣстѣ: такъ какъ-будто ихъ что-нибудь дергаетъ. «Смотри, Ѳома» сказалъ Остапъ: «если старый хрѣнъ не пойдетъ танцовать!» Что жъ вы думаете? не успѣлъ онъ сказать — не вытерпѣлъ старичина! захотѣлось, знаете, прихвастнуть передъ чумаками. «Вишь чертовы дѣти! развѣ такъ танцуютъ? Вотъ какъ танцуютъ!» сказалъ онъ, поднявшись на ноги, протянувъ руки и ударивъ каблуками. Ну, нечего сказать, танцовать-то онъ, танцовалъ такъ, что хоть бы и съ гетманшею. Мы посторонились, и пошелъ хрѣнъ вывертывать ногами по всему гладкому мѣсту, которое было возлѣ грядки съ огурцами. Только-что дошелъ однакожъ до половины и хотѣлъ разгуляться и выметнуть ногами

на вихорь какую-то штуку, не подымаются ноги, да и только! Что за пропасть! разогнался снова, дошелъ до середины — не беретъ! что хочь дѣлай: не беретъ, да и не беретъ! ноги, какъ деревянныя стали. «Вишь дьявольское мѣсто! вишь сатанинское наважденіе! впутается же Иродъ, врагъ рода человѣческаго!» Ну какъ надѣлать сраму передъ чумаками? Пустился снова и началъ чесать дробно, мелко, любо глядѣть; до середины — нѣтъ! не вытанцовывается, да и полно! «А, шельмовскій сатана! чтобъ ты подавился гнилою дынею! чтобъ еще маленькимъ издохнулъ, собачій сынъ! вотъ на-старость надѣлалъ стыда какого!» и въ-самомъ-дѣлѣ сзади кто-то засмѣялся. Оглянулся: ни баштану, ни чумаковъ, ничего; назади, впереди, по сторонамъ гладкое поле. «Э! ссс... вотъ тебѣ на!» Началъ прищуривать глаза — мѣсто, кажись, не совсѣмъ незнакомое: съ боку лѣсъ, изъ-за лѣса торчалъ какой-то шесть и видѣлся прочь-далеко въ небѣ. Что за-пропасть: да это голубятня, что у попа въ огородѣ! Съ другой стороны тоже что-то сѣрѣетъ; вглядѣлся: гумно волостнаго писаря. Вотъ куда затащила нечистая сила! Поколесивши кругомъ, наткнулся онъ на дорожку.

Мѣсяца не было; бѣлое пятно мелькало вмѣсто его сквозь тучу. «Быть завтра большому вѣтру!» подумалъ дѣдъ. Глядь, въ сторонѣ отъ дорожки на могилкѣ вспыхнула свѣчка. «Вишь!» сталъ дѣдъ и руками подперся въ боки и глядитъ: свѣчка потухла; вдали и немного подалѣе загорѣлась другая. «Кладъ!» закричалъ дѣдъ: «я ставлю, Богъ знаетъ что̀, если не кладъ!» и уже поплевалъ-было въ руки, чтобы копать, да спохватился, что нѣтъ при немъ ни заступа, ни лопаты. «Эхъ, жаль! ну, кто знаетъ, можетъ-быть, сто̀итъ только поднять дернъ, а онъ тутъ и лежитъ, голубчикъ! Нечего дѣлать, назначить по-крайней-мѣрѣ мѣсто, чтобы не позабыть послѣ!» Вотъ перетянувши, сломанную видно вихремъ, порядочную вѣтку дерева, навалилъ онъ ее на ту могилку, гдѣ горѣла свѣчка и пошелъ по дорожкѣ. Молодой дубовый лѣсъ сталъ рѣдѣть; мелкнулъ плетень. «Ну, такъ! не говорилъ ли я» подумалъ дѣдъ: «что это попова левада; вотъ и плетень его! теперь и версты нѣтъ до баштана». Поздненько однакожъ пришелъ онъ домой и галушекъ не захотѣлъ ѣсть. Разбудивши брата Остапа, спросилъ только, давно ли уѣхали чумаки, и завернулся въ тулупъ. И когда

тотъ началъ-было спрашивать: «а куда тебя, дѣдъ, черти дѣли сегодня?» — «Не спрашивай» сказалъ онъ, завертываясь еще крѣпче: «не спрашивай, Остапъ; не то, посѣдѣешь!» и захрапѣлъ такъ, что воробьи, которые забрались-было на баштанъ, поподымались съ перепугу на воздухъ. Но гдѣ ужъ тамъ ему спалось? Нечего сказать, хитрая была бестія, дай Боже ему царствіе небесное! умѣлъ отдѣлаться всегда. Иной разъ такую запоетъ пѣсню, что губы станешь кусать.

На другой день, чуть только стало смеркаться въ полѣ, дѣдъ надѣлъ свитку, подпоясался, взялъ подъ мышку заступъ и лопату, надѣлъ на голову шапку, выпилъ кухоль сыровцу, утеръ губы полою и пошелъ прямо къ попову огороду. Вотъ минулъ и плетень и низенькій дубовый лѣсъ; промежъ деревьевъ вьется дорожка и выходитъ въ поле; кажись, та самая. Вышелъ и на поле: мѣсто точь-вточь вчерашнее: вонъ и голубятня торчитъ; но гумна не видно. «Нѣтъ, это не то мѣсто; то, стало-быть, подалѣе; нужно, видно, поворотить къ гумну!» поворотилъ назадъ, сталъ итти другою дорогою — гумно видно, а голубятни нѣтъ! Опять поворо-

тилъ поближе къ голубятнѣ — гумно спряталось. Въ полѣ, какъ нарочно, сталъ накрапывать дождикъ. Побѣжалъ снова къ гумну — голубятня пропала; къ голубятнѣ — гумно пропало. «А чтобъ ты, проклятый сатана, не дождалъ дѣтей своихъ видѣть!» а дождь пустился, какъ изъ ведра. Вотъ, скинувши новые сапоги, и обвернувши въ хустку, чтобы не покоробились отъ дождя, задалъ онъ такого бѣгуна, какъ-будто панскій иноходецъ. Влѣзъ въ курень, промокши насквозь, накрылся тулупомъ и принялся ворчать что-то сквозь зубы и приголубливать чорта такими словами, какихъ я еще отъ-роду не слыхивалъ; признаюсь, я бы, вѣрно, покраснѣлъ, если бы случилось это среди дня. На другой день проснулся, смотрю: уже дѣдъ ходитъ по баштану, какъ ни въ чемъ не бывало и прикрываетъ лопухомъ арбузы. За обѣдомъ опять старичина разговорился, сталъ пугать меньшаго брата, что онъ обмѣняетъ его на куръ вмѣсто арбуза; а пообѣдавши сдѣлалъ самъ изъ дерева пищикъ и началъ на немъ играть; и далъ намъ забавляться дынью, свернувшуюся въ три погибели, словно змѣю, которую называлъ онъ турецкою. Теперь такихъ дынь я нигдѣ и не ви-

дывалъ; правда сѣмяна ему что-то издалека достались. Ввечеру, уже повечерявши, дѣдъ пошелъ съ заступомъ прокопать новую грядку для позднихъ тыквъ. Сталъ проходить мимо того заколдованнаго мѣста, не вытерпѣлъ, чтобы не проворчать сквозь зубы: «проклятое мѣсто!» взошелъ на середину, гдѣ не вытанцовывалось позавчера и ударилъ въ-сердцахъ заступомъ. Глядь, вокругъ него опять то же самое поле: съ одной стороны торчитъ голубятня, а съ другой гумно. «Ну, хорошо, что догадался взять съ собою заступъ. Вонъ и дорожка! вонъ и могилка стоитъ! вонъ и вѣтка навалена! вонъ-вонъ горитъ и свѣчка! Какъ бы только не ошибиться». Потихоньку побѣжалъ онъ, поднявши заступъ вверхъ, какъ-будто бы хотѣлъ имъ попотчивать кабана, затесавшагося на баштанъ, и остановился передъ могилкою. Свѣчка погасла; на могилѣ лежалъ камень, заросшій травою. «Этотъ камень нужно поднять!» подумалъ дѣдъ и началъ обкапывать его со всѣхъ сторонъ. Великъ проклятый камень! вотъ, однако жъ, упершись крѣпко ногами въ землю, пихнулъ онъ его съ могилы. «Гу!» пошло по долинѣ. «Туда тебѣ и дорога! теперь живѣе пойдетъ дѣло». Тутъ дѣдъ остановился, досталъ

рожокъ, насыпалъ на кулакъ табаку, и готовился-было поднести къ носу, какъ вдругъ надъ головою его «чихи!» чихнуло что-то такъ, что покачнулись деревья и дѣду забрызгало все лицо. «Отворотился хоть бы въ сторону, когда хочешь чихнуть!» проговорилъ дѣдъ, протирая глаза. Осмотрѣлся, никого нѣтъ. «Нѣтъ, не любитъ, видно, чортъ табаку!» продолжалъ онъ, кладя рожокъ за пазуху и принимаясь за заступъ. «Дурень же онъ, а такого табаку ни дѣду, ни отцу его не доводилось нюхать!» Сталъ копать— земля мягкая, заступъ такъ и уходитъ; вотъ что-то звукнуло. Выкидавши землю, увидѣлъ онъ котелъ. «А, голубчикъ! вотъ гдѣ ты!» вскрикнулъ дѣдъ, подсовывая подъ него заступъ. «А, голубчикъ, вотъ гдѣ ты!» запищалъ птичій носъ, клюнувши котелъ. Посторонился дѣдъ и выпустилъ заступъ. «А, голубчикъ, вотъ гдѣ ты!» заблеяла баранья голова съ верхушки дерева. «А, голубчикъ, вотъ гдѣ ты!» заревѣлъ медвѣдь, высунувши изъ-за дерева свое рыло. Дрожь пропяла дѣда. «Да тутъ страшно слово сказать!» проворчалъ онъ про-себя. «Тутъ страшно слово сказать!» пискнулъ птичій носъ. «Страшно слово сказать!» заблеяла баранья голова. «Сло-

во сказать!» ревнулъ медвѣдь. «Гм...» сказалъ дѣдъ, и самъ перепугался. «Гм!» пропищалъ носъ. «Гм!» проблеялъ баранъ. «Гумъ!» заревѣлъ медвѣдь. Со страхомъ оборотился дѣдъ: Боже ты мой, какая ночь! ни звѣздъ, ни мѣсяца; вокругъ провалы; подъ ногами круча безъ дна; надъ головою свѣсилась гора, и вотъ-вотъ, кажись, такъ и хочетъ оборваться на него! и чудится дѣду, что изъ-за нея мигаетъ какая-то харя: у! у! носъ какъ мѣхъ въ кузницѣ; ноздри — хоть по ведру воды влей въ каждую! губы ейбогу, какъ двѣ колоды! красныя очи выкатились наверхъ, и еще и языкъ высунула, и дразнитъ! «Чортъ съ тобою!» сказалъ дѣдъ, бросивъ котелъ: «на тебѣ и кладъ твой! экая мерзостная рожа!» и уже ударился-было бѣжать, да оглядѣлся и сталъ, увидѣши, что все было по-прежнему. «Это только пугаетъ нечистая сила!» Принялся снова за котелъ — нѣтъ, тяжелъ! что дѣлать? тутъ же не оставить! Вотъ, собравши всѣ силы, ухватился онъ за него руками: «ну, разомъ, разомъ! еще, еще, еще!» и вытащилъ! «Ухъ! теперь понюхать табаку!» Досталъ рожокъ; прежде, однако жъ, чѣмъ сталъ насыпать, осмотрѣлся хорошенько, нѣтъ ли кого: кажись, что

нѣтъ; но вотъ чудится ему, что пень дерева пыхтитъ и дуется, показываются уши, наливаются красные глаза, ноздри раздулись, носъ поморщился, и вотъ, такъ и собирается чихнуть. «Нѣтъ, не понюхаю табаку!» подумалъ дѣдъ, спрятавши рожокъ: «опять заплюетъ сатана очи!» Схватилъ скорѣе котелъ и давай бѣжать, сколько доставало духу; только слышитъ, что сзади, что-то такъ и чешетъ прутьями по ногамъ... «Ай! ай, ай!» покрикивалъ только дѣдъ, ударивъ во всю мочь; и какъ добѣжалъ до попова огорода, тогда только перевелъ немного духъ.

«Куда это зашелъ дѣдъ?» думали мы, дожидаясь часа три. Уже съ хутора давно пришла мать и принесла горшокъ горячихъ галушекъ. Нѣтъ, да и нѣтъ дѣда! Стали опять вечерять сами; послѣ вечери вымыла мать горшокъ и искала глазами, куда бы вылить помои, потому-что вокругъ все были гряды, какъ видитъ, идетъ прямо къ ней на-встрѣчу кухва. На небѣ было-таки темненько. Вѣрно, кто-нибудь изъ хлопцевъ, шаля, спрятался сзади и подталкиваетъ ее. «Вотъ кстати, сюда вылить помои!» сказала и вылила горячія помои. «Ай!» что-то закричало басомъ. Глядь—дѣдъ. Ну, кто его знаетъ! Ейбогу, думали,

что бочка лѣзетъ. Признаюсь, хоть оно и грѣшно немного, а право, смѣшно показалось, когда сѣдая голова дѣда вся была окунута въ помои и обвѣшена корками отъ арбузовъ и дынь. «Вишь, чортова баба!» сказалъ дѣдъ, обтирая голову полою: «какъ опарила! какъ-будто свинью передъ рождествомъ! Ну, хлопцы, будетъ вамъ теперь на бублики! будете, собачьи дѣти, ходить въ золотыхъ жупанахъ! Посмотрите-ка, посмотрите сюда, что̀ я вамъ принесъ!» сказалъ дѣдъ, и открылъ котелъ. Что̀ жъ бы вы думали такое тамъ было? ну, по-малой-мѣрѣ, подумавши хорошенько: а? золото? вотъ то-то, что не золото: соръ, дрязгъ... стыдно сказать, что̀ такое. Плюнулъ дѣдъ, кинулъ котелъ, и руки послѣ того вымылъ.

И съ той поры заклялъ дѣдъ и насъ вѣрить когда-либо чорту. «И не думайте!» говорилъ онъ часто намъ: «все, что̀ ни скажетъ врагъ Господа Христа, все солжетъ, собачій сынъ! у него правды и на копейку нѣтъ!» И, бывало, чуть только услышитъ старикъ, что въ иномъ мѣстѣ не спокойно: «а ну-те ребята, давайте крестить!» закричитъ намъ: «такъ его! такъ его! хорошенько!» и начнетъ класть кресты. А то прокля-

тое мѣсто, гдѣ не вытанцовывалось, загородилъ плетнемъ, велѣлъ кидать все, что̀ ни есть непотребнаго, весь бурьянъ и соръ, который выгребалъ изъ баштана. Такъ вотъ какъ морочитъ нечистая сила человѣка! Я знаю хорошо эту землю: послѣ того нанимали ее у батьки подъ баштанъ сосѣдніе казаки. Земля славная! и урожай всегда бывалъ на-диво; но на заколдованномъ мѣстѣ никогда не было ничего добраго. Засѣютъ какъ слѣдуетъ, а взойдетъ такое, что и разобрать нельзя: арбузъ не арбузъ, тыква не тыква, огурецъ не огурецъ.... чортъ знаетъ, что̀ такое!

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

ВЕЧЕРА НА ХУТОРѢ БЛИЗЪ ДИКАНЬКИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

СОЧИНЕНІЯ

ГОГОЛЯ.

1

